

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

А.И. Алмазов

Канонарий монаха Иоанна

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

А. И. АЛМАЗОВЪ,

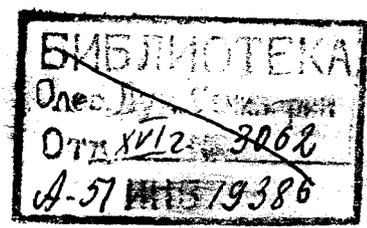
КАНОНАРІЙ
МОНАХА ІОАННА.

*Журнал
№ 2461*

*A-104
2461*

Къ вопросу о первоначальной судьбѣ номоканона Іоанна Постника.

Критическій очеркъ по поводу книги: Н. А. Заозерскій и А. С. Хахановъ — «Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями издателей». М. 1902. 96+96 стр.

ОДЕССА.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, УЛИЦА ЖУКОВСКАГО, 43.
1907.

**КИЕВСКАЯ
Православная Духовная
Семинария**

_____ 194 г.

№ _____
**Киев, ул. Жерты Революции 4
ОТДВЛЕНИЕ.**

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго
Университета. Ректоръ *И. М. Заичевскій.*

	Стр.
Предварительныя замѣчанія	I—IV
I.	
Изданные памятники номоканона, приписываемаго патр. Іоанну Постнику, и ихъ классификація	1—13
II.	
Вопросъ о происхожденіи и древности Мориновскаго пенитенціала— «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογούμενων»	13—29
III.	
«Κανονικόν», — его происхождение и отношеніе къ «Δι- δασκαλία τῶν μοναζουσῶν», приписываемому патр. Іоанну Постнику, и Канонарію монаха Іоанна	29—56
IV.	
«Κανονάριον» монаха Іоанна, — критическій обзоръ его содержанія, время происхожденія и составитель	56—93
V.	
«Διδασκαλία πατέρων περὶ τῶν ὀφειλόντων ἐξαγγεῖλαι τὰ ἴδια ἁμαρτήματα», — его надписаніе, отно- шеніе къ «Κανονάριον»-у, время происхожденія и значеніе	94—125
VI.	
Номоканонъ Іоанна Постника, какъ сложное цѣлое въ раз- личномъ соединеніи — «Διδασκαλίας πατέρων», «Κανονάριον»-а и «Κανο- νικόν»-а и его внутреннее достоинство	126—142
VII.	
Нѣсколько словъ относительно текстовъ, изданныхъ проф. Н. А. Заозерскимъ. — Заключительные выводы	142—153
Приложеніе	154—164

Свѣдѣнія о покаянномъ номоканонѣ съ именемъ Іоанна Постника въ русской литературѣ церковнаго права въ первый разъ появляются только въ извѣстномъ «Опытѣ курса церковнаго законовѣдѣнія» (1851 г.) архим. Іоанна (впоследствии еписк. Смоленскаго) Какъ дополненіе къ канонамъ, авторъ издалъ здѣсь переводъ 19-ти правилъ Постникова епитимійника, предпославъ ему очень краткое предисловіе. Послѣ того рѣчь о немъ возбуждается только уже въ 1872 г. и снова не специально, а лишь попутно. Именно — проф. А. С. Павловъ въ своемъ трудѣ «Номоканонъ при Б. Требникѣ» (1872 г.), говоря объ источникахъ издаваемаго имъ текста, удѣлилъ нѣсколько цѣнныхъ страницъ (19—26) и исторической судьбѣ Постникова пенитенціала Въ этой книгѣ авторъ собралъ о немъ столько свѣдѣній, какъ до того еще не было даже и въ западной литературѣ¹⁾. Страницы книги проф. Павлова дали въ свою очередь поводъ проф. М. И. Горчакову, въ рецензіи на нее (по случаю представленія ея авторомъ на соисканіе Уваровской преміи), сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ разработкѣ вопроса о томъ же номоканонѣ и собственно побудили его войти въ болѣе или менѣе подробное обзорное извѣстныхъ дотошъ редакцій этого мало обследованнаго памятника канонической письменности;

¹⁾ Слова проф. М. И. Горчакова въ рецензіи на эту книгу. См. Отчетъ о XVI присуд. наградъ гр. Уварова (Спб. 1874), стр. 81. Не лишнее, однако, при такомъ отзывѣ имѣть въ виду историческую справку о номоканонѣ І. Постника, помѣщенную въ *Πηδάλιον*-ѣ его издателями, при внесении правилъ съ именемъ этого патріарха.

почтенный ученый, впрочем, не входилъ въ надлежащую критическую ихъ оцѣнку²⁾.

Въ 1888 г. проф. Н. С. Суворовъ издалъ замѣчательную книгу — «Слѣды западно-католическаго вліянія церковнаго права въ памятникахъ древне-русскаго права». Въ ней между прочимъ онъ затронулъ въ нѣсколькихъ словахъ давно еще интересовавшій вопросъ относительно подлинности Постникова покаяннаго устѣва (стр. 125—129). Мысли, высказанныя ученымъ авторомъ, вызвали цѣлый рядъ соображеній проф. А. С. Павлова contra, въ его книгѣ-рецензіи — «Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго славянскаго и русскаго церк. права» (стр. 30—49). Отвѣчая на эту критическую книгу, проф. Н. С. Суворовъ въ свою очередь въ книгѣ (изданной въ 1892 г.) — «Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право» — еще болѣе глубоко затрогиваетъ тотъ-же вопросъ о подлинности номоканона съ именемъ І. Постника (стр. 102—154). Въ то-же самое время привелось и намъ коснуться начальной исторіи того-же памятника — не какъ собственно пенитенціала, а только какъ исповѣднаго устава (въ изслѣдованіи «Тайная исповѣдь», т. I).

Въ 1897 г. А. С. Павловъ вторично издалъ свою книгу о Номоканонѣ при Б. Требникѣ. Здѣсь и уже въ переработанномъ содержаніи онъ снова вводитъ рѣчь о томъ-же номоканонѣ Постника, со стороны его происхожденія и значенія (стр. 32—40); сверхъ того тамъ-же онъ посвящаетъ ему особое приложение (стр. 455—491), въ которомъ спеціально изслѣдуетъ вопросъ — «О хронологическомъ и матеріальномъ отношеніи между номоканономъ Постника и 102 пр. Трулльскаго собора». — По поводу разсужденій автора въ настоящей книгѣ пришлось въ нѣсколькихъ словахъ высказаться и намъ въ критическомъ отзывѣ о ней, по случаю представленія ея на соисканіе преміи³⁾. Одновременно тѣмъ-же разсужденіямъ была посвящена спеціальная статья опять проф. Н. С. Суворовымъ, подъ заглавіемъ — «Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ» (Ярославль, 1898).

Такова наша литература по вопросу о номоканонѣ Іоанна Постника до позднѣйшаго времени. Въ дополненіе къ ней въ 1902 г. и снова проф. Н. С. Суворовъ печатаетъ большой

²⁾ См. *ibid.*, стр. 81—95 + 137—163.

³⁾ «Законоправильникъ при русскомъ Требникѣ», Спб. 1902, стр. 84—94.

цѣнности для исторіи предполагаемаго теперь пенитенціала трудъ — «Вѣроятный составъ древняго исповѣднаго и покаяннаго уставовъ Восточной церкви», къ сожалѣнію, не изданный имъ отдѣльно⁴⁾; въ немъ авторъ публикуетъ древнѣйшіе изъ доселѣ извѣстныхъ рукописные памятники греческаго епитиміаго номоканона. — Въ параллель этому труду и въ то же самое время, въ Москвѣ двумя учеными — проф. Н. А. Заозерскимъ и проф. А. С. Хахановымъ выпускается въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ — «Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ — грузинской, греческой и славянской, съ предисловіями издателей», напечатанная первоначально въ Читеніяхъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Въ ней, если и не издаются новые греческіе тексты Постникова епитиміаго, то по крайней мѣрѣ публикуется еще одинъ древній славяно-русскій переводный его текстъ по двумъ спискамъ, а сверхъ того русскіе канонисты въ первый разъ знакомятся съ памятникомъ того-же пенитенціала, какъ онъ имѣется въ ряду переводныхъ произведеній грузинской письменности. При такомъ своемъ содержаніи настоящая книга, со стороны изданныхъ въ ней текстовъ, является прямымъ дополненіемъ помянутаго труда проф. Н. С. Суворова; но со стороны изслѣдованія она направляется къ той же самой цѣли, какъ и этотъ послѣдній трудъ.

По своему объему изданіе проф. Н. А. Заозерскаго и А. С. Хаханова представляетъ скромную книгу. Въ ней всего (положимъ, въ большую 8^ю) 96 страницъ, посвященныхъ для предисловія издателей и совершенно столько-же обнимаетъ изданіе самаго епитиміаго І. Постника въ отмѣчаемыхъ заглавіемъ книги текстахъ — греческомъ, славянскомъ и грузинскомъ (послѣдній съ русскимъ переводомъ). Столь ограниченныя размѣры книги само собою говорятъ, что участіе въ ея составленіи одновременно двухъ ученыхъ авторовъ — извѣстнаго нашего канониста, проф. Московской дух. Академіи, Н. А. Заозерскаго, и проф. Лазаревскаго института, А. С. Хаханова, — объясняется не столько сложностью предпринятой теперь задачи, сколько особыми, исключительными условіями. Такъ это, дѣйствительно, и есть.

Собственно говоря, существо задачи настоящей книги съ должнымъ достоинствомъ могло-бы быть исполнено и однимъ

⁴⁾ См. Византійскій Временникъ, 1901, VIII, вып. 3—4, стр. 357—434; 1902, IX, вып. 3—4, стр. 378—417. Мы, однако, пользуемся имъ далѣе въ видѣ отдѣльной авторской брошюры.

проф. Н. А. Заозерскимъ. Но на сей разъ возникла полезная идея познакомить ученый мiръ съ грузинскимъ переводомъ Постникова номоканона; таковымъ ознакомленiемъ, можно сказать, едва-ли не обнимается и главная задача настоящаго предприятия, со стороны изданiя при немъ текстовъ. При такомъ намъренiи, для проф. Н. А. Заозерскаго, какъ не знакомаго съ грузинскимъ языкомъ, само собою явилась необходимость, для осуществленiя послѣдней цѣли, въ участiи какого-либо специалиста по знанiю грузинскаго языка, знакомаго при томъ-же, въ извѣстной мѣрѣ, и съ древнею грузинскою письменностью. Проф. А. С. Хахановъ и принялъ на себя выполненiе уазываемой теперь специальной задачи, какъ ученый, уже заявившiй себя трудами по исторiи грузинской рукописной литературы. Примѣнительно къ такому участiю А. С. Хаханова въ изданiи настоящей книги, и получается, въ отношенiи опубликованiя въ ней рукописныхъ текстовъ: проф. Н. А. Заозерскiй взялъ на себя и выполнилъ изданiе славянскаго текста, сопроводивъ его уже извѣстнымъ въ печати греческимъ оригиналомъ; проф. же А. С. Хахановъ издаеть текстъ грузинскiй, параллельно съ переводомъ его на русскiй языкъ.

Имѣя каждый свою опредѣленную задачу при изданiи текстовъ, тотъ и другой изъ двухъ ученыхъ, въ соответствiе сему, преслѣдуютъ специальныя цѣли и въ ихъ предварительныхъ изслѣдованiяхъ къ этому изданiю, называемыхъ ими — «предисловіями». И именно. — Проф. Н. А. Заозерскiй, какъ специалистъ по церковному праву, въ виду каноническаго характера издаваемаго теперь памятника, излагаетъ историко-критическiй очеркъ о немъ по существу, какъ о произведенiи именно каноническаго характера. Проф. же А. С. Хахановъ въ своемъ предисловіи разсматриваетъ тотъ-же источникъ церковнаго права, какъ только переводный памятникъ древне-грузинской письменности. Такимъ образомъ, въ предисловіяхъ задача проф. Н. А. Заозерскаго несравненно болѣе широкая, нежели задача проф. А. С. Хаханова. Соответственно сему, предисловіе перваго и обнимаетъ наибольшую часть — 86 страницъ; предисловіе-же втораго ограничивается всего на всего 12-ю страницами.

Дѣлая оцѣнку участiя въ настоящей книгѣ проф. А. С. Хаханова въ особой статьѣ, мы занимаемся въ предлагаемомъ очеркѣ тою же самою книгою, поскольку она есть трудъ проф. Н. А. Заозерскаго.

I.

Изданные памятники номоканона, приписываемаго патр. Иоанну Постнику, и ихъ классификація.

Въ общемъ заглавіи предисловія проф. Н. А. Заозерскаго поставлено: «Древнѣйшія редакціи епитимiйнаго номоканона Иоанна Постника и ихъ основныя элементы». Такимъ заглавіемъ опредѣляется существо общей задачи автора. И нужно сказать, проф. Н. А. Заозерскiй на этотъ разъ поставилъ себѣ цѣль, каковую до него у насъ специально никто не бралъ. При этомъ, добавимъ, онъ входитъ въ анализъ внутренняго взаимоотношенiя всѣхъ извѣстныхъ до сего времени въ печати редакцій Постникова пенитенціала; послѣднее также не было дотолѣ предметомъ особаго изслѣдованiя. Очевидно, такія задачи предисловія Н. А. Заозерскаго вполнѣ оправдываютъ появленiе настоящаго труда почтеннаго ученаго.

Сообразно съ указанною общею цѣлью, проф. Н. А. Заозерскiй распредѣляетъ все свое предисловіе на такіе три отдѣла: I. «Несостоятельность принятаго въ наукѣ мнѣнiя, что «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογούμενων» есть древнѣйшая редакція номоканона I. Постника» (стр. 8—16); II. «Основныя элементы номоканона I. Постника» (стр. 17—46), и III. «Формы сочетанiя основныхъ элементовъ въ номоканонѣ I. Постника» (стр. 47—59). Къ этимъ тремъ отдѣламъ, отвѣчающимъ прямой задачѣ, присоединяется въ качествѣ заключенiя, но уже безъ всякаго заглавія, еще одинъ отдѣлъ; въ немъ авторъ останавливаетъ вниманiе на внутренней, идейной сторонѣ признаваемыхъ имъ древнѣйшихъ редакцій Постникова епитимiйника, — на единствѣ идеи входящихъ въ эти редакціи разнородныхъ элементовъ (обрядоваго и дисциплинарнаго) и на относительномъ

Подготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семинарії
http://Lib.kdais.kiev.ua

достоїнств їх, сравнительно съ однородними по назначенію и одновременными по примѣненію на практикѣ покаянными уставами католическаго запада. — Всѣмъ этимъ отдѣламъ, подѣ указаннымъ выше общимъ заглавіемъ, авторъ предпосылаетъ, такъ сказать, общее введеніе, посвященное исчисленію того, что уже ранѣе было сдѣлано по изданію памятниковъ, относящихся въ исторіи номоканона I. Постника, и указанію лицъ, занимавшихся до проф. Н. А. Заозерскаго вопросомъ о дѣленіи на редакціи и взаимоотношеніи тѣхъ-же памятниковъ. Этимъ введеніемъ первоначально мы и займемся.

Упомянувъ о томъ, что дѣло изученія епитимійныхъ номоканоновъ у насъ только начинается, справедливо отмѣтивъ, затѣмъ, большую важность такого изученія въ историческомъ отношеніи и, наконецъ, указавъ на то, что въ предпринятомъ теперь трудѣ онъ является только продолжателемъ уже сдѣланнаго, Н. А. Заозерскій, въ виду предполагаемаго имъ изданія новыхъ текстовъ Постникова пенитенціала, первымъ дѣломъ и приводитъ здѣсь въ извѣстность — что-же именно было сдѣлано въ данномъ отношеніи до него, т. е. перечисляетъ всѣ уже осуществившіяся изданія указываемаго пенитенціала, а отчасти и вообще покаянныхъ номоканоновъ.

Авторъ отмѣчаетъ здѣсь, во-первыхъ, иностранныя изданія, и именно: три текста, изданныхъ у Морина (Commentar. historic. de poenitentia), редакціи, внесенныя въ Пидаліонъ и Синтагму Ралли, памятникъ съ надпис. «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν...*», опубликованный Питрою, и, наконецъ, извѣстный пенитенціалъ, изданный Гейтлеромъ въ такъ наз. Синайскомъ глаголическомъ евхологіи. — Списокъ этотъ, несемібно, полный. Однако, намъ думается, авторъ могъ-бы указать здѣсь и номоканонъ, изданный Котельеромъ, такъ какъ онъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ пенитенціалу I. Постника. Съ другой стороны, не лишнее было-бы упомянуть, что у Миня въ Патрологіи перепечатаны первые два Мориновскіе текста, а также изданы оттуда и извлечения изъ номоканона I. Постника, внесенныя въ сборникъ Армепопула, и отрывки съ его-же именемъ изъ Синтагмы М. Властаря⁵⁾. Объ умѣстности такого упоминанія

⁵⁾ Migne — Curs. Compl. Patrolog., t. LXXXVIII, coll. 1885—1906.

дастъ понять самъ-же авторъ, когда свидѣтельствуемъ, какъ затруднительно пользоваться книгою Морина, по крайней мѣрѣ въ не одномъ ея изданіи. Сверхъ-же того, относительно самаго исчисленія здѣсь изданныхъ памятниковъ нельзя не указать, что по изложенію автора всѣ отмѣченные имъ теперь тексты, на глазъ читателя, какъ-бы приурочиваются къ изданію однимъ Мориномъ.

Что касается до отечественной литературы, то въ ней Н. А. Заозерскій тщательно перечисляетъ все изданное проф. М. И. Горчаковымъ въ помянутой выше его рецензіи на книгу проф. А. С. Павлова, упоминаетъ списокъ Канонарія, изданный въ приложеніи къ книгѣ (Богослуженіе Русской церкви въ XVI в.) проф. А. А. Дмитріевскаго, и, наконецъ, отмѣчаетъ, что изданіе относящихся къ его цѣли текстовъ имѣетъ мѣсто и при нашемъ изслѣдованіи объ исповѣди. Кромѣ того, (въ прим. на стр. 4) онъ указываетъ и тексты, сообщенные проф. Н. С. Суворовымъ въ его трудахъ — «Слѣды католическаго вліянія въ памятникахъ русскаго церк. права» и «Къ вопросу о западномъ вліяніи на русское право». Но съ особеннымъ удареніемъ, въ концѣ концовъ, онъ отмѣчаетъ здѣсь помянутое 2-е изд. проф. А. С. Павловымъ «Номоканонъ при Б. Требникѣ». — Весь этотъ перечень даетъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ.

Прежде всего, онъ не безупреченъ въ отношеніи полноты. Такъ, напр., въ немъ не отмѣчается, что при упомянутомъ 2-мъ изд. проф. А. С. Павловымъ Номоканона при Б. Требникѣ, въ дополненіяхъ къ нему (стр. 445—446), изданъ цѣлый сокращенный списокъ номоканона I. Постника (подъ загл. — «*Іоанна Постника съкращеніе*») въ переводѣ на сербскій языкъ.

Затѣмъ, перечисляя русскія изданія, авторъ говоритъ, что, «за весьма немногими исключеніями, они фрагментарны и имѣютъ видъ приложеній къ ученымъ изслѣдованіямъ» (стр. 2). Если послѣднимъ проф. Н. А. Заозерскій хочетъ сказать, что предполагаемые теперь тексты не изслѣдывались у насъ сами въ себѣ, исключая Номоканонъ, изданный А. С. Павловымъ, то это быть можетъ и вѣрно, но только отчасти. Такъ, напр., списки, изданные при рецензіи проф. М. И. Горчакова, являются не простымъ «пристеженіемъ» къ ней, но и отвѣчаютъ самому существу ея задачи. Что же касается до фрагментарности тако-

выхъ изданій, понимаемой авторомъ, какъ очевидно, не въ смыслѣ отсутствія у насъ изданія пенитенціаловъ въ систематическомъ ихъ собраніи, а въ смыслѣ осуществившагося изданія только отдѣльныхъ извлеченій изъ цѣлыхъ памятниковъ, то это уже вовсе не отвѣчаетъ дѣйствительности. На этотъ разъ можно-бы сказать, что такая фрагментарность наблюдается скорѣе на Западѣ, нежели у насъ, гдѣ памятники восточныхъ пенитенціаловъ, съ историко-критическимъ изученіемъ ихъ текста, почти не издавались.

Въ частности говоря, настоящее сужденіе проф. Н. А. Заозерскаго прежде всего не приложимо къ памятникамъ, изданнымъ проф. М. И. Горчаковымъ. Такъ, изданныи у него статьи, отмѣчаемыя авторомъ подъ литт. а — з, въ сущности дѣла цѣльные памятники по исторіи номоканона І. Постника. Самъ-же авторъ говорить относительно текста подъ лит. з (изъ Сянтагмы Властаря) — «здесь мы встрѣчаемъ изданіе цѣльнаго славянскаго памятника — каноникона І. Постника» (стр. 3). А если принять во вниманіе, что въ настоящемъ случаѣ въ книгѣ проф. Горчакова издается цѣлый рядъ памятниковъ, направленныхъ къ одной цѣли, — къ уясненію исторической судьбы Постникова епитимійника, то позволительно сказать, что мы не встрѣчаемъ здесь фрагментарности и въ первомъ указанномъ выше смыслѣ. Равнымъ образомъ, то-же самое въ известной мѣрѣ нужно сказать и относительно цитуемыхъ авторомъ трудовъ проф. Н. С. Суворова, гдѣ также изданы цѣльные номоканоны⁶⁾. Въ особенности-же неправильно авторъ смотритъ относительно изданія покаянныхъ номоканонѣвъ въ III т. нашего изслѣдованія объ исповѣди, говоря, что изданные тамъ «фрагменты, соотвѣтственно задачѣ автора, ограничиваются изложеніемъ исключительно литургическаго элемента» (стр. 4). По нашимъ наблюденіямъ — 1) нигдѣ доселѣ — ни въ западной литературѣ, ни у насъ — не было издано такого собранія восточныхъ пенитенціаловъ, какъ это есть въ указываемой книгѣ, и 2) какъ въ отношеніи греческой письменности, такъ и въ отношеніи славяно-русской здѣсь изданы не только фрагменты, но и довольно почтенный рядъ цѣльныхъ памятниковъ, именно каноническаго

⁶⁾ Н. С. Суворовъ — «Слѣды западно-католическаго вліянія въ памяти древне-русск. права», прил. № 3 (стр. 31—42).

свойства (и собственно — греческихъ — I, №№: 1, 2, 4, 13 и 15, — и славянскихъ — VI, №№: 29—31).

Повидимому, говоря, что въ отечественной литературѣ изданы только фрагменты, авторъ руководствовался всегда болѣе или менѣе краткимъ объемомъ опубликованныхъ памятниковъ. Представляя объемъ номоканонѣвъ, изданныхъ А. С. Павловымъ или Котельеромъ, проф. Н. А. Заозерскій, кажется, усвоилъ себѣ пониманіе восточнаго епитимійнаго номоканона, какъ нѣкоего сложнаго произведенія. И думается, это напрасно. Авторъ, конечно, согласится, что указываемые два номоканона, будучи предназначены по идеѣ только для наложенія епитимій, на самомъ дѣлѣ, въ опубликованномъ ихъ составѣ, скорѣе отвѣчаютъ понятію руководства для священника вообще въ его пастырскомъ служеніи, и потому далеко выходятъ за предѣлы пенитенціала въ собственномъ смыслѣ⁷⁾. Послѣдній, какъ спеціальное практическое руководство, по требованію существа дѣла, никогда не могъ быть сложнымъ по объему произведеніемъ. Это авторъ можетъ наблюдать и по объему намѣченнаго имъ къ изслѣдованію пенитенціала съ именемъ І. Постника. О томъ-же отчасти даютъ понять и западные пенитенціалы, изданные у Вассершлебена. Повторяемъ, — въ своемъ чистомъ содержаніи, безъ всякихъ наслоеній — пенитенціалъ не можетъ быть сложнымъ произведеніемъ. А въ такомъ именно видѣ, безъ всякихъ дополненій, по преимуществу и изданы епитимійники въ III т. нашего изслѣдованія объ исповѣди.

Къ сказанному теперь относительно перечня авторомъ изданныхъ памятниковъ будетъ умѣсто присоединить еще два побочныхъ замѣчанія.

По прим. 1-му, на стр. 4, труды проф. Н. С. Суворова — «Слѣды католическаго вліянія въ памятникахъ древне-русскаго церк. права» и «Къ вопросу о западномъ вліяніи на русское право», — по мнѣнію автора, — суть только брошюры. Такъ-ли это? Первый изъ этихъ трудовъ и даже безъ приложеній (234 стр.) далеко оставляетъ за собою разсматриваемую теперь книгу, взятую въ ея цѣломъ (96 стр. изслѣдованія и 94 стр. приложеній). Что-же касается до второго, въ коемъ безъ при-

⁷⁾ Ср. у насъ «Законоправильникъ при русскомъ Трѣбникѣ», стр. 108—110 и 135—147.

ложеній 382 стр., то, въ сравненіи съ тою-же книгою, онъ, какъ очевидно, болѣе чѣмъ въ два раза... Развѣ это брошюры? Послѣ этого какъ-же понимать занимающее насъ изданіе?...

Въ отношеніи книги А. С. Павлова — «Номоканонъ при Б. Требникѣ», — проф. Н. А. Заозерскій подчеркиваетъ — «особенно великія трудности, какія было необходимо ея автору преодолѣть въ отысканіи греческихъ оригиналовъ этого славянскаго памятника и... изумительно тщательное изученіе того и другого текстовъ памятниковъ». Въ виду этого мы позволимъ себѣ повторить уже разъ сказанное нами въ печати, что при мало-мальскомъ желаніи, отыскать греческій оригиналъ, въ особенности въ томъ его изводѣ, какимъ ограничился А. С. Павловъ, — рѣшительно не представляется никакой трудности; его можно найти буквально въ каждой болѣе или менѣе обширной восточной библиотекѣ греческихъ рукописей. Да и внѣ того, самъ же проф. А. С. Павловъ свидѣтельствуетъ противъ первой половины этой тирады Н. А. Заозерскаго, разъ, какъ очевидно, онъ не приложилъ стараній къ отысканію непосредственно оригинала для переводнаго славянскаго текста. — Примѣнительно къ этому мы и не видимъ крайняго старанія А. С. Павлова по изученію оригинальнаго текста. Изучить этотъ текстъ по 6—7 ркпп., при огромномъ количествѣ его памятниковъ, допускающихъ различныя измѣненія, это — далеко отъ крайней тщательности. А что касается до тщательности изученія славянскаго переводнаго текста, то оно также ничѣмъ не подтверждается⁸⁾. Другое дѣло — изученіе А. С. Павловымъ статей своего номоканона по содержанію; здѣсь признать такую исключительную тщательность — безусловно должно.

Въ заключеніе разсмотрѣннаго теперь перечня, какъ выводъ изъ него, проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что въ дополненіе къ перечисленнымъ изданіямъ ему является желательнымъ опубликовать еще — тексты — 1) грузинскаго номоканона въ переводѣ съ греческаго св. Евѣимія Святогорца († 1028 г.), научное описаніе котораго сдѣлано Броссе и Павловымъ, 2) номоканона въ ркп. Мюнхенской библ. № 498, и 3) въ славянскомъ переводѣ — номоканона въ кормчей, ркп. Румянцевскаго муз. № 230 (или

⁸⁾ Ср. *ibid.*, стр. 115—132.

равной ей кормчей Иоасафовской, ркп. библ. Моск. Дух. Акад. № 54), и 4) въ ркп. XVI в., библ. Саввицо-Сторожевскаго монастыря № 6, а также и въ ркп. XVII в., библ. Московской Дух. Акад. № 191).

Что касается перваго, то мотивы его изданія вполне понятны, какъ въ виду древности перевода, такъ равнымъ образомъ и потому, что доселѣ еще не издано ни одного покаяннаго номоканона въ грузинскомъ текстѣ. Къ сожалѣнію авторъ слишкомъ глухо отмѣтилъ источникъ для этого изданія, говоря только, — номоканонъ, «описаніе котораго сдѣлано Броссе и Павловымъ». Читатель, пожелавшій непосредственно ознакомиться съ этимъ описаніемъ, такъ и не узнаетъ изъ подобной отмѣтки — когда-же, по какому поводу и гдѣ именно издано это описаніе. — Конечно, нужно-бы предполагать, что этотъ дефектъ устранится въ предисловіи А. С. Хаханова; но и тамъ на этотъ разъ крайне неясны указанія (см. стр. 90—91). — Понятны мотивы изданія текста и по Мюнхенской ркп. X в., какъ найдревнѣйшаго въ ряду извѣстныхъ доселѣ рукописныхъ памятниковъ греческаго пенитенціала; интересъ къ ознакомленію съ нимъ давно уже былъ возбужденъ проф. А. С. Павловымъ, весьма желавшимъ осуществить это изданіе по сдѣланному для него списку. Понятенъ, наконецъ, мотивъ и для изданія епитимійника, сохранившагося въ извѣстной кормчей Румянцевскаго музея подъ № 230, такъ какъ и въ этомъ случаѣ предполагается ознакомленіе съ древнѣйшимъ памятникомъ того-же пенитенціала, только въ переводѣ на славянскій языкъ. Но что касается до опубликованія текста покаяннаго номоканона по послѣднимъ двумъ ркпп., то особенное побужденіе къ нему не можетъ казаться яснымъ безъ специальныхъ замѣчаній о томъ; авторъ, однако, оставляетъ этотъ вопросъ безъ достаточнаго освѣщенія (впрочемъ, ср. ниже, гл. IV).

При отмѣткѣ указанныхъ теперь памятниковъ, какъ желательныхъ для изданія въ настоящей книгѣ, тѣмъ не менѣе, къ нѣкоторому недоумѣнію читателя, въ ней опубликовываются только тексты, обозначенные подъ № 1 и № 4 и по второстепенному памятнику, указанному подъ № 3. И собственно говоря — какъ по существу дѣла вообще, такъ и съ точки зрѣнія русскаго канониста въ частности, при такомъ выборѣ издаются лишь менѣе важные тексты и оставлены въ сторонѣ тексты

наибольшей цѣнности. Почему-же именно такъ стало, читатель настоящей книги такъ и остается въ невѣдѣніи, которое тѣмъ болѣе необъяснимо, что текстъ въ Румянцевской кормчей Н. А. Заозерскому всегда былъ доступенъ, а для изданія Мюнхенскаго текста авторъ, по собственному его заявленію, располагалъ готовымъ спискомъ.

Между тѣмъ, благодаря такому ограниченію предположенныхъ вначалѣ къ изданію памятниковъ получились послѣдствія, значительно невыгодныя для цѣнности настоящаго труда. И именно — проф. Н. А. Заозерскій, въ сущности дѣла свелъ свое изслѣдованіе только къ освѣщенію того, насколько была принята въ практикѣ Восточной церкви редакція Постникова пенитенціала въ томъ видѣ, какъ онъ былъ переведенъ на грузинскій языкъ? При этомъ, однако, поставивъ въ общемъ болѣе существенную и болѣе широкую цѣль — опредѣлить сравнительную древность извѣстныхъ доселѣ редакцій епитимійника съ именемъ І. Постника, онъ лишилъ читателя для рѣшенія столь важнѣйшаго вопроса наиболѣе существенныхъ документальныхъ данныхъ. Имѣя-же въ виду, что при изданіи даже и только опубликованныхъ теперь текстовъ, онъ не входитъ въ какое-либо детальное изученіе ихъ по другимъ рукописямъ, можно сказать, наконецъ, что Н. А. Заозерскій не освѣтилъ и эти самые тексты съ должною обстоятельностью въ историко-критическомъ отношеніи.

Только уже изъ другого труда, который именно всецѣло восполняетъ желаніе проф. Н. А. Заозерскаго, поскольку оно не осуществилось въ изданіи имъ памятниковъ, любознательность читателя вознаграждается на этотъ разъ въ должной мѣрѣ. Это изъ помянутаго выше труда проф. Н. С. Суворова — «Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покаяннаго устава въ Восточной церкви», при которомъ авторъ самостоятельно предпринялъ изданіе именно недостающихъ теперь документовъ — греческаго списка по Мюнхенской ркп. № 498 и славянскаго списка по ркп. Румянцевскаго муз. № 230. Результатомъ такого предпріятія получилась небольшая, но во всякомъ случаѣ очень цѣнная работа, съ которою всегда будетъ необходимость сноситься изслѣдователю первоначальной судьбы покаяннаго номоканона въ исповѣдной практикѣ Восточной церкви. Почти не уступая по своимъ размѣрамъ (кромѣ изданныхъ текстовъ —

82 страницы) разсматриваемой книгѣ, она представляетъ дѣйствительно историко-критическое изданіе указываемыхъ древнѣйшихъ памятниковъ, — и изданіе — не отрывочное. Авторъ непосредственно изучилъ все содержаніе Мюнхенской ркп. и съ особенною ясностью сопоставилъ таковое съ извѣстными уже памятниками покаяннаго устава, усвояемаго І. Постнику, опредѣляя, какъ впрочемъ и проф. Н. А. Заозерскій, ихъ взаимоотношеніе и составные элементы. — Правда, при своемъ изслѣдованіи, направленномъ къ установленію первоначальнаго ядра восточнаго епитимійника по даннымъ Мюнхенской ркп., авторъ допускаетъ и крупный недосмотръ; однако, повторяемъ, — для будущаго изслѣдователя восточныхъ «покаяльниковъ» это изданіе — особенной важности. Вотъ почему и въ настоящемъ случаѣ намъ не разъ придется адресоваться къ нему на дальнѣйшихъ страницахъ.

Послѣ рѣчи о своихъ desideria въ отношеніи изданія текстовъ и по замѣчаніи о скудости пока изданныхъ памятниковъ, переходя къ самому своему изслѣдованію, проф. Н. А. Заозерскій, въ цѣляхъ облегченія своего дальнѣйшаго труда, — находитъ нужнымъ предварительно остановить вниманіе на принятой классификаціи уже опубликованныхъ памятниковъ и на оцѣнкѣ ея достоинства. Данныя для того онъ находитъ въ помянутой рецензіи проф. М. И. Горчакова и отчасти въ нашемъ изслѣдованіи объ исповѣди (т. I).

По классификаціи, устанавливаемой М. И. Горчаковымъ, признается 4 редакціи Постникова пенитенціала. Проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, однако, что принимаемая у него — 2-я (изданная въ Пидаліонѣ) и 4-я (помѣщенная при Синтагмѣ Властаря) — редакціи должны пониматься не болѣе, какъ разновидности одной и той-же редакціи. И съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ, несомнѣнно, составители Пидаліона внесли собственно редакцію, принятую Властаремъ, при чемъ верѣдко даже не отступали отъ ея изложенія. — Одновременно съ этимъ авторъ отрицаетъ возможность признанія и устанавливаемой М. И. Горчаковымъ третьей редакціи, выработанной Никономъ Черногорцемъ (XI в.), говоря, что разъ она составлена послѣднимъ, то «ему и должна быть усвояема» (стр. 6). Это сказано, кажется, нѣсколько сильно. При подобной точкѣ зрѣнія также не должна пониматься особою и редакція, изложенная у Вла-

старя. Разъ подлинный текст пенитенціала, усвояемаго имени Іоанна Постника, въ его первоначальномъ видѣ, еще неизвѣстенъ, то указываемыя теперь его обработки Никономъ Черногорцемъ и Властаремъ съ такимъ-же правомъ могутъ называться и особыми редакціями (само собою разумѣется, — производными), какъ и признаваемые таковыми епитимійники съ именемъ того-же І. Постника, редактированные неизвѣстными компиляторами.

Считая правильнымъ сокращеніе числа редакцій, установленныхъ проф. М. И. Горчаковымъ, Н. А. Заозерскій, съ другой стороны, указываетъ изъянъ въ его классификаціи въ томъ, что въ ней не дано мѣста «Канонарію І. Мниха, чада послушанія», изданному у Морина (подъ № 3). Какъ можно видѣть изъ дальнѣйшаго, этотъ упрекъ имѣетъ большое основаніе. Впрочемъ, благодаря надписанію Канонарія и въ виду его внутренняго сродства съ изданными предъ нимъ у Морина-же обширною и краткою редакціями пенитенціала съ именемъ І. Постника, проф. Горчаковъ въ то время, при неизвѣстности древнихъ списковъ Канонарія, имѣлъ нѣкоторые формальные мотивы смотрѣть на послѣдній, какъ только на особый изводъ предыдущихъ у Морина редакцій. — Ставить, затѣмъ, авторъ такимъ-же изъяномъ и той-же классификаціи — и неупоминаніе относительно Грузинскаго и Мюнхенскаго списковъ и изданнаго Питрою — «*Διάσκαλία τῶν μετανοῶν*». Такой упрекъ уже можно трактовать лишнимъ — и потому, что проф. Горчаковъ имѣлъ дѣло собственно съ опубликованнымъ въ печати матеріаломъ, и потому, что послѣднее произведеніе, — какъ увидимъ ниже, — по первоначальной его идеѣ никогда не можетъ пониматься покаяннымъ пенитенціаломъ даже въ приблизительномъ значеніи этого понятія. — Авторъ, наконецъ, указываетъ здѣсь, что проф. М. И. Горчаковъ не входитъ въ обсужденіе вопроса о внутреннемъ взаимоотношеніи всѣхъ установленныхъ имъ редакцій. Это, конечно, вѣрно. Но вѣрно и то, что при рецензії книги проф. А. С. Павлова, не въ задачѣ было проф. М. И. Горчакову предпринимать специальное изслѣдованіе о номоканонѣ І. Постника, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно и то, что и сдѣланное имъ въ то время обзорнѣе памятникѣ покаяннаго устава І. Постника только съ внѣшней стороны — было уже большимъ шагомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго изученія послѣдняго въ русской наукѣ церковнаго права.

Одновременно съ оцѣнкою классификаціи проф. М. И. Горчакова, авторъ попутно занимается замѣчаніями по предмету той-же классификаціи, сдѣланными и у насъ. Н. А. Заозерскій говоритъ здѣсь, что мы — «признавъ классификацію проф. Горчакова совершенно удовлетворительною и на ней утвердившись (въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи)... къ четыремъ редакціямъ проф. Горчакова присоединили 20 подвидовъ одной первой редакціи» (стр. 6). Мы, однако, считаемъ долгомъ освѣдомить, что на стр. 73 у насъ читается: «До настоящаго времени... редакцій [номоканона І. Постника] извѣстно четыре. Отличительныя свойства ихъ хотя и обще, но довольно точно указаны въ трудѣ проф. Горчакова. Не входя поэтому въ подробную характеристику ихъ, мы *въ цѣляхъ своего труда*, считаемъ необходимымъ отмѣтить только слѣдующее. *Собственно* понятію епитимійнаго номоканона всецѣло отвѣчаютъ только три [разумѣемъ 2—4-ю] редакціи этого произведенія. Что-же касается до четвертой, древнѣйшей въ ряду прочихъ, то она постольку-же памятникъ каноническій, поскольку и литургическій... Само собою разумѣется, что съ этою редакціею мы и будемъ далѣе имѣть дѣло, какъ съ первымъ въ письмени уставомъ исповѣднаго чинослѣдованія»⁹⁾. Полагаемъ, изъ всего этого слѣдуетъ: мы совершенно не входили въ нарочитое установленіе какой-либо классификаціи и только приняли готовое положеніе. Къ подробной рѣчи въ этомъ случаѣ мы и не считали себя призванными. Ставить специальною задачею классификацію памятниковъ Постникова *епитимійника*, взятаго самъ въ себѣ, мы не имѣли здѣсь мотивовъ, такъ какъ у насъ шла рѣчь объ исповѣдномъ, но не покаянномъ уставѣ, какимъ собственно и есть трактуемое твореніе, приписываемое Іоанну Постнику. При такой именно нашей цѣли, для насъ пока были безразличными остальные три редакціи, въ коихъ заключается почти исключительно каноническій элементъ. Для насъ важно было отмѣтить только первую изъ установленныхъ проф. М. И. Горчаковымъ редакцій. Такимъ образомъ, слова автора — «признавъ совершенно удовлетворительною», приписываютъ намъ нѣчто далеко большее, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. — Примѣнительно къ этому, далѣе, — не отвѣчаетъ строгой дѣйствительности и то указаніе проф. Н. А.

⁹⁾ Тайная исповѣдь, т. 1, стр. 73.

Заозерского, что къ четыремъ редакціямъ проф. Горчакова мы присоединяемъ 20 подвидовъ одной первой. Мы дѣйствительно устанавливаемъ до 20-ти этихъ видовъ, но устанавливаемъ лишь въ отношеніи литургическаго устава, но не покаяннаго элемента, какой, предполагается, имѣеть здѣсь въ виду проф. Н. А. Заозерскій; этого послѣдняго элемента въ доброй половинѣ подразумеваемыхъ теперь подвидовъ, собственно говоря, и совершенно не было.

Въ заключеніе, относительно принятой у насъ классификаціи памятниковъ Постникова устава авторъ указываетъ на то, что взаимоотношеніе послѣднихъ съ генетической стороны нами не опредѣлено, — не опредѣлено, какія редакціи могутъ быть приписаны св. Иоанну Постнику. Къ этому, однако, проф. Н. А. Заозерскій добавляетъ: «Впрочемъ, проф. А. И. Алмазовъ весьма рѣшительно утверждаетъ, что древнѣйшею и именно Иоанну Постнику — патриарху принадлежащею редакціею слѣдуетъ признать первую Мориновскую; но это утверженіе, какъ будетъ выяснено ниже, должно быть рѣшительно отвергнуто» (стр. 6). На такое предварительное отрицаніе нашего предположенія и мы отвѣтимъ пока предварительно-же: разъ по само собою понятному порядку вещей, редакціи у Властаря и въ Псалтирѣ — несомнѣнно позднія, разъ по возрѣвію и самого автора редакція Никона Черногорца тоже производная, то не должно-ли получиться отсюда и у проф. Н. А. Заозерскаго, что всѣ прочіе памятники, отнесенные проф. М. И. Горчаковымъ и нами къ первой редакціи — безъ детальнаго опредѣленія сравнительной ихъ древности, а вообще, — въ общей ихъ совокупности, обнимаютъ собою древнѣйшую редакцію? Правда, при такомъ опредѣленіи болѣе древней редакціи, нами не былъ принятъ во вниманіе Канонарій... Но какъ же онъ и могъ быть принятъ, когда въ немъ почти отсутствуетъ элементъ, обозрѣвавшійся нами, а если какой и имѣется, то занимаетъ совершенно второстепенное значеніе, привнесень «между прочимъ» и сверхъ того, вмѣстѣ съ уставнымъ для исповѣди элементомъ, весь поглощается въ содержаніи памятниковъ первой редакціи?..

Поставивъ указанное отрицательное положеніе и принимая во вниманіе, что древнѣйшею редакціею мы считаемъ именно памятникъ съ надписаніемъ — «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογούμενων», — авторъ, переходя къ самому своему изслѣдованію,

и занимается въ первомъ его отдѣлѣ доказательствомъ — «несостоятельности принятаго въ наукѣ мнѣнія, что «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογούμενων» есть древнѣйшая редакція номоканона Иоанна Постника». Къ обзорѣнію этого отдѣла мы и перейдемъ.

II.

Вопросъ о происхожденіи и древности Мориновскаго пенитенціала — «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογούμενων».

Свою рѣчь объ относительной древности памятника — «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογούμενων» проф. Н. А. Заозерскій начинаетъ заявленіемъ: «съ особенною настойчивостью защищаетъ это (ошибочное) мнѣніе проф. А. И. Алмазовъ въ изслѣдованіи объ исповѣди» — и затѣмъ, какъ иллюстрацію такихъ словъ, приводитъ пространную выписку изъ этого изслѣдованія. Въ послѣдней, насколько она даетъ автору матеріалъ для возраженій, говорится слѣдующее:

«Такою (т. е. древнѣйшею) редакціею можетъ быть признана лишь та, которая заключаетъ въ себѣ въ равной степени какъ литургическій, такъ и каноническій элементъ, т. е. Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογούμενων. Для подтвержденія этого имѣются достаточныя основанія¹⁰⁾. Въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчается только эта редакція (!). Она собственно (однако, уже въ различныхъ передѣлкахъ) была переведена около X в. на языки другихъ христіанскихъ націй. Въ ея надписаніи безусловно всегда встрѣчается имя патриарха Иоанна Постника...». Въ надписаніи Г. Постникъ еще не называется «ἄγιος», а «βσιος», и въ виду еще общей извѣстности его іерархическаго положенія не упоминается о титулѣ его, какъ «τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως». Текстъ памятника «отличается замѣчательною (для епитимійнаго руководства) устойчивостью», согласно чему «вся древность, очевидно, признавала авторомъ этого памятника дѣйствительно столь авторитетное лицо, какъ

¹⁰⁾ Курсивъ здѣсь и ниже у проф. Н. А. Заозерскаго.

константинопольскій патриархъ — Іоаннъ Постникъ. Если І. Постнику дѣйствительно предстояла потребность издать епитимійное руководство для духовниковъ, то оно могло выдти изъ-подъ его пера именно съ тѣмъ вообще содержаніемъ, какое имѣется въ настоящей редакціи, т. е. въ связи съ уставомъ исповѣди. «Только усвоеніемъ этой редакціи столь авторитетнаго творчества... и можно объяснить внесеніе (ея) за очень раннее время въ официальную при церковномъ богослуженіи книгу — Евхологій»... (стр. 8—10).

Въ общемъ, на основаніи всего приведеннаго изъ нашей книги извлеченія, Н. А. Заозерскій заключаетъ: «авторъ утверждаетъ два положенія: а) рассматриваемая редакція есть старѣйшая по сравненію съ прочими, и б) она принадлежитъ перу патриарха константинопольскаго VI в. І. Постника», и, добавивъ — «утверждая второе положеніе, авторъ высказываетъ нѣчто новое, на что пока не отваживался ни одинъ изъ ученыхъ» (стр. 40), — послѣ того уже занимается опроверженіемъ изложенныхъ нами соображеній.

Остановившаяся пока здѣсь, мы, для выясненія дѣйствительнаго нашего мнѣнія по вопросу объ авторѣ и древности «Ἀπολόγητος» (въ напечатанномъ ея видѣ), считаемъ нужнымъ привести изъ той же нашей книги еще кое-какія мѣста, опущенныя Н. А. Заозерскимъ, но относящіяся къ тому же предмету. Это: «Въ какомъ именно видѣ совершалась исповѣдь съ конца VI-го вѣка, всестороннее указаніе дается въ специально предназначенномъ для этого памятникѣ — уставѣ исповѣди константинопольскаго патриарха І. Постника. Однако, принимая во вниманіе, что (за періодъ) до X в. до нашего времени не сохранилось ни одного памятника этого устава», а «памятники его, сохранившіеся послѣ указываемаго столѣтія, отличаются большимъ разнообразіемъ», «мы не вправѣ представлять очеркъ совершенія (ея) за данное время (VI—X в.) на основаніи Постникова устава» (стр. 67). — «Первоначальнымъ уставомъ для совершенія исповѣди явилось руководственное для духовниковъ наставленіе..., приписываемое Іоанну Постнику, константинопольскому патриарху». «Въ конечномъ выводѣ, на основаніи позднѣйшихъ изслѣдованій, однако, получается, что если епитимійное руководство съ именемъ І. Постника явилось и ранѣе IX в., то основанія принадлежности его перу именно Іоанна

Постника пока не отличаются должною опредѣленностью. Сверхъ же того, съ безусловною достовѣрностью пока невозможно опредѣлить, каковъ собственно былъ первоначальный, неповрежденный видъ трактуемаго номоканона» (стр. 72—73, прим. 112). И наконецъ — «не смотря на всѣ усилія къ тому, вопросъ о подлинности номоканона остается, однако, открытымъ и теперь — какъ для западныхъ, такъ и для нашихъ изслѣдователей. Такимъ онъ, вѣроятно, долго останется и впредь, если для окончательнаго рѣшенія его будутъ руководствоваться болѣе или менѣе точными документальными данными...», каковыхъ «едва ли скоро можно дожидаться. Если же руководствоваться здѣсь всѣми доступными соображеніями, то болѣе вѣроятности придти къ выводу положительному» (стр. 74).

Къ этимъ извлеченіямъ собственно изъ изслѣдованія объ исповѣди умѣстно присоединить изъ помянутаго нашего отзыва о 2-мъ изданіи книги проф. А. С. Павлова — «Номоканонъ при Б. Требникѣ» еще такія замѣтки: (даже послѣ появленія труда проф. Н. С. Суворова — «Номоканонъ І. Постника въ новой постановкѣ») — «вопросъ о времени происхожденія Постникова пенитенціала пока нужно считать неразрѣшеннымъ», — и затѣмъ (на основаніи новыхъ изысканій А. С. Павлова и нашихъ специальныхъ наблюденій) — «предположеніе объ общецерковномъ преданіи, усвоившемъ Постниковъ пенитенціалъ именно константинопольскому патр. І. Постнику, противорѣчитъ фактамъ»; «если-бы было такое преданіе..., этого вполне было-бы достаточно удержать переписчиковъ сего пенитенціала отъ передѣлокъ его» и пр. (стр. 89 и 92).

Сопоставимъ теперь всѣ приведенныя нами дополнительные извлеченія съ заключеніемъ автора по нашему адресу, и мы получимъ уже другой выводъ. Приведа далеко не во всей полнотѣ относящіяся сюда извлеченія изъ нашей книги, проф. Н. А. Заозерскій, по поводу нашего мнѣнія относительно подлинности номоканона І. Постника и древности «Ἀπολόγητος καὶ τὰς...», до крайности сгущаетъ краски въ одномъ направленіи и односторонне освѣщаетъ это мнѣніе. Какъ можно видѣть, мы не считали возможнымъ излагать составъ исповѣднаго устава по наставленію Постника, какъ именно устава VI вѣка, и держимся того воззрѣнія, что съ какою-либо достовѣрностью невозможно

опредѣлить первоначальный неповрежденный видъ номоканона, I. Постника. Въмѣстѣ съ тѣмъ мы говоримъ — «основанія принадлежности (номоканона) перу именно I. Постника пока не отличаются должною опредѣленностью» и «не смотря на всѣ усилія, вопросъ о подлинности номоканона остается и теперь открытымъ», хотя съ своей стороны считаемъ, — «если руководствоваться здѣсь всѣми доступными соображеніями», — «*болѣе вѣроятнымъ*» придти къ выводу положительному». Все это, кажется, съ достаточною убѣдительною свѣдѣтельствомъ, насколько мы весьма далеки отъ *весьма-же рѣшительнаго* утвержденія того, что древнѣйшею и «именно Іоанну Постнику — патриарху принадлежащею редакціею слѣдуетъ признать первую Мориновскую». Собственно наше утвержденіе равно лишь предположенію, признаваемому нами только вѣроятнымъ — и не болѣе. Иначе съ нашей стороны въ данномъ случаѣ не могло и быть, разъ опорою такого мнѣнія намъ служили — не прямыя документальныя данныя, а только косвенныя соображенія. — Съ другой стороны, даже признавая при такомъ предположеніи первую Мориновскую редакцію древнѣйшею, мы все-таки были-же весьма далеки отъ того, чтобы относить ее, буквально въ напечатанномъ видѣ, къ VI вѣку, т. е. ко времени Іоанна Постника. Если-же при всемъ этомъ мы говоримъ, что «съ VI вѣка появляется уставъ исповѣди Іоанна Постника», то, очевидно, только не отрицаемъ тѣмъ возможности такого факта, какъ въ извѣстной мѣрѣ принятаго въ исторіи церковнаго права. — Не признавая, такимъ образомъ, правильнымъ заключеніе проф. Н. А. Заозерскаго, мы, впрочемъ, должны согласиться, что, аргументируя различными соображеніями свое предположеніе, казавшееся намъ вѣроятнымъ, мы разъ — другой употребили выраженія болѣе положительныя и сильныя, чѣмъ это можно было допускать. — Къ критической оцѣнкѣ возраженій проф. Н. А. Заозерскаго противъ этихъ соображеній мы теперь и перейдемъ.

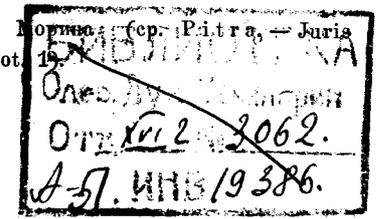
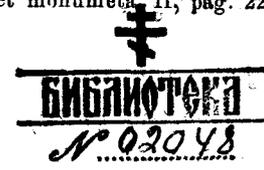
Въ виду того нашего замѣчанія, что въ древнѣйшихъ ркп. встрѣчается только первая Мориновская редакція, авторъ возражаетъ, что древнѣйшій изъ такихъ памятниковъ не восходитъ ранѣе XII в. и слѣдовательно отстоитъ отъ времени жизни I. Постника на 600 лѣтъ. Это, конечно, справедливо, но — 1) вѣдь это только непосредственно намъ извѣстные рукописные памятники настоящей редакціи; другіе же знаютъ ее и по болѣе

древнимъ ркп. и по крайней мѣрѣ не позже XI в.¹¹⁾; и 2) проф. Н. А. Заозерскому для издаваемой имъ редакціи (собственно грузинской) древнѣйшій списокъ (въ греческомъ оригиналѣ), нужно думать, былъ не ранѣе XI в.; но допустимъ даже, что онъ относился и къ X вѣку; все-таки и для такого списка разстояніе отъ времени жизни I. Постника — 400 лѣтъ, — и, однако, онъ не сомнѣвается одну часть этой редакціи приписать тому-же Іоанну Постнику.

По нашему мнѣнію, здѣсь можно возражать болѣе существенно съ другихъ сторонъ. Такъ, для редакціи, издаваемой у проф. Н. А. Заозерскаго въ славянскомъ переводѣ и у Морино (подъ № 3) въ оригиналѣ, также имѣются древніе списки и даже X в. (какъ, напр., въ Мюнхенской ркп.), и слѣдовательно, при опредѣленіи древнѣйшихъ редакцій Постникова пенитенціала, и эта послѣдняя должна была быть принята нами во вниманіе, особенно если и въ то время можно было догадываться, что въ указываемой Мюнхенской ркп. № 498 имѣется именно она, не смотря на надписаніе ея здѣсь именемъ какого-то Василія. Затѣмъ, Мориновская редакція съ надписаніемъ «*Ἀχολοβία καὶ τίξις...*», въ изданномъ ея текстѣ, повидному, совершенно не переводилась на другіе языки, а въ греческихъ ркп. встрѣчается сравнительно весьма рѣдко, откуда справедливо заключать — или о крайней незначительности примѣненія ея на практикѣ самой въ себѣ, или хотя-бы о столь маломъ вниманіи къ ней, какое вовсе не соотвѣтствуетъ предположенію объ ея особенной древности и тѣмъ болѣе подлинности. Наконецъ, — для этой редакціи имѣется, по крайней мѣрѣ въ одной половинѣ ея содержанія, прототипъ, съ несомнѣнною устанавливающій ея производный характеръ, — имѣется — въ указанной Мюнхенской ркп., какъ это будетъ разъяснено ниже.

Особенно проф. Н. А. Заозерскій возражаетъ противъ того нашего замѣчанія, что «эта собственно редакція (однако въ различныхъ уже передѣлкахъ) была переведена около X в. на языки другихъ христіанскихъ націй». Авторъ предполагаетъ, что при такомъ замѣчаніи мы имѣемъ въ виду «памятники —

¹¹⁾ По такой ркп. онъ и издавъ у Морино: (сер. Patra. — Juria Graecor. hist. et monumeta II, pag. 223, not. 12.)

въ глаголическомъ евхологiи Гейтлера и въ ркп. Румянцевскаго музея № 230. «Другихъ болѣ древнихъ славянскихъ памятниковъ,—говоритъ онъ,—г. Алмазовъ не указываетъ въ своей книгѣ; но эти памятники... почитать переводами» Мориновской редакціи «рѣшительно невозможно». — Авторъ не обратилъ вниманія, что въ данномъ случаѣ мы не указываемъ *никакихъ* памятниковъ. Это значитъ, что ни ту, ни другую изъ отмѣченныхъ ркп. мы не считаемъ въ соответствующей ихъ части, прямымъ переводомъ трактуемой редакціи. Повторяемъ, — такого перевода не только буквальнаго, но даже особенно близкаго мы не знаемъ; вотъ почему мы и добавили къ нашему замѣчанію — «однако уже въ различныхъ передѣлкахъ». — Собственно-же, настоящая наша ссылка имѣетъ такой смыслъ. — Древнѣйшій извѣстный намъ въ то время греческій списокъ исповѣднаго устава X в. (по Ватиканской ркп. № 1554) содержитъ послѣдній, какъ «составленный подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ Постникова устава» въ его пространной редакціи (Исповѣдь, т. I, стр. 133—134). Древнѣйшій-же памятникъ того-же устава въ юго-славянской церкви (въ евхологiи Гейтлера) въ отношеніи формальнаго распорядка послѣдованія и въ отношеніи общаго характера содержанія представляетъ близкую аналогію, съ одной стороны — только что указанному древнему греческому уставу, а съ другой — той-же Мориновской редакціи, въ ея сокращенномъ изложеніи (у Морина № 2; тамъ-же, стр. 207—208; ср. 210—211). На Руси, наконецъ, одна изъ древнѣйшихъ редакцій и первая по нашему счету представляетъ довольно вѣрную копію сейчасъ отмѣченному сокращенному изложенію Мориновской первой редакціи, а третья (которая собственно и употреблялась у насъ) представляетъ прямое отображеніе редакціи юго-славянской — Гейтлеровской (тамъ-же, стр. 248—249). Въ виду всего этого несомнѣнно, — въ основѣ всѣхъ славяно-русскихъ редакцій лежитъ пространная редакція Постникова устава. Вотъ почему мы и говоримъ безъ указанія на опредѣленные памятники, что эта послѣдняя редакція (но уже въ передѣлкахъ) и была переведена на языки другихъ націй.

Наши слова — «въ ея (редакціи — «'Ακολουθία...») надписаніи всегда встрѣчается имя *патріарха* Іоанна Постника» — даютъ проф. Н. А. Заозерскому обличать насъ въ грубомъ противорѣчii. «Обычный текстъ надписанія именно не заключаетъ

титула *патріарха*», замѣчаетъ онъ. Кажется, и мы не говоримъ что-либо другое, разъ цитуемыми словами указываемъ на имя Іоанна Постника, а не на его титулъ патріарха, — указываемъ на это имя, какъ важный признакъ, потому что въ другихъ редакціяхъ оно не фигурируетъ съ такимъ постоянствомъ и нерѣдко замѣняется наименованіемъ просто — «монаха Іоанна» или вообще эпитетомъ — «Νηστευτοῦ»¹²⁾. Такимъ образомъ, отмѣчаемое грубое противорѣчiе на самомъ дѣлѣ нисколько не существуетъ. Другое дѣло, если-бы мы сказали здѣсь, что въ нашей редакціи I. Постникъ всегда именуется или титулируется патріархомъ... Вотъ почему, — добавимъ, — почти тотчасъ послѣ разсматриваемой ссылки (и уже по другимъ соображеніямъ) мы и говоримъ именно про опущеніе въ томъ-же надписаніи титула — «τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως».

По поводу нашей ссылки на употребленіе въ надписаніи эпитета «ὄσιος» вмѣсто «ἁγίου», указавъ на тотъ фактъ, что наименованіе Іоанна «Постникомъ» прилагалось и къ нѣкому монаху Іоанну XI в., авторъ говоритъ: «Разсматриваемая редакція покаяннаго (?) устава I. Постника извѣстна (опять, — добавимъ мы, — только намъ) въ трехъ спискахъ XII—XIII вв.; въ надписаніи ея нѣтъ титула патріарха, а лишь преподобнаго о. I. Постника; въ концѣ XI или началѣ XII в. пользовался великою славою монахъ аскетъ Іоаннъ Постникъ. Не этому ли послѣднему, какъ автору, и принадлежитъ «'Ακολουθία...»? (стр. 12). Легко построить такой силлогизмъ въ теоріи, — да не легко съ нимъ примирить данныя исторіи. И именно: а) указываемый I. Постникъ — монахъ жилъ въ XI в., — и для нашей редакціи извѣстенъ оригиналъ того-же времени; б) извѣстная по списку XI в., она съ несомнѣнностью должна предполагаться существовавшюю еще по крайній мѣрѣ въ X вѣкѣ, такъ какъ древнѣйшій, указанный нами Ватиканскій списокъ устава исповѣди (также X в.), составленъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ «'Ακολουθίας»; и в) I. Постникъ — монахъ, XI в., пользовался великою извѣстностью, какъ аскетъ, но ни откуда не видно, что онъ принадлежалъ и къ церковнымъ литературнымъ дѣятелямъ. Все это, по нашему мнѣнію, такіе факты, что объ авторствѣ I.

¹²⁾ См. «Тайная исповѣдь», I, стр. 87—101.

Постника — монаха XI в. не может быть и рѣчи. — Скорѣе-бы можно допустить, что предполагаемому теперь аскету Іоанну усвоенъ собственно «Канонарій», надписываемый обыкновенно именемъ «монаха Іоанна». Но даже и этотъ послѣдній не можетъ быть ему приписанъ, ибо онъ древнѣе XI вѣка. Сверхъ того, если Іоаннъ Постникъ XI в. пользовался именно *великою* славою, то быть не можетъ, чтобы при дѣйствительности предполагаемаго теперь его авторства какъ-нибудь не отгѣнили такое его наименованіе, разъ эпитетъ «Постникъ» уже ранѣе былъ усвоенъ Іоанну — патриарху VI вѣка.

Въ итогѣ, повторяемъ, объ авторствѣ Іоанна Постника XI в. не можетъ быть и рѣчи — не только въ отношеніи «Ἀχολοῦθίας», но даже и «Канонарія». Мало того, въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть представленія даже и о ложномъ усвоеніи ему того или другого произведенія. Для такого усвоенія не было ни яснаго повода, ни соответствующаго времени. Другое дѣло Іоаннъ Постникъ — патриархъ. Для усвоенія ему (хотя-бы и ложнаго) и собственно редакціи — «Ἀχολοῦθία...» былъ нѣкоторый внѣшній поводъ. Редакція эта, по основному ея назначенію, какъ даетъ понять ея надписаніе, должна трактоваться скорѣе литургическимъ уставомъ. Іоаннъ-же Постникъ — патриархъ, дѣйствительно, признается авторомъ и специальнаго литургическаго труда; какъ извѣстно, ему приписывается неоспоренное еще въ дѣйствительной принадлежности толкованіе на литургію¹³⁾.

Такимъ образомъ, и въ теоріи и по исторіи, разъ оставаться на той точкѣ зрѣнія, что трактуемое произведеніе должно усвоиться имени какого-либо Іоанна Постника, — таковымъ остается признать только лицо, жившее до X в., въ каковое время исторія и знаетъ одного І. Постника — константинопольскаго патриарха конца VI — начала VII в. — Допуская, однако, что въ дѣйствительности онъ не повиненъ въ такомъ авторствѣ, что не смотря на обиліе приписываемыхъ ему произведеній¹⁴⁾, уже въ древнихъ памятникахъ (какъ, напр., въ Мюн-

¹³⁾ См. Красносельцевъ, Н. Ф., «О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ»; Pitra, Spicilegium, IV, pag. 440—442.

¹⁴⁾ См. у насъ «Законоправиликъ при русскомъ Требникѣ», стр. 93; Pitra, ibid., 416—444.

хенской рки., въ Тактиковѣ Никона Черногорца и пр.) ясно сквозитъ отрицательное отношеніе къ тому-же его авторству, все-таки мы должны признать, что занимающій насъ памятникъ, быть можетъ въ менѣе сложномъ объемѣ (но во всякомъ случаѣ сложнѣе Дидаскаліи Мюнхенскаго списка), существовалъ еще до X в.; въ послѣднемъ онъ уже служилъ матеріаломъ для другихъ болѣе обработанныхъ уставовъ, исповѣдныхъ въ тѣсномъ смыслѣ. Держась въ сущности дѣла собственно этого воззрѣнія въ нашей книгѣ объ исповѣди, мы, послѣ сказаннаго, имѣемъ основаніе остаться при немъ и теперь. Разумѣется, — повторимъ, — мы далеки при этомъ отъ того, чтобы въ трактуемой редакціи видѣть и точный подлинникъ первоначальнаго оригинала. Утверждать это, дѣйствительно, было бы большою смѣлостью, хотя, вопреки мнѣнію Н. А. Заозерскаго, *другіе* отваживались и на это и между прочимъ проф. А. С. Павловъ¹⁵⁾. Мы не можемъ утверждать такъ уже потому, что нами со всею очевидностью устанавливается производный характеръ «Ἀχολοῦθίας», и слѣдовательно само собою устраняется возможность предположенія за нею самобытности и оригинальности.

Не ограничиваясь рассмотрѣнными его возраженіями, Н. А. Заозерскій, далѣе, и въ самомъ содержаніи «Ἀχολοῦθίας» находить данныя для того, что эта редакція не можетъ принадлежать не только писателю XI в., но и вообще автору жившему ранѣе XI столѣтія, и что, словомъ, это — «одна изъ довольно позднихъ редакцій номоканона І. Постника». Авторъ говоритъ здѣсь: 1) «Литургическое совершенство служитъ вѣрнѣйшимъ показателемъ сравнительно поздняго образованія» (Ἀχολοῦθίας); 2) благодаря такому качеству, «оно и нашло себѣ мѣсто въ богослужебныхъ книгахъ — евхологіяхъ XII и XIII вв.» и 3) внесеніе сюда покаятныхъ тропарей въ сочетаніи съ 31 псалмомъ могло быть сдѣлано приблизительно не ранѣе конца IX (или начала X) в. (стр. 12—14). — По нашему мнѣнію, по поводу всего этого можно сказать и такъ: а) Конечно, литургическое совершенство есть нѣкоторый показатель поздняго появленія устава. Однако, мы видимъ здѣсь, что трактуемый совершенный уставъ

¹⁵⁾ А. С. Павловъ, Номоканонъ при Б. Требникѣ, изд. 1, стр. 19—21; изд. 2, стр. 30—31.

несомненно является основой другого более совершенного устава, время составления которого не позднее X в.; следовательно и «*Ἀκολουθία*» с именем I. Постника восходит, самое позднейшее, к началу этого же столетия. Имя же убедительные данные к тому, что известный теперь текст «*Ἀκολουθίας*» содержит именно ее основной текст с некоторыми осложнениями, мы, по тому самому, должны отодвинуть происхождение ее первоначального текста еще в большую глубь времени. б) Внесение покаянных тропарей, действительно, могло быть сделано и поздно; но отсюда вовсе не следует, что и весь основной состав и строй настоящего устава явились также в позднее время; что другое, а уже эти тропари скорее всего могли быть особым наслоением к первоначальному тексту «*Ἀκολουθίας*» в последующее время. в) Рядом с тропарями мы видим здесь элементы, которые могли быть свойственны исповедному уставу только при предположении его практики во дни сьдой древности. Мы разумем применение евангельского чтения. Уже в исследовании об исповеди мы указывали на такое чтение, как акт, относящийся к глубокой древности (I, 83). Теперь то же самое мы можем сказать даже с большим основанием. В уставе по Мюнхенскому списку, в ряду действий при совершении исповеди указывается и чтение евангелия, хотя и другое¹⁶⁾, но также предположенное для сей цѣли и по другим памятникам¹⁷⁾. г) Наконец, литургическое совершенство, а точнее литургическая полнота, конечно, в известной мѣрѣ могла служить ко внесению «*Ἀκολουθίας*» в евхологий. Но, несомненно, на этот раз не осталось безслѣдным и представление (по надписанию) о предполагаемом авторстве сего устава I. Постником. Говорим так потому, что рядом с этим уставом (впоследствии) существовали и другие, не менее совершенные исповедные уставы, которые, однако, никогда не стали достоянием евхологий. Сь другой стороны, указываемый теперь проф. Н. А. Заозерским мотив к внесению вообще литургического устава в евхологий, — именно не может имѣть прило-

¹⁶⁾ Суворовъ, Н. С., «Вѣроятный состав древнѣйшаго и покаянаго устава в Восточной церкви», стр. 18.

¹⁷⁾ «Тайная исповѣдь», I, стр. 145—146.

жения к исповедному уставу. Последний — единственный изъ всѣхъ уставовъ, относящихся к евхологий, который *никогда* не былъ ординарнымъ достояниемъ его на Востоке. И потому, если онъ иногда (чрезвычайно рѣдко) и вносился в евхологий, то мотивъ такого внесения не могли быть соображения литургического свойства; это внесение скорее находилось в связи с окончательнымъ раскрытиемъ всѣхъ частныхъ догматического учения о таинствахъ покаяния, которые формулировались на Востоке, повидимому, очень медленно.

Тотъ фактъ, что к «*Ἀκολουθία*», взятой в ее цѣломъ, «присоединено (безъ всякой логической связи), буквально, большое извлечение изъ Канонарія I. Мниха...», вторая половина его», даетъ автору основание сказать наконецъ: «Исчезаетъ всякое сомнѣние, что «преподобный Иоаннъ Постникъ» — авторъ «*Ἀκολουθίας*... не Иоаннъ — патриархъ VI вѣка, а какое-то иное лицо, жившее в то время, когда было в употреблении сочинение подъ заглавиемъ «*Κανονάριον*» Иоанна Мниха». Когда жилъ этотъ I. Мнихъ, «неизвестно», но только онъ «жилъ послѣ Иоанна Постника патриарха и при составлении своего Канонарія имѣлъ в виду правила послѣдняго», причемъ, однако, — «мы имѣемъ документальные доказательства, что Канонарій имѣлъ весьма широкое распространение в X в., а можетъ быть даже и в концѣ IX в...» (следуетъ исчисление отмѣченныхъ выше рукописныхъ памятниковъ). Упомянувъ, затѣмъ, что начиная сь X в. появились самыя разнообразныя компиляціи на основаніи Канонарія I. Мниха, авторъ между прочимъ добавляетъ: «нѣтъ ничего невѣроятнаго, что между такими компиляторами былъ и преподобный Иоаннъ Постникъ, монахъ XI в., знаменитый въ свое время...» (стр. 14—16).

По нашему разумѣнію, во всемъ этомъ — не одинъ недомѣнный вопросъ. Прежде всего рѣшительно не понятно, какимъ образомъ чисто механическое присоединение в буквальномъ видѣ второй половины Канонарія к «*Ἀκολουθία*» даетъ основание к заключенію, что авторъ послѣдней жилъ послѣ появления перваго? По сужденію самого же автора получается, что сочетание в трактуемомъ памятникѣ указываемой части Канонарія сь предшествующимъ ей здѣсь исповеднымъ уставомъ не представляетъ какой-либо новой цѣльной переработки прежняго материала, а именно есть механическое присоединение готовой поло-

вины одного памятника къ готовому-же другому памятнику. Не очевидно-ли отсюда, что съ формальной стороны, разъ этому соединенію «'Ακολουθίας» и Канонарія, въ дѣлѣ установленія степени древности первой, придавать какое-либо значеніе (какого, замѣтимъ, въ данномъ случаѣ оно совершенно имѣть не можетъ), — слѣдуетъ выводъ какъ разъ обратный выводу проф. Н. А. Заозерскаго, т. е., — къ «'Ακολουθία», существовавшей сама по себѣ, одинъ изъ послѣдующихъ переписчиковъ, съ появленіемъ Канонарія, нашелъ полезнымъ присоединить добрую его половину? Правда, въ существѣ дѣла, какъ увидимъ ниже, отношеніе «'Ακολουθία» къ Канонарію совсѣмъ другое, — но съ настоящей формальной точки зрѣнія именно такъ слѣдуетъ. — Затѣмъ, не менѣе не понятно, почему именно, разъ въ надписаніяхъ разсматриваемаго пенитенціала имѣеть мѣсто имя Іоанна Постника, — нужно допускать то предположеніе, что быть можетъ одну изъ компиляцій XI в. и составилъ монахъ съ этимъ именемъ того-же столѣтія. Повторяемъ, судя по тексту грузинскаго перевода, сдѣланнаго въ началѣ XI в., это имя (какъ принадлежащее константинопольскому патріарху) — уже далеко ранѣе времени жизни подразумѣваемаго теперь аскета съ такимъ-же наименованіемъ — вносило въ надписаніе занимающаго насъ памятника. При наличности такого факта подобное предположеніе — не имѣеть для себя никакихъ мотивовъ. Оно не можетъ имѣть приложенія даже по адресу Канонарія, въ надписаніи котораго стоитъ вообще имя монаха Іоанна, такъ какъ и Канонарій — документъ времени далеко болѣе ранняго, чѣмъ XI в. Наконецъ, не понятно и то, какими именно правилами Іоанна Постника пользовался авторъ Канонарія? Какъ мы увидимъ ниже, такихъ правилъ для него не могло быть.

Сказаннымъ теперь въ настоящемъ отдѣлѣ нами разсмотрѣны и всѣ возраженія проф. Н. А. Заозерскаго противъ нашихъ соображеній въ защиту древности «'Ακολουθίας και τάξεως» и всѣ его положительныя доказательства, направленные противъ признанія этой древности. Разбирая тѣ и другія и показывая ихъ несостоятельность, мы, однако, совершенно далеки были отъ того, чтобы тѣмъ самымъ защищать первостепенную древность трактуемаго памятника; этимъ разборомъ мы собственно устанавливаемъ только недостаточность всѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ сужденій автора для рѣшенія вопроса о сте-

пени той-же древности. Что-же касается до этого вопроса самого въ себѣ, то теперь, — съ изданіемъ проф. Н. С. Суворовымъ пенитенціала по Мюнхенской ркп. и въ виду установленнаго имъ-же значенія находящагося тамъ памятника «Διασκαλία πατέρων», — для болѣе или менѣе удовлетворительнаго его рѣшенія открываются новыя документальныя данныя, которыя даютъ вѣскія основанія рѣшить настоящій вопросъ въ значительной части согласно съ мнѣніемъ проф. Н. А. Заозерскаго и вопреки предположеніямъ о *большой* древности «'Ακολουθίας», высказаннымъ нами въ изслѣдованіи объ исповѣди.

Предполагаемая теперь данныя обнимаются слѣдующимъ:

I. «'Ακολουθία και τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογουμένων» въ до-епитиміиной его части, — до того мѣста, на которомъ по указанію проф. Н. А. Заозерскаго кончается самое послѣдованіе, — представляетъ собою, даже со стороны текста (исключая обычные и неизбѣжныя въ исповѣдномъ уставѣ варианты)¹⁸⁾, точнѣйшую копию древнѣйшаго извѣстнаго теперь устава исповѣди, изданнаго проф. Н. С. Суворовымъ изъ Мюнхенской ркп. подъ заглавіемъ — «Διασκαλία πατέρων περὶ τῶν θειλότων ἐξαγγελιαι τὰ ἴδια ἀμαρτήματα», — при сохраненіи всѣхъ особенностей послѣдняго не только въ существенныхъ частяхъ, но даже и въ частности, и съ буквальнымъ наблюденіемъ послѣдовательности всѣхъ этихъ частей. Эта копія только распространена вставками въ соответствующихъ мѣстахъ: а) четырехъ псалмовъ предъ исповѣдью, предъ-исповѣдной молитвы и такового-же поученія; б) перечня новыхъ грѣховъ въ заключительной части руководства для вопросовъ исповѣднику, съ присоединеніемъ сюда краткой разрѣшительной формулы; в) дополненія къ принятой здѣсь разрѣшительной молитвѣ («Ὁ Θεός, ὁ συγχωρήσας διὰ Νάθαν...») въ видѣ другой такой же молитвы («Ὁ Θεός, ὁ δι' ἡμᾶς ἐνανθρωπήσας...»), принятой въ Канонаріи, а равно привнесенія еще пяти исповѣдныхъ молитвъ, обычныхъ въ евхологіяхъ (кромя послѣдней); г) чтенія по исповѣди паремій и евангелія, причемъ послѣднее, впрочемъ, по указанному нами выше соображенію, предполагается примѣняемымъ и по «Διασκαλία πατέρων»¹⁹⁾;

¹⁸⁾ См. *ibid.*, стр. 154—157.

¹⁹⁾ Суворовъ, Н. С., «Вѣроятный составъ...», стр. 18.

и д) наконецъ, упоминанія при отпустѣ о тѣхъ-же покаянныхъ тропаряхъ, что были отмѣчены и выше. Такимъ образомъ все распространение сводится здѣсь *исключительно* къ усложненію литургическаго элемента, въ цѣляхъ достиженія большаго совершенства «Διδασκαλίης», какъ именно литургическаго устава. При этомъ основная редакція оставлена неповрежденною, а литургическихъ привнесений сдѣлано столько, что въ общей совокупности они вполне достаточны для образованія другого, собственно *послѣдованія* исповѣди.

II. Присоединенныя въ «Ἀκολουθία» къ исповѣдному уставу, по замѣчанію проф. Н. А. Заозерскаго, пять отрывочныхъ замѣтокъ — суть часть исконнаго достоянія той-же «Διδασκαλίης», — какъ оказывается по изслѣдованію проф. Н. С. Суворова, часть, сохранившаяся при «Ἀκολουθία» даже въ болѣе полномъ объемѣ, чѣмъ это мы видимъ въ «Διδασκαλία» по Мюнхенскому списку²⁰⁾.

III. Вся послѣдующая или точнѣе заключительная въ «Ἀκολουθία» часть, дѣйствительно, составляетъ дополненіе изъ другого пенитенціала, называемаго «Канонаріемъ монаха Іоанна». Такое дополненіе наблюдается, и притомъ въ болѣе объемѣ, еще и при «Διδασκαλία» по Мюнхенскому списку²¹⁾. Компилаторъ «Ἀκολουθίας», однако, вводя такое дополненіе, оставилъ въ немъ лишь каноническій матеріалъ, въ виду чего исключилъ изъ его первоначальнаго текста — а) рубрику относительно исповѣди женщинъ²²⁾; б) почти всю рѣчь касательно упражненій въ молитвѣ лицъ, подлежащихъ епитиміи, и в) наконецъ, всѣ замѣчанія относительно самаго совершенія исповѣди²³⁾. При таковыхъ исключеніяхъ соединеніе Канонарія съ «Ἀκολουθία» отличается болѣею разумностью и сознательною обработанностью, чѣмъ это наблюдается при подобномъ-же соединеніи его съ «Διδασκαλία» въ Мюнхенскомъ епискѣ.

²⁰⁾ Ср. Migne, Patrolog., t. LXXXVIII, col. 1904—1908, и у Н. С. Суворова, тамъ-же, стр. 46.

²¹⁾ См. Н. С. Суворовъ, *ibid.*, стр. 46—48.

²²⁾ См. *ibid.*, стр. 51 («Περὶ γυναικῶν... ἀνδράς τὴν στανύν»).

²³⁾ Оба эти пропуска см. у Н. С. Суворова, *ibid.*, стр. 53—55. (Устранено со словъ — «Ἐἰσὶ γὰρ τινες ἢ ἀπρόθυμοι... ἐξομολογήτη ὅπου ἂν εἶμι. Καὶ ταῦτα μὲν περὶ τούτων»).

Всѣ эти данныя даютъ основаніе сдѣлать относительно происхождения и древности «Ἀκολουθίας» такія не подлежащія сомнѣнію заключенія:

а) Представляя собою точную, но только распространенную молитвеннымъ и вообще литургическимъ элементомъ Мюнхенскую «Διδασκαλίαν», — «Ἀκολουθία», очевидно, какъ литургическій уставъ, есть уже производная редакція.

б) Будетъ вполне вѣроятнымъ думать, что, въ виду указываемаго внутренняго отношенія «Ἀκολουθίας» къ «Διδασκαλία», она образовалась (какъ исповѣдный уставъ) собственно изъ соединенія «Διδασκαλίης» и неизвѣстнаго еще исповѣднаго *послѣдованія* въ тѣсномъ смыслѣ. Въ подтвержденіе сего сильно говоритъ исключительная въ своемъ родѣ двойственность понятій въ надписаніи этого памятника, т. е. «Ἀκολουθία» и «τάξις», каждое изъ коихъ въ надписаніи другихъ исповѣдныхъ уставовъ обыкновенно применяется въ отдѣльности²⁴⁾.

в) Почти несомнѣнно, что въ Мориновскомъ изданіи мы знаемъ «Ἀκολουθίαν» уже въ измѣненной и собственно усложненной редакціи, сравнительно съ первоначальнымъ ея видомъ. Это усложненіе явилось здѣсь результатомъ наблюдаемаго соединенія «Ἀκολουθίας» съ Канонаріемъ, благодаря чему мы и видимъ въ составѣ первой и еще одну разрешительную молитву — «Ὁ Θεὸς, ὁ δὲ ἡμᾶς ἐνανθρωπήσας», — принятую въ уставныхъ объ исповѣди замѣткахъ послѣдняго.

г) Очевидно, что присоединеніе части Канонарія и къ «Ἀκολουθία» и къ «Διδασκαλία» сдѣлано независимо другъ отъ друга. Въ виду этого справедливо думать, что усложненіе «Διδασκαλίης» для образованія «Ἀκολουθίας» послѣдовало еще въ то время, когда первая не соединялась съ Канонаріемъ и слѣдовательно до X в., такъ какъ въ этомъ столѣтіи, судя по Мюнхенскому списку, данное соединеніе уже имѣло мѣсто.

д) По всему этому, являясь отображеніемъ или точнѣе распространеніемъ «Διδασκαλίης», «Ἀκολουθία» въ своей основѣ, несомнѣнно, памятникъ глубокой древности, и если ее (какъ и «Διδασκαλία»), что увидимъ ниже) вѣтъ основаній относить за

²⁴⁾ См. «Тайная исповѣдь», т. I, гл. II.

время приблизительно VIII вѣка, то нельзя въ свою очередь относить и ко времени послѣ X вѣка.

е) И, наконецъ, — во всякомъ случаѣ, какъ именно «*Ἀκολουθία ἐπὶ τῶν ἑξομολογημένων*» — детально и законченно разработанное, — настоящее произведение занимаетъ первѣйшее мѣсто и, по крайней мѣрѣ въ переводной литургической письменности, для исторіи исповѣднаго устава сыграло неизмѣримо большую роль, нежели Канонарій монаха Іоанна.

Примѣнительно ко всѣмъ этимъ выводамъ, относительно того заключенія автора, что древнѣйшими редакціями номоканона Іоанна Постника должны быть поставлены — а) Канонарій монаха Іоанна, какъ общая составная часть ихъ, и б) номоканоны — Мюнхенскій, грузинскій и древне-болгарскій, — мы пока, по существу, не находимъ оснований къ возраженіямъ, хотя съ своей стороны исчислили-бы эти памятники такъ: а) Канонарій монаха Іоанна и его грузинскій переводъ и б) «*Διδασκαλία*» и ея славянскій переводъ — съ предупрежденіемъ, что въ дальнѣйшемъ этотъ выводъ подлежитъ измѣненію.

Въ заключеніе нашей рѣчи относительно разсматриваемаго отдѣла въ книгѣ проф. Н. А. Заозерскаго, — говоря вообще, — мы считаемъ правильнымъ сказать: для читателя, самолично незнакомаго со всѣми указываемыми теперь новыми рукописными памятниками, авторъ не установилъ съ какою-либо убѣдительною — ни второстепенную древность «*Ἀκολουθίας*», ни — тѣмъ болѣе — позднее ея происхожденіе, хотя и ставилъ это здѣсь главною задачею своего изслѣдованія. Увлечшись опроверженіемъ нашихъ соображеній, онъ мало удѣлялъ вниманія самостоятельнымъ положительнымъ доказательствамъ и не установилъ съ должною точностью взаимоотношенія «*Ἀκολουθίας*» и «*Διδασκαλίας*», не провелъ необходимой въ этомъ случаѣ наглядной параллели между тѣмъ и другимъ. Затѣмъ, категорически заявляя, что объ отношеніи І. Постника къ «*Ἀκολουθία*» не можетъ быть никакого сомнѣнія (въ отрицательномъ смыслѣ), авторъ, однако, не выставилъ для того ни одного болѣе или менѣе вѣснаго факта, совершенно ошибочно предполагая при томъ, что если указываемый памятникъ имѣетъ при себѣ, въ качествѣ «пристеженія», цѣлую половину Канонарія, то это якобы свидѣтельствуетъ объ его болѣе позднемъ происхожденіи, сравнительно съ послѣднимъ. — Съ другой стороны, повидимому,

проф. Н. А. Заозерскій не въ достаточной степени уяснилъ себѣ и характеръ и значеніе «*Ἀκολουθίας*». Замѣтивъ, что послѣ устава исповѣди въ ней имѣются еще пять замѣтокъ, онъ не вошелъ въ разсмотрѣніе значенія ихъ для литературной законченности этого памятника и въ обсужденіе того, дѣйствительно-ли ими и заканчивается весь объемъ послѣдняго? Въ этомъ случаѣ онъ не обратилъ вниманія, что (при такомъ условіи) памятникъ, такъ сказать, прерывается на полусловѣ и не имѣетъ конца. Вслѣдствіе этого проф. Н. А. Заозерскій неправильно понялъ «*Ἀκολουθία*» въ ея цѣломъ, какъ только уставъ исповѣди, когда въ дѣйствительности (съ формальной стороны) она была такимъ же пенитенціаломъ, какъ и издаваемый имъ Канонарій. — Только благодаря указанному выше и одновременно вышедшему труду проф. Н. С. Суворова — «Вѣроятный составъ древнѣйшаго покаяннаго и исповѣднаго устава въ Восточной церкви», — и изданію имъ здѣсь «*Διδασκαλίας τῶν πατέρων*» и освѣщенію имъ характера этого памятника, въ цѣломъ его объемѣ, и можно получить должное представленіе о памятникѣ — «*Ἀκολουθία καὶ τάξις*» и условіяхъ и времени (сравнительно съ другими пенитенціалами) его происхожденія.

III.

«*Κανονικόν*» — его происхожденіе и отношеніе къ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*», приписываемому патр. Іоанну Постнику и Канонарію монаха Іоанна.

Оцѣнка исторической давности «*Ἀκολουθίας*» въ только что разсмотрѣнномъ отдѣлѣ предисловія проф. Н. А. Заозерскаго составляетъ отрицательную задачу его труда. Отвергнувъ при этомъ принятое доселѣ мнѣніе о старшинствѣ настоящаго памятника, авторъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ переходитъ къ положительному своему изслѣдованію о номоканонѣ І. Постника и собственно — къ установленію и характеристикѣ основныхъ элементовъ его состава.

Въ этомъ случаѣ авторъ прежде всего хочетъ установить тотъ фактъ, что съ понятіемъ номоканона І. Постника соеди-

няется мысль о сложномъ произведеніи. Какъ подтвержденіе этому, онъ отмѣчаетъ обыкновенный составъ тѣхъ грузинскихъ сборниковъ, въ содержаніе которыхъ входилъ этотъ номоканонъ, а затѣмъ составъ его по спискамъ — въ Мюнхенской рукописи, Устюжской (Румянцевскаго муз. № 230) и Иосафовской (библ. Московск. Акад. № 54) кормчихъ, и, наконецъ, по обширной Мориновской редакціи (стр. 17—18).

Быть можетъ, съ формальной стороны такое воззрѣніе и имѣетъ нѣкоторое оправданіе. Однако, указываемые авторомъ для сего примѣры — далеко нельзя назвать убѣдительными. — Съ понятіемъ номоканона Іоанна Постника, если и можетъ соединяться представленіе о сложномъ твореніи, то во всякомъ случаѣ — твореніи болѣе или менѣе опредѣленнаго содержанія, обнимающемъ собою — уставъ исповѣди извѣстнаго типа и извѣстнаго-же типа и совокупности — епитимійныя правила. По примѣрамъ-же, отмѣчаемымъ здѣсь авторомъ, выходитъ, что всякій сложный епитимійный сборникъ, разъ въ немъ имѣетъ мѣсто и пенитенціалъ, который принято называть номоканономъ І. Постника, — и въ цѣломъ его содержаніи — есть таковой номоканонъ. Неправильность такого представленія дается понять тѣми-же самыми примѣрами, какіе указываетъ здѣсь проф. Н. А. Заозерскій. Такъ, въ предполагаемыхъ теперь грузинскихъ сборникахъ правила VI всел. собора не причисляются къ составу именно номоканона І. Постника. Равнымъ образомъ не отчисляются къ нему тамъ и всѣ статьи, начиная съ «опредѣленія» VII всел. собора, такъ какъ онѣ не составляютъ обязательной наличности всѣхъ такихъ сборниковъ (см. ниже). Номоканонъ въ Мюнхенской рукописи, въ цѣломъ его объемѣ, и подавно не можетъ быть названъ Постниковымъ пенитенціаломъ, такъ какъ въ немъ — и нѣтъ упоминанія объ имени Постника, и въ ряду правилъ есть цѣлый рядъ и не относящихся къ покаянію. Что-же касается до обширной Мориновской редакціи, то для правильнаго представленія въ ней состава номоканона І. Постника, съ точки зрѣнія автора, нужно знать все содержаніе той рукописи, изъ которой она издана, — а такъ какъ этотъ составъ не принятъ во вниманіе, то предположеніе проф. Н. А. Заозерскаго только о двойственности статей, входящихъ здѣсь въ объемъ Постникова номоканона, не можетъ считаться удостовѣреннымъ.

Вслѣдствіе такого своего пониманія состава номоканона І. Постника, взятаго въ его цѣломъ, проф. Н. А. Заозерскій, останавливаясь далѣе «на кратчайшей и простой по составу» редакціи сего номоканона въ Синтагмѣ Властара и Пидалионѣ, — въ виду ея несоотвѣтствія съ подобнымъ воззрѣніемъ автора, и говоритъ, что отнесеніе ея въ разрядъ номоканоновъ — ошибка, недосмотръ. «Въ самомъ дѣлѣ, — рассуждаетъ онъ, — что это за номоканонъ, если весь онъ состоитъ изъ 30-ти, самое большее — изъ 50-ти небольшихъ правилъ?» (стр. 18). Намъ такое удивленіе кажется нѣсколько страннымъ. Есть примѣры, когда совокупность и меньшаго числа правилъ называется номоканономъ. Такъ, напр., нами изданъ одинъ епитимійникъ всего въ 25 правилъ и, однако, онъ надписывается — «*Законоправильникъ*» (= «номоканонъ») ²⁵⁾.

Авторъ говоритъ, впрочемъ, что указываемая статья никогда и не называлась собственно «номоканономъ», что она встрѣчается только, какъ эпилогъ къ самому номоканону, относясь къ нему, какъ часть къ цѣлому, и что ее слѣдуетъ называть ея именемъ — «Канониконъ». Мы позволили-бы добавить къ этому, что и во всѣхъ указанныхъ авторомъ примѣрахъ и вся совокупность епитимійныхъ правилъ, хотя она и сложная, никогда не называется «номоканономъ». Да и вообще въ рукописяхъ, именно покаянно-исповѣднымъ статьямъ, даже сопутствуемымъ другими статьями каноническаго характера, также почти никогда не усвояетъ надписаніе «номоканонъ», особенно въ рукописяхъ болѣе ранняго времени. Имѣются только исключительные тому примѣры ²⁶⁾. Сверхъ-же того, думаемъ, это положеніе не настоятъ никакой надобности и защищать. Названіе «номоканонъ», конечно, прилагается къ покаянному уставу І. Постника, какъ можно заключать и изъ самаго значенія сего термина, не въ собственномъ смыслѣ. Такимъ терминомъ въ позднее время вообще принято обозначать (по примѣру названія большихъ сборниковъ постановленій по церковнымъ дѣламъ,

²⁵⁾ «Тайная исповѣдь», т. III, стр. 285.

²⁶⁾ Какъ указанный въ предыдущей цитатѣ. Это не относится, конечно, къ пространнымъ епитимійнымъ сборникамъ, особенно поздняго времени, когда содержаніе ихъ выходило порою далеко за предѣлы духовническаго руководства.

т. е. номоканонѣ въ собственномъ значеніи) всякіе каноническіе сборники, предполагая, что матеріаломъ для нихъ могутъ служить какъ каноны, такъ и гражданскія постановленія, относящіяся къ Церкви.

Хотя то или другое наименование разсматриваемаго покаяннаго устава, повидимому, такъ малозначительный фактъ, однако, связывая съ нимъ представленіе объ объемѣ относящагося сюда произведенія, авторъ выводитъ отсюда очень важное заключеніе. Именно: разъ «номоканонѣ» сложная вещь, «то о подлинности номоканона Іоанна Постника, патріарха Константинопольскаго, не можетъ быть и рѣчи», такъ какъ въ «номоканонѣ, носящемъ его имя, есть статьи несомнѣнно позднѣйшаго времени... (и) надъ составленіемъ его трудились различныя лица» (стр. 19). По нашему разумѣнію такая аргументація крайне формальна. При ней получается: если въ епитимійномъ номоканонѣ есть статьи, даже и дѣйствительно принадлежащія перу патріарха Іоанна Постника, то все-таки о подлинности ихъ не можетъ быть и рѣчи. А вѣдь когда говорится о номоканонѣ І. Постника, то именно эти статьи и имѣются въ виду. Самъ-же авторъ теперь для изслѣдованія вопроса — «изъ какихъ-же составныхъ частей или элементовъ составленъ номоканонѣ, носящій имя І. Постника?» — трактуетъ далѣе только о статьяхъ, носящихъ это имя, оставляя въ сторонѣ, какъ не относящійся сюда элементъ, всякія другія статьи (правила VI всел. собора, «опредѣленіе» VII всел. собора и пр.) въ указанныхъ имъ примѣрахъ.

Итакъ, изъ какихъ составныхъ элементовъ складывается содержаніе номоканона, усвояемаго имени Іоанна Постника?

Въ отвѣтъ на это проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что на первомъ планѣ «мы должны поставить статью», которая называлась «Κανονικόν»²⁷⁾ или прилагалась въ видѣ эпилога къ номоканону подъ заглавіемъ: «Γίνωσκε δὲ καὶ τὰ ἐπιτίμια, ἅπερ οὐχ ἡμεῖς, ἀλλ' ὁ μέγας ταῖς παραπτώμασις ἐξέθετο Βασίλειος» (стр. 20, 18—19).

²⁷⁾ Такъ эта статья и будетъ иногда называться нами. Оговариваемся, однако, что такое ея наименованіе нельзя назвать правильнымъ. М. Властарь, употребившій этотъ терминъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ, во всякомъ случаѣ называетъ такъ собственно не ее, а то собраніе епитимійныхъ правилъ, изъ коего она извлечена.

Указывая выше (стр. 19) на такое назначеніе и наименованіе настоящей статьи, авторъ говоритъ, что съ отмѣчаемымъ «заглавіемъ онъ встрѣчается (вромѣ множества другихъ номоканонѣ) въ Канонаріи монаха Іоанна и въ Мюнхенскомъ номоканонѣ и что въ грузинскомъ номоканонѣ она присоединена непосредственно къ Канонарію подъ общимъ заглавіемъ: «Каноны для грѣшниковъ Іоанна патріарха Константинопольскаго Постника». Всѣ эти показанія нуждаются въ значительныхъ поправкахъ. — 1) Въ Канонаріи монаха Іоанна имѣется только весьма незначительная часть настоящей статьи, — скорѣе введеніе къ ней. 2) Въ Мюнхенскомъ номоканонѣ она занимаетъ собственно самостоятельное положеніе, а если считать ее здѣсь продолженіемъ внесенныхъ предъ нею въ рукопись статей, то все-таки она должна трактоваться таковымъ скорѣе не въ отношеніи къ номоканону, въ принятѣмъ его пониманіи, а именно къ тому-же Канонарію²⁸⁾. 3) Въ грузинскомъ номоканонѣ, по исправнымъ и древнѣйшимъ его спискамъ, она носила самостоятельное надписаніе (подъ каковымъ обыкновенно и встрѣчается въ грузинскихъ ркп.) — «Каноны за ежедневныя грѣхи, установленныя св. Василиемъ»²⁹⁾. 4) При произведеніяхъ, котрымъ по преимуществу усвоится наименованіе «номоканонѣ І. Постника» — «Ἀκολουθία» и «Ἀβύσος», — такого приложенія къ нимъ — ни съ заглавіемъ, ни безъ заглавія — не имѣется. — Соглашаясь при этомъ, что разсматриваемая статья во дни оны понималась не болѣе, какъ составная часть или дополненіе къ другимъ статьямъ, мы, однако, должны сказать, что а) въ древнѣйшихъ памятникахъ ей иногда придавали самостоятельное положеніе, и б) если она понималась составною частью, то собственно — не номоканона, а Канонарія монаха Іоанна.

При обсужденіи исторіи разсматриваемаго теперь Каноникона, авторъ указываетъ, что онъ открытъ Питрою, какъ вторая половина пѣлаго опубликованнаго имъ памятника — «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν καὶ ἐπιτίμια ἐκάστου ἀμαρτήματος Ἰωάννου πατριάρχου Κ—πόλεως τοῦ Νηστευτοῦ». При этомъ авторъ отмѣчаетъ, что Питра предполагаетъ много древнѣйшій его текстъ (въ виду

²⁸⁾ Н. С. Суворовъ — «Вѣроятный составъ...», стр. 6—8.

²⁹⁾ См. въ разсматриваемой книгѣ, тексты, стр. 82, прим. 1.

неисправности извѣстнаго ему оригинала) и предполагаетъ раннее его происхождение, такъ какъ въ надписаниі І. Постникъ не называется святымъ (стр. 20—23). Мы, однако, считаемъ возможнымъ думать, что ошибочность въ текстѣ и его безграмотность иногда могутъ приписываться и самимъ авторамъ, разъ они не болѣе, какъ безграмотные компиляторы. — Вопль довѣря въ семь случаевъ Питръ, проф. Н. А. Заозерскій совершенно не входитъ въ обсужденіе того вопроса, насколько изданный теперь послѣднимъ памятникъ въ дѣйствительности представляетъ одно—изначала цѣлое? По его мнѣнію, очевидно, это — уже рѣшенный фактъ. А между тѣмъ имѣются факты, которые сильно говорятъ противное. Такъ — предполагаемая теперь «Запрещенія» вносились въ рукописяхъ въ болѣшемъ числѣ случаевъ отдѣльно отъ первой половины памятника, якобы органически съ нимъ связанной, — вносились или въ видѣ самостоятельной статьи³⁰⁾, или въ видѣ прибавки къ Канонарію. Развѣ это гармонируетъ съ изначальной принадлежностью «Запрещеній» къ содержанію «*Διδασκαλίας τῶν μοναζουσῶν*»? Съ другой стороны, развѣ стоитъ въ согласіи съ тѣмъ-же самымъ и тотъ необъяснимый фактъ, что «Запрещенія», якобы принадлежа къ содержанію памятника, по самой цѣли его — малоупотребительнаго, и имѣя первоначально крайне специальное назначеніе — только для монахинь, — вдругъ (и очень рано) получаютъ широкое значеніе общаго епитимійнаго руководства? Тотъ и другой фактъ, по нашему мнѣнію, невольно заставляютъ относиться къ подлинности и неповрежденности «*Διδασκαλίας τῶν μοναζουσῶν*» съ большою опаскою. А если при этомъ припомнить, что въ дѣйствительно древнѣйшемъ памятникѣ настоящія «Запрещенія» надписываются вообще «*ταῖς παραπτώμασις γυναικῶν*», то мы и вовсе должны признать, что первоначальная принадлежность ихъ къ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*» — дѣло уже болѣе чѣмъ сомнительное.

Но допустимъ пока и такъ, какъ думаетъ авторъ. — Что слѣдуетъ далѣе? Проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что если первая половина «*Διδασκαλίας τῶν μοναζουσῶν*» сохранилась, какъ рѣдкость, то «судьба «Запрещеній» несравненно болѣе счаст-

³⁰⁾ П и т р а, Spicilegium, t. IV, pag. 429, прим. 1.

лива», т. е. они сохранились во множествѣ списковъ (стр. 23). Однако, если это такъ, то спрашивается, какимъ-же это образомъ стало, что одна половина *цѣльнаго* памятника, преслѣдующаго *одну* идею, почти исчезла изъ рукописей, а между тѣмъ другая сохранилась въ великомъ множествѣ редакцій? Не долженъ ли усматривать объективный взглядъ, что и въ такомъ наблюденіи непримиримое противорѣчіе съ цѣльностью памятника «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*», какъ состоящаго собственно изъ самаго «*Διδασκαλίας*» и «*ἐπιτίμα ἐκάστου ἀμαρτήματος*».

Пойдемъ, однако, далѣе. Проф. Н. А. Заозерскій говоритъ — «лучше изъ редакцій «Запрещеній» почитается редакция М. Властара», какъ эпилогъ къ его Синтагмѣ въ количествѣ 37 правилъ (стр. 23). На нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ автору, разъ онъ специально останавливается на «Канониконѣ», настояла необходимость войти въ обстоятельное сравненіе изданной у Властара редакціи съ ея якобы прототипомъ въ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*» Питры. Такое сравненіе показало-бы читателю: 1) съ внѣшней стороны, т. е. со стороны изложенія, а равно и со стороны обстановки (справками и основаніями) положеній, — между этими двумя редакціями существенная разница; 2) по содержанію редакция Властара совпадаетъ съ «*ἐπιτίμα ἐκάστου ἀμαρτήματος*» только въ незначительной части послѣдней статьи и собственно въ отношеніи 21 ея первыхъ правилъ и 3) это совпаденіе относится исключительно къ такимъ «Запрещеніямъ», которыя въ послѣднемъ памятникѣ обязательно нужно считать привнесениемъ послѣдующаго времени. Въ виду всего этого настояще два каноническихъ документа, по существу ихъ назначенія и по основному содержанію, — совершенно не совпадаютъ между собою. Въ конечномъ-же выводѣ отсюда получается: статья «*ἐπιτίμα ἐκάστου ἀμαρτήματος*» въ «*Διδασκαλία μοναζουσῶν*», въ ея чистомъ и первоначальномъ видѣ, никогда не была и не могла быть источникомъ для Властаревой редакціи, — иначе говоря — въ первичной ихъ основѣ это два каноническихъ памятника ни мало не долженствующихъ совпадать между собою.

Объ этомъ съ особенною очевидностью говоритъ сохранившаяся въ грузинскомъ номоканонѣ надписаніе трактующихъ «Запрещеній» — «Каноны за ежедневные грѣхи». Такимъ надписаніемъ прямо указывается, что «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*» перво-

начально была ни чѣмъ другимъ, какъ только уставомъ монашескаго благочинія для женскаго монастыря, съ изложеніемъ въ немъ «покаяній» для нарушительницъ его въ томъ или другомъ отношеніи. Таковы «ἐπιτίμια ἑκάστου ἀμαρτήματος» дѣйствительно и суть въ той ихъ части, какая отвѣчаетъ идеѣ первой половины «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν». Только при такомъ содержаніи эти «Запрещенія» и мыслимо считать дѣйствительною принадлежностью сего памятника.

Въ виду публикуемаго грузинскаго текста «запрещеній» или «Каноникона» проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что «теперь наука обогатилась древнѣйшею редакціею этихъ запрещеній, редакціею X в.» (стр. 24). — Что въ грузинскомъ текстѣ мы имѣемъ дѣйствительно редакцію X вѣка, — это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, но что она — *древнѣйшая*, — не думаемъ. Последнею, несомнѣнно, нужно признать только ту, которая (повидимому въ недоконченномъ (?) видѣ) имѣется въ Мюнхенскомъ номоканонѣ. Тамъ, однако, эта статья, хотя отчасти и совпадаетъ съ «Запрещеніями» по грузинскому тексту, но носитъ совершенно другой характеръ. Надписываемая здѣсь вообще «ταῖς παραπτώσασιν γυναικῶν», она, какъ показываютъ замѣчанія проф. Н. С. Суворова³¹⁾, вполнѣ отвѣчаетъ такому именно надписанію. Это — одно. Другое. При такомъ надписаніи, она въ данномъ случаѣ должна пониматься генетически связанною съ предшествующимъ ей здѣсь Канонаріемъ, такъ какъ тѣмъ самымъ она прямо отвѣчаетъ особой рѣчи въ немъ объ исповѣди женщинъ и ихъ особыхъ грѣхахъ. — Въ виду послѣдняго, — добавимъ, — вполнѣ возможно, что и въ спискѣ Канонарія, изданномъ у Морина, эта статья (будучи въ полномъ текстѣ), по всей вѣроятности, должна-бы совпадать по содержанію съ Мюнхенскою редакціею.

Только что сказаннымъ мы не отрицаемъ, что въ грузинскомъ номоканонѣ, а равно и въ кормчей Саввино-Сторожевскаго монастыря, какъ приложение къ Канонарію (въ послѣдней ркп.

³¹⁾ Ср. Н. С. Суворовъ, «Вѣроятный составъ...», стр. 8, и Pitag., *ibid.*, pag. 429—432. Весьма нужно сожалѣть, что Н. С. Суворовъ не издалъ эти епитиміи, которые, очевидно, понимаются здѣсь неотъемлемою составною частью Канонарія.

отдѣльное) дѣйствительно имѣются «ἐπιτίμια ἑκάστου ἀμαρτήματος»... Но только какъ? Имѣются только повидимому. Именно. —

Въ Саввино-Сторожевской кормчей они совпадаютъ съ редакціею Питры лишь въ отношеніи первыхъ 23 правилъ, т. е. опять таки тѣхъ, которыя, какъ связано, нужно считать привнесенными въ «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν» завѣдомо послѣ. Далѣе-же, въ отношеніи существенной части «ἐπιτίμια ἑκάστου ἀμαρτήματος», такого совпаденія совершенно нѣтъ. — Совпаденія или сходства нѣтъ, но зато здѣсь наблюдается весьма любопытный фактъ. — Это — во всей остальной части и въ объемѣ даже болѣе, чѣмъ въ «Διδασκαλία μοναζουσῶν», компиляторъ внесъ епитиміи исключительно (кромѣ одного случая) для монаховъ, каковыя излагались обыкновенно въ особомъ памятникѣ. Въ этомъ краснорѣчивое доказательство, что «ἐπιτίμια ἑκάστου ἀμαρτήματος» въ указываемой «Διδασκαλία» состоятъ собственно изъ двухъ частей (общей и специально монашеской) и что во всякомъ случаѣ онѣ не послужили оригиналомъ предполагаемой теперь по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго особой части въ общемъ составѣ номоканона I. Постника, — такъ называемаго, «Каноникона».

Совсѣмъ другое и совершенно обратное наблюдается здѣсь въ отношеніи грузинскаго перевода. Въ немъ, напротивъ, первая часть (по 23—24 правилу), сохраняя, повидимому, то-же содержаніе, въ сущности дѣла весьма значительно отстываетъ отъ редакціи по изданію Питры — различными вставками, а главное — устраненіемъ въ ней статей, относящихся специально къ женскимъ грѣхамъ, и, — что замѣчательно, — изложеніемъ оставшихся статей вообще по адресу исповѣдниковъ (а не исповѣдницъ — женщинъ). Такимъ образомъ, эта часть получила здѣсь такой видъ, что почти не напоминаетъ (по крайней мѣрѣ въ цѣломъ) соответствующей части въ «ἐπιτίμια ἑκάστου ἀμαρτήματος» по изд. Питры. Благодаря этому, она, съ одной стороны, именно отвѣчаетъ своимъ назначеніемъ предшествующему ей общему исповѣдному уставу, а съ другой — еще разъ со всей очевидностью доказываетъ намъ привносный ея характеръ (въ цѣломъ) въ тѣ-же «ἐπιτίμια».

Наоборотъ, другая часть здѣсь совершенно совпадаетъ (съ сравнительно незначительными вариантами) съ редакціею у Питры. Но и она изложена по адресу монаховъ. И принямая во вниманіе, что всякія иноческія епитиміи первоначально

должны были появиться для *монаховъ*, не безъ вѣроятности можно думать, что мы имѣемъ здѣсь оригиналъ той статьи, которая послужила первообразомъ для второй части тѣхъ-же «ἐπιτίμια» въ «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν». Впрочемъ, это и не настолько важно. Важнѣе на этотъ разъ нѣчто другое. И собственно: въ началѣ сей статьи въ грузинскомъ текстѣ мы читаемъ: «Въ монастырь все да будетъ въ порядкѣ» (предъ 24-мъ правиломъ греческаго текста), — и далѣе (24-е правило) — «Монахъ, который клялся...» и пр. (стр. 86); а въ заключеніе всей статьи читаемъ такъ: «Не по времени суди и опредѣляй канонъ кающемуся, но по ревности, пристойности... Если-же упорствуютъ въ своихъ грѣхахъ и злобѣ ума своего оспариваютъ твое *попечение*, считай себя, о *настоятель*, невиновнымъ, отпусти и спаси душу свою... Аминь» (стр. 92).

Полагаемъ, проф. Н. А. Заозерскій согласится теперь, что во всей второй половинѣ трактуемой статьи мы имѣемъ дѣйствительно совершенно особенный и самостоятельный памятникъ, ни мало не относящійся къ исповѣди въ точномъ смыслѣ, а исключительно къ монашескому благочинію. Это есть кодексъ «покаяній» за нарушенія монашескаго благочинія. Только при такомъ ея пониманіи, становится понятнымъ и осмысленнымъ надписаніе ея въ грузинскомъ переводѣ: «Каноны за *ежедневныя* грѣхи, установленныя Василиемъ В.», — каковое можетъ относиться лишь къ этой части и ни мало не предполагается частью первой, касающеюся общихъ тяжкихъ грѣховъ — убійства, блуда, гробоконательства... и пр.

Въ итогѣ изъ всего теперь сказаннаго по разсматриваемому вопросу слѣдуетъ: 1) О какой-либо самостоятельности «ἐπιτίμια ἐκάστου ἁμαρτήματος» въ изданномъ кард. Питрою видѣ не можетъ быть и рѣчи. 2) Весьма сомнительно, далѣе, чтобы и въ чистомъ своемъ видѣ, безъ наслоеній, эти «ἐπιτίμια» были самобытнымъ произведеніемъ; скорѣе всего онѣ были составлены уже по готовому образцу, редактированному только для монаховъ. 3) Нечего, слѣдовательно, и говорить о какомъ либо значеніи сего приложенія къ Канонарію, какъ особенной древнѣйшей части. 4) Если и можно что-либо отмѣтить, какъ объ особомъ приложеніи къ Канонарію первыхъ 22—23 правилъ, включенныхъ въ «ἐπιτίμια», то и оно не представляетъ какого-либо опредѣленнаго памятника, а просто группу правилъ, подвергавшуюся

всяческимъ измѣненіямъ, какъ это видно изъ сравненія ея по Мюнхенскому номоканону, грузинскому Канонарію и греческому тексту съ славянскимъ переводомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ настоящая группа общихъ епитимій, объединяясь нѣкоторыми (особенно первыми) правилами, въ существѣ дѣла представляетъ три различныхъ памятника, едва-ли почерпавшихъ все свое содержаніе изъ одного источника.

Возвратимся, однако, нѣсколько назадъ къ сообщеніямъ и разсужденіямъ Н. А. Заозерскаго по поводу тѣхъ-же самыхъ «Запрещеній». — Замѣтивъ (на стр. 20), что «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν» опубликовано Питрою въ 1858 г., авторъ добавляетъ: «какъ показываетъ самое заглавіе, произведеніе раздѣлено на двѣ части: наставленіе и епитиміи». Намъ думается, это заглавіе можетъ говорить и большее. Своимъ контекстомъ — а) «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν» и б) «καὶ ἐπιτίμια ἐκάστου ἁμαρτήματος Ἰωάννου πατράρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηηστευτοῦ» — оно едва-ли не указываетъ и на то, что подъ нимъ сдѣлано сочетаніе въ одно цѣлое двухъ отдѣльныхъ произведеній, это — а) самаго наставленія (неизвѣстнаго автора) и б) епитимій на каждый грѣхъ Иоанна Постника. Предполагаемъ такъ потому, что при единствѣ автора этихъ двухъ частей скорѣе можно-бы ожидать такую конструкцію надписанія: «Ἰωάννου πατράρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηηστευτοῦ διδασκαλία. . . ἁμαρτήματος». Кромѣ того, тогда едва-ли бы и нужно дѣлать особую отмѣтку — «καὶ ἐπιτίμια ἐκάστου ἁμαρτήματος», такъ какъ наличность здѣсь иноческихъ епитимій, отвѣчая изложеннымъ выше положительнымъ предписаніямъ относительно инокинъ, очевидно обнимается въ надписаніи понятіемъ «Διδασκαλία». Наконецъ, вставка во второй половинѣ надписанія «ἐκάστου ἁμαρτήματος» неволью придаетъ этой половинѣ особое значеніе и не стоитъ въ согласіи съ характеромъ первой половины надписанія, внося болѣе общее назначеніе произведенія, чѣмъ это дается понятъ по выраженію — «Διδασκαλία μοναζουσῶν». — Кромѣ указываемаго, то-же заглавіе даетъ еще понятъ, что если обычныя монашескія епитиміи, какъ отвѣчающія общей задачѣ сего наставленія, можно понимать изначальнымъ составнымъ элементомъ настоящаго памятника, то привнесенными въ него послѣ должны пониматься именно правила 1—22.

Это привнесение, несомненно, обнимает собою тѣ епитиміи, которыя, подѣ надписаніемъ — «Γίνωσκε δὲ καὶ τὰ ἐπιτίμια, ἅπερ οὐχ ἡμεῖς, ἀλλ' ὁ μέγας ταῖς παρακλιτοῦσαις ἐξέθετο Βασίλειος», — излагались какъ дополнение при Канонаріи монаха Іоанна. Вышній поводъ къ такому привнесенію вполнѣ понятенъ, если мы обратимъ вниманіе, что въ древнѣйшемъ — Мюнхенскомъ спискѣ данныя епитиміи предназначаются исключительно для женщинъ. Разъ, — считаемъ возможнымъ добавить къ этому, — Канонаріи монаха Іоанна иногда надписывался и именемъ І. Постника, то очень позволительно думать, что при надписаніи — «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν» имя Іоанна Постника, быть можетъ, и появилось благодаря именно этому привнесенію епитимій женщинамъ.

Касаясь далѣ самаго содержанія «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν», авторъ указываетъ, что въ немъ, послѣ начертанія общаго идеала монахини, дается «наставленіе» начальницѣ монастыря, съ какою осторожностью она должна облекать въ великій ангельскій образъ дѣву, раскрываетъ долгъ ея... въ отношеніи къ подначальнымъ ей инокинямъ и въ заключеніе говоритъ: «знай же епитиміи...» и пр. (стр. 20). Намъ думается, если-бы авторъ внимательно проанализировалъ все это содержаніе, исходя изъ настоящей своей задачи, то быть можетъ онъ получилъ-бы въ выводѣ: а) Разъ здѣсь упоминается великій ангельскій образъ, то подобно тому, какъ таковое упоминаніе въ номоканонѣ І. Постника служитъ нѣкоторымъ препятствіемъ къ признанію его подлинности, то-же самое (въ отношеніи пониманія авторомъ патріарха Іоанна Постника), значитъ, приложимо и сюда ³²⁾. б) Разъ это наставленіе предназначается въ концѣ концовъ для руководства собственно настоятельницамъ обители, то само собою слѣдуетъ, что въ епитимійной его части можетъ быть рѣчь исключительно объ епитиміяхъ въ отношеніи нарушеній монашескаго благочинія, и что всѣ епитиміи по общимъ грѣхамъ суть привнесеніе послѣдующаго времени и в) Въ своемъ непогрѣжденномъ видѣ, очевидно, этотъ памятникъ не могъ имѣть никакого отношенія къ номоканону І. Постника.

³²⁾ Нужно, однако, замѣтить, что въ «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν» нѣтъ никакого либо опредѣленнаго указанія на различіе «μικροσχημοῖς» и «μεγάλου σχήματος».

Относительно самыхъ епитимій въ «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν» проф. Н. А. Заозерскій говоритъ — «есть въ числѣ ихъ и правила, имѣющія въ виду мірянъ, мужчинъ и женщинъ, и опредѣляющія епитиміи за весьма тяжкіе грѣхи — прелюбодѣяніе, мужеложство» и пр., и затѣмъ замѣчаетъ, что такія правила «привнесены позднѣе», ибо «они мало соотвѣтствуютъ цѣлому содержанию произведенія» и «въ разныхъ редакціяхъ Каноникона допускаютъ значительное разнообразіе» (стр. 20). Мы скажали-бы въ виду этихъ словъ, что Н. А. Заозерскому настояла здѣсь надобность въ точности указать всѣ правила, которыя по его мнѣнію суть позднее наслоеніе, и затѣмъ опредѣленно высказать отмѣчаемое значительное ихъ разнообразіе. Это, вызвавъ его на детальное изученіе настоящей статьи, быть можетъ предостерегло-бы его отъ невѣрныхъ заключеній въ разсматриваемомъ случаѣ.

Далѣ авторъ съ особенною подробностью останавливается на значеніи замѣтки, замѣняющей для статьи надписаніе, — «знай-же и епитиміи, которыя не мы, но великій Василій изложилъ падающимъ инокинямъ». Въ уясненіе этой замѣтки-надписанія, принадлежащей творцу трактующей статьи, проф. Н. А. Заозерскій — 1) говоритъ, что здѣсь имѣются, напр., 24—29 запрещенія изъ неканонизованныхъ правилъ монашеской жизни, приписываемыхъ Василию В.; — 2) отмѣчаетъ, что здѣсь есть правила буквально сходнаго содержанія съ встрѣчаемыми у Іоанна Лѣствичника (отчасти современника І. Постника); и 3) съ особенною тщательностью останавливаясь на 7-мъ запрещеніи (о блудѣ), усматриваетъ въ его содержаніи (соотвѣтствующемъ 60-му правилу Василя В.) подробное и частнѣйшее раскрытіе выраженаго св. Василиемъ В. (въ 74-мъ правилѣ) «принципа древней дисциплины» для снисхожденія къ грѣшникамъ. На основаніи всего этого авторъ и говоритъ въ объясненіе настоящаго замѣчанія, что составитель разсматриваемой епитимійной статьи — или «имѣлъ въ виду, быть можетъ, дѣйствительно дошедшее до него преданіе, прямо приписывавшее эти правила св. Василию В.», или-же давалъ понятъ «то только, что, редактируя или излагая эти правила самостоятельно, онъ ни мало не отступалъ, а напротивъ истолковывалъ правила св. Василя В. совершенно въ его духѣ» (стр. 22—23).

Болше чѣмъ ясно, что это послѣднее объясненіе чрезмѣрно искусственно и потому не имѣетъ основаній. Въ оправданіе его авторъ ссылается на 10-е запрещеніе (о вытравленіи плода); но самъ-же онъ выше (стр. 20) говоритъ, что оно привнесено послѣ. Это — одно. Другое. — запрещеніе 7-е, на которое особенно опирается авторъ, — основное въ текстѣ, или привнесенное-же? Несомнѣнно такое-же и по воззрѣнію самого автора, разъ оно касается весьма тяжкаго грѣха — блуда (ср. у автора стр. 20). Но такъ это есть и по самому содержанію 7-го запрещенія. Оно по всѣмъ памятникамъ, а въ особенности по грузинскому переводу (см. стр. 84) относится вообще къ нарушителямъ 7-й заповѣди, а не къ инокинямъ; рѣчь о блудѣ послѣднихъ входитъ сюда только какъ дополнительное замѣчаніе. Такимъ образомъ, въ уясненіи трактуемаго надписанія «запрещеній» ссыла на это запрещеніе (а она — главнѣйшее у Н. А. Заозерскаго) не можетъ имѣть силы, а потому и данное здѣсь авторомъ объясненіе нельзя признать отвѣчающимъ дѣйствительности.

Не мудрствуя особенно, занимающее теперь надписаніе «Запрещеній» объясняется, по нашему мнѣнію, далеко проще. Оно, какъ мы видимъ, удержано въ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*». Разъ мы признаемъ, что въ этомъ «Наставленіи» епитиміи, въ неповрежденной ихъ редакціи, имѣли въ виду собственно нарушенія монашескаго устава, и разъ, далѣе (съ чѣмъ соглашается и авторъ), трактуемое надписаніе находится въ несомнѣнной логической связи съ самымъ «наставленіемъ», то очевидно, оно *здѣсь* и можетъ относиться (какъ разъ обратно мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго) только ко внесеннымъ сюда специальнымъ монашескимъ епитиміямъ. Если же это такъ, — тогда вполне понятна и умѣстность такого надписанія. Отъ Василія В., какъ говоритъ и самъ авторъ, остались неканонизованныя правила, касающіяся монашеской дисциплины. — Незвѣстный компиляторъ настоящаго «*Διδασκαλίας*», составляя кодексъ епитимій для монахинь (и не далѣе) и имѣя въ виду аскетическія правила Василія В., естественно и поставилъ трактуемое надписаніе надъ редактированными имъ епитиміями. Такимъ образомъ, оно не имѣетъ никакого отношенія къ епитиміямъ собственно съ именемъ І. Постника. Что это дѣйствительно такъ, то лучше всего доказывается цитованнымъ выше надписаніемъ сихъ епитимій, принятымъ въ грузинскомъ переводѣ — «Каноны за ежедневные

грѣхи, установленные св. Василиемъ», соответственно чему и заключеніе всей относящейся сюда статьи по тому-же переводу, приводимое нами выше, является ничѣмъ другимъ, какъ приспособленіемъ 84 и 85 правилъ Василія Великаго. Это надписаніе не оставляетъ никакого сомнѣнія въ вѣрности нашего объясненія.

Въ такомъ смыслѣ, по нашему мнѣнію, понималъ и употребилъ обзорѣваемое надписаніе составитель «*Διδασκαλίας τῶν μοναζουσῶν*». Однако, употребляясь еще и внѣ собственно сего «Наставленія», по первоначальному своему значенію оно, быть можетъ, имѣло другой смыслъ. Въ редакціи «Наставленія инокинямъ» въ немъ читается: «... τὰ ἐπιτίμια... ταῖς παραπιπτούσαις ἐξέθετο Βασίλειος». — Быть не можетъ, чтобы составитель этого памятника, имѣя въ виду дать руководство для наложенія «покаяній» монахинямъ за «ежедневные грѣхи», если-бы онъ самъ составилъ и надписаніе къ нему, не добавилъ-бы въ послѣднемъ къ «*παραπιπτούσαις*» существительное — «*μοναχῆς*». Очевидно, онъ бралъ это надписаніе откуда то готовымъ, гдѣ оно прилагалось къ лицамъ женскаго пола вообще. Правда, въ текстѣ надписанія по славянскому переводу мы уже читаемъ: «Въждь же и запрещеніе, яже не мы но великіи Василіе изложи падающимъ *инокинямъ*». Но эта попытка приспособить надписаніе къ слѣдующему за нимъ епитимійнику указываетъ опять таки на принаровленіе уже готоваго надписанія, только въ другомъ родѣ. Говоримъ такъ потому, что здѣсь надписаніе совершенно не оправдывается содержаніемъ «Запрещеній». Въ первой половинѣ ихъ, по этому переводу, заключаются епитиміи женщинамъ вообще, а во второй — епитиміи собственно монахамъ, и — кромѣ двухъ трехъ епитимій инокинямъ, никакъ не можемъ оправдать указываемое надписаніе, — здѣсь для такого оправданія ничего не имѣется. Принимая, однако, во вниманіе, что въ настоящемъ случаѣ имѣются епитиміи собственно для женщинъ, мы вправѣ предполагать, что первоначально, въ оригинальномъ для славянскаго перевода текстѣ, въ надписаніи при «*παραπιπτούσαις*» стояло собственно «*γυναῖκιν*».

Такъ это, дѣйствительно, и есть. Въ древнѣйшемъ Мюнхенскомъ номоканонѣ трактуемое надписаніе читается: «*Γινώσκων οὖν χρῆ, ὅτι τὰ ἐπιτίμια ταῖς παραπιπτούσαις γυναῖκιν οὐχ ἡμεῖς, ἀλλ' ὁ μέγας ἐξέθετο Βασίλειος*», и подъ нимъ, какъ мы уже знаемъ,

помѣщаются въ ограниченномъ числѣ епитимій для женщинъ вообще. — Такимъ образомъ, первоначально занимающее насъ надписаніе относилось только — вообще къ женскимъ епитиміямъ. Впослѣдствіи же, при составленіи пенитенціаловъ спеціально для монахинь, оно было перенесено и на нихъ — или съ опущеніемъ слова «*γυναῖξίν*», или съ замѣною его словомъ — «*μοναχαῖς*».

Это перенесеніе, нужно сказать, было сдѣлано, быть можетъ, и даже тогда, когда еще въ «Запрещеніяхъ» заключались только обще-женскія епитиміи. Прямое указаніе на то мы видимъ въ предполагаемомъ теперь славянскомъ переводѣ, гдѣ вставка «инокынямъ» можетъ оправдываться наличиемъ только такихъ епитимій и нисколько не отвѣчаетъ второй половинѣ, адресованной собственно къ монахамъ. Въ этомъ случаѣ употребленіе слова «*μοναχαῖς*» равнозначуще, если-бы его поставить взамятъ «*γυναῖξίν*» и въ Мюнхенскомъ номоканонѣ. Этотъ древнѣйшій номоканонъ, заключая обзорѣваемыя «запрещенія» съ уясняемымъ теперь надписаніемъ и съ присоединеніемъ къ нимъ слѣдующаго затѣмъ (съ нѣсколькими впереди епитимійными правилами по адресу священнослужителей) пенитенціала для монаховъ въ той-же редакціи, что и въ Саввино-Сторожевскомъ списокѣ, представляетъ полную аналогію сему послѣднему. — Но спрашивается, почему же въ Мюнхенскомъ номоканонѣ именно такое надписаніе, т. е. — «... τὰ ἐπιτίμια .. οὐχ ἡμεῖς, ἀλλ' ὁ μέγας ἐξέθετο Βασίλειος?»

Намъ думается — по очень простому мотиву. Именно: въ отношеніи вошедшихъ сюда 8-ми правилъ и главнымъ образомъ важнѣйшихъ изъ нихъ, компиляторъ руководствовался только собраніемъ правилъ Василія В., въ особенности богатыхъ постановленіями въ отношеніи грѣховъ женщинъ³³⁾. Потребность такого сношенія съ канонами Василія В. предполагается въ этомъ случаѣ необходимою и для другихъ епитимій, не нашедшихъ себѣ мѣста въ Мюнхенскомъ списокѣ «Запрещеній», но встрѣчаемыхъ въ послѣдующихъ, болѣе пространныхъ ихъ редакціяхъ. Это лишь объясненіе находить для себя полное

³³⁾ Именно оны сносился: для 7-го запрещенія съ 18-мъ и 59-мъ правилами Василія В., для 8-го — съ 56-мъ прав. и для 22-го — съ 49-мъ прав.

оправданіе въ общемъ надписаніи того номоканона, къ которому «Запрещенія» служатъ якобы приложеніемъ, — въ общемъ надписаніи, какъ оно принято и въ древнѣйшей редакціи сего номоканона (по Мюнхенскому списку), или и въ позднѣйшихъ, гдѣ авторъ обыкновенно титулируется, какъ ученикъ св. Василія В. Это ученичество автора, за происхожденіемъ его компиляціи несомнѣнно болѣе позднимъ, чѣмъ время Василія В., и должно было состоять въ указываемомъ его руководствѣ подлинными правилами великаго отца церкви — Василія.

Заканчивая свою рѣчь относительно «Каноникона» или «Запрещеній», проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что «значение ихъ очень важно»; «они породили массу подражателей мягкой дисциплины», проводимой ими; «въ составѣ епитимійнаго номоканона они породили особую третью составную часть его», постепенно увеличивавшуюся привнесеніемъ другихъ правилъ и въ концѣ концовъ настолько, что такимъ путемъ стали получаться особые сборники, «иногда довольно значительныхъ размѣровъ», каковы — номоканоны Котельера и на Руси — такъ называемыя «Зинарь» или «Зоцарь» (стр. 24). — Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, въ основѣ всѣхъ епитимійныхъ сборниковъ послѣдующаго времени — именно трактуемая статья.

По нашему взгляду — ограничиваться здѣсь такою лаконическою замѣткою, не приводя ни одного слова въ подтвержденіе столь важнаго положенія, по меньшей мѣрѣ — не удовлетворить мало-мальски внимательнаго и любознательнаго читателя. И допустимъ даже, если въ составѣ такого номоканона, какъ Котельеровскій, оны нашель-бы и всѣ правила, включенныя въ «Канониконъ», то и тогда для него нисколько не было-бы убѣдительнымъ, что въ основѣ этого пространнаго сборника лежитъ именно указываемая статья. Мало того, — разъ Котельеровскій номоканонъ не чуждъ апокрифическихъ чертъ, а «Канониконъ» санкционированъ въ своемъ достоинствѣ — и разумною практикою, и древностью, — ему ничто не воспрепятствуетъ предполагать болѣе цѣлесообразнымъ, что скорѣе первый возникъ самостоятельно и только попутно пользовался матеріаломъ изъ второго. Это — одно. Другое, — разъ утвержденіе автора вѣрное, то очевидно, для такого порядка вещей былъ вѣскій мотивъ, было фактическое оправданіе въ самомъ содержаніи «Каноникона» или «Запрещеній», — очевидно, что послѣднія въ своей

совокупности представляли такое стройное, цѣльное и законченное ядро, которое дѣйствительно могло приниматься въ основаніе послѣдующихъ пенитенціаловъ, распространяемыхъ только болѣе частными правилами... Однако, представляетъ ли въ дѣйствительности что либо подобное нашъ епитимійный документъ? Такъ какъ авторъ не вошелъ въ его разсмотрѣніе, то сдѣлаемъ къ тому нѣкоторую попытку мы сами.

Изъ предыдущаго со всею очевидностью ясно, что для исторіи вообще епитимійнаго номоканона при уставѣ исповѣди, въ цѣломъ объемѣ «Запрещеній» (по тексту въ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*» у Питры) могутъ имѣть приложеніе только первыя 23 правила (далѣе уже слѣдуютъ правила особаго назначенія и составляющія въ ихъ совокупности другое собраніе). Что-же представляютъ эти правила?

Первыя четыре изъ нихъ суть одно цѣлое, обнимающее грѣховныя мысли и вождельнія и потому собственно не имѣютъ въ виду исповѣдника въ обыкновенномъ смыслѣ; всѣ епитимійныя статьи Постникова пенитенціала понимаютъ имъ только грѣшника дѣйствіями и притомъ дѣйствіями, болѣею частью свидѣтельствующими о глубокомъ паденіи кающагося. Вотъ почему нужно думать, что и эти статьи — суть статьи, касающіяся аскетической дисциплины, и потому относятся собственно ко второй половинѣ «Запрещеній», т. е. къ епитиміямъ за монашескія ежедневныя прегрѣшенія. Самый характеръ епитиміи, указываемой 4-мъ правиломъ, — несомнѣнно болѣе причисляется монашескому сословію, а не мірскому. Равнымъ образомъ и самый грѣхъ, который имѣется здѣсь въ виду, опять таки предполагается своимъ слѣдствіемъ не столько исповѣдъ въ тѣсномъ смыслѣ, сколько каждодневное раскрытіе своей души монашествовавшимъ своему духовному старцу. Наконецъ, изложеніе всего содержанія этихъ правилъ въ видѣ связнаго разсужденія аскетомъ Іоанномъ Лѣствичникомъ³⁴⁾ говоритъ о томъ-же.

То-же самое въ известной мѣрѣ приложимо затѣмъ и къ послѣдующимъ двумъ правиламъ — относительно «*μαλακίας*». Упомянутіе объ этомъ грѣхѣ прежде другихъ, болѣе преступныхъ

³⁴⁾ См. въ разсматриваемой книгѣ, стр. 21. (См. Migne, Patrolog., t. LXXXVIII, col. 894).

противъ 7-й заповѣди, слѣдованіе настоящихъ правилъ тотчасъ за указанными, нѣкоторая мысль въ самомъ Канонаріи монаха Іоанна³⁵⁾ о вѣдренности сего грѣха среди монашествующихъ — все это даетъ большую вѣроятность такому предположенію. Если-же при этомъ припомнить, что при «Канонаріи» по тексту, изданному Мориномъ, только всѣ отмѣченныя теперь 6 правилъ изъ разсматриваемой статьи и имѣются, то и вовсе можно признать правильность нашего взгляда, и притомъ съ такимъ дополненіемъ, что когда-то всѣ эти правила составляли отдѣльное цѣлое. — Такимъ образомъ всѣ первыя 6 правилъ, собственно говоря, не могутъ трактоваться какимъ-либо обязательнымъ и нарочитымъ достояніемъ «Запрещеній», въ обзорѣваемой ихъ части.

Таковымъ достояніемъ, слѣдовательно, остаются прочія 17 правилъ. Изъ нихъ, однако, правила 20-е (о женщинѣ, причащающейся въ очищеніи) и 23-е (о женщинѣ, пришедшей въ объятія мужа) суть не такія, содержаніе которыхъ затрогивало-бы вопросы первой важности въ покаянной дисциплинѣ; они касаются очень незначительныхъ частныхъ и несомнѣнно не могли быть изначальной принадлежностью спеціальнаго покаяннаго кодекса столь краткой редакціи, какъ разсматриваемый, и слѣдовательно, занесены сюда уже впоследствии. Тѣмъ болѣе то же самое нужно сказать и относительно 21-го правила, касающагося даже и не грѣха, а вообще житейской нечистоплотности, точнѣе — неразборчивости въ пищѣ. Значитъ, мы имѣемъ еще три правила, которыя также могутъ трактоваться совершенно случайными и несомнѣнно вставками послѣдующаго времени въ занимающемъ насъ краткомъ епитимійномъ кодексѣ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ остается только 14 правилъ, каковыя въ ихъ совокупности, по важности затрогиваемыхъ ими грѣховъ, можно признать, какъ нѣчто замѣтное, могущее составить основаніе для болѣе сложнаго епитимійника именно на ихъ почвѣ. Но представляютъ-ли они что-либо стройное и законченное? Совершенно нѣтъ. Всѣ они касаются грѣховъ собственно двухъ категорій, это — противъ 7-й заповѣди (5 правилъ) и противъ 6-й (тоже 5 пр.), да мимоходомъ еще

³⁵⁾ См. тексты, стр. 20—21 и 80.

однимъ правиломъ — 2-й заповѣди (16-е пр.) и восьмой (прав. 18—19). Такимъ образомъ, о грѣхахъ противъ заповѣдей, напр., 1-й, 9-й и др. здѣсь отсутствуетъ упоминаніе. Мало того, касаясь только и указываемыхъ грѣховъ, они занимаются ими безъ какого-либо обстоятельно продуманнаго объема. Вслѣдствіе этого получается, напр., — касаясь въ ряду грѣховъ противъ седьмой заповѣди блуда, они — о прелюбодѣяннн не упоминаютъ, но вдругъ о скотоложствѣ вносится правило; — при рѣчи о кровосмѣшеніи берется только одна комбинація (жена съ двумя братьями); — при рѣчи о кражѣ вообще упоминается только одинъ исключительнѣйшій видъ — гробокопательство, — и проч. Представляя, такимъ образомъ, отрывочныя положенія, тѣ-же правила, далѣе, и располагаются безъ всякой системы, и именно: 7 прав. — о блудѣ; 8—11 — о различныхъ видахъ убійства; 12 — объ особенностяхъ исполненія епитиміи для женщинъ; 13 — о скотоложствѣ; 14 — о вступленіи въ бракъ съ похищеніемъ; 15 — о кровосмѣшеніи; 16—17 — о волшебствѣ; 18—19 — о воровствѣ; 22 — о мнимомъ изнасилованіи женщины.

Въ результатѣ отмѣченныхъ данныхъ ясно, что въ трактуемой части «Запрещеній» нѣтъ — ни стройности, ни законченности; она представляетъ рядъ отрывочныхъ положеній, характеръ которыхъ, какъ увидимъ далѣе, зависѣлъ отъ случайнаго условія, и составъ которыхъ по сему самому никогда не представлялъ чего либо прочнаго, устойчиваго, изначала — въ опредѣленномъ объемѣ и логическомъ порядкѣ даннаго. Прямое доказательство тому — древнѣйшій ихъ Мюнхенскій списокъ. Въ немъ изъ всѣхъ (сверхъ первыхъ 6-ти) предполагаемыхъ теперь запрещеній имѣется всего только 4 правила — 7 (о блудѣ), 12 (общее о женской епитиміи), 20 (о женщинѣ въ очищеніи) и 22 (объ изнасилованіи женщины), т. е., — изъ всего важнѣйшаго содержанія статьи, по изданію Питры, осталось всего-на-всего два правила о блудѣ. Не менѣе краснорѣчиво о томъ-же говоритъ и признаваемый Н. А. Заозерскимъ древнѣйшимъ грузинскій переводный текстъ, издаваемый А. С. Хахановымъ. Въ немъ также (кромѣ первыхъ) имѣется только 6 правилъ и уже въ нѣсколько другомъ порядкѣ, — именно: 7 (о блудѣ), 14 (отчасти также), 18—19 (о кражѣ), 22 (о растлѣніи) и 21 (о сквернояденіи), и слѣдовательно, всѣ запрещенія сведены почти только для одного блуда, причемъ, напр., о грѣхѣ

убійства ни слова. — При этомъ нельзя не обратить вниманія, что объ указываемыхъ теперь редакціи, со стороны принимаемыхъ нами во вниманіе запрещеній, совпадаютъ только въ одномъ запрещеніи 7-мъ.

Кажется, всего сейчасъ сказаннаго болѣе чѣмъ достаточно, дабы видѣть, что трактуемая нами «Запрещенія», въ ихъ подразумеваемомъ объемѣ, никогда не были нарочито составленнымъ памятникомъ; это — просто случайный сборъ епитимій, быть можетъ вначалѣ предполагававшей известную идею объ ихъ собраніи. Вотъ почему, вѣроятно, при Мориновскомъ изданіи Канонарія, мы находимъ только первые 6 епитимій, чисто монашескихъ, этого якобы особенной важности спеціальнаго епитимійнаго собранія.

Къ изложенному, однако, можно сдѣлать еще одно дополненіе. Допустимъ даже, что тѣ-же «Запрещенія» съ самаго начала были нарочито и законченно составленнымъ епитимійникомъ. — Проф. Н. А. Заозерскій, конечно, обращаетъ вниманіе, что они были составлены собственно для лицъ женскаго пола; такъ это есть почти во всѣхъ известныхъ теперь древнѣйшихъ спискахъ. Спрашивается, какимъ же образомъ такой, якобы важный «Канониконъ», составленный лишь съ спеціальнымъ назначеніемъ только для половинной (если не меньшей) части исповѣдниковъ, могъ послужить основаніемъ для всяческихъ пенитенціаловъ? Отрицательный отвѣтъ въ этомъ случаѣ такъ долженствуетъ быть, что и нечего его приводить. Это сознавали и сами старинные компиляторы «Запрещеній», когда, напр., компиляторъ грузинскаго оригинала (а можетъ быть и переводнаго текста) позволилъ себѣ привести только нѣсколько правилъ, отвѣчающихъ «Запрещеніямъ» и уже редактировалъ ихъ по адресу грѣшниковъ-мужчинъ, — т. е. совершенно игнорировалъ авторитетъ «Каноникона».

Итакъ, «Канониконъ» или «Запрещенія», насколько они содержатъ епитиміи общаго назначенія (т. е. въ разсматриваемой ихъ части), никогда не существовали, какъ намѣренно и законченно составленный (въ отдѣльномъ изложеніи) памятникъ, а потому и не могли имѣть того «великаго» значенія, какое усволяетъ имъ проф. Н. А. Заозерскій. Послѣдній, однако, не только усволяетъ имъ это значеніе, но идетъ и далѣе, называя эти «Запрещенія» такими, «въ авторствѣ которыхъ отка-

зывать св. Іоанну Постнику — патріарху нѣтъ достаточныхъ оснований» (стр. 20). По нашему разумѣнію, если мы сдѣлали отважный шагъ, приводя соображенія въ пользу предполагаемой подлинности «Ἀπολοθίας καὶ τήξεως», то Н. А. Заозерскій, въ параллель сему, здѣсь дѣлаетъ едва-ли не болѣе отважный шагъ. «Ἀπολοθίαν» по крайней мѣрѣ и другіе усвоили патр. Іоанну Постнику, но что касается до «Каноникона» (самого въ себѣ), то въ науцѣ о такомъ усвоеніи доселѣ не было что-то слышно. И тѣмъ болѣе, конечно, въ данномъ случаѣ отъ автора требуется хотя-бы одно слово оправданія для столь важнаго его предположенія. Его, однако, нѣтъ, и какія именно достаточныя основанія не отказывать здѣсь Іоанну Постнику въ творчествѣ, — читатель остается въ полномъ невѣдѣніи.

Нѣтъ особенной нужды указывать, что послѣ всего сейчасъ сказаннаго — нечего и говорить здѣсь о какомъ-либо авторствѣ патр. Іоанна Постника. Эти — отрывочность разсматриваемыхъ «Запрещеній», ихъ безсистемность, смѣшеніе въ нихъ такихъ грѣхопаденій, къ допустившимъ которыя была нужда во время автора въ смягченной дисциплинѣ, — съ нарушениями совершенно ничтожнаго характера, для которыхъ установленіе епитимій, можно сказать, дѣло безразличное, — эти — несомнѣнное отсутствіе опредѣленнаго состава для сего епитимійника и изложеніе епитимій исключительно для женщинъ — такъ краснорѣчиво говорятъ противъ какого-бы то ни было авторства здѣсь столь авторитетнаго лица, какъ патріархъ Іоаннъ Постникъ. Не можемъ не добавить сюда, что упоминаніе въ древнѣйшей грузинской редакціи «Запрещеній» про иноковъ-схимниковъ (правда, въ другихъ редакціяхъ опускаемое) въ той-же мѣрѣ и здѣсь не можетъ говорить объ авторствѣ Іоанна Постника, какъ это есть и въ отношеніи усвояемаго ему-же «Канонарія» монаха Іоанна.

Но допустимъ, что все указанное теперь — основанія внѣшнія и малозначительныя. — Обратимся тогда къ содержанію занимающихъ насъ «Запрещеній». Что съ этой стороны они представляютъ? Даютъ-ли они основаніе дѣлать какое-либо предположеніе о какомъ-нибудь нарочитомъ здѣсь авторствѣ, съ нарочитымъ-же проведеніемъ принципа новой (смягченной) покаянной дисциплины? Предоставляемъ о томъ судить читателю по предлагаемой теперь таблицѣ, отмѣчающей совпаденіе по содер-

жанію правилъ, включенныхъ въ «Запрещенія», съ канонами Василия В.

Запрещенія:	Правила Василия В.:
Прав. 1—6 (монашескія епитиміи за ежедневныя грѣхи).	—
» 7	= прав. 18, 58—60.
» 8	» 56.
» 9	» 33.
» 10—11	» 2.
» 12	» 34.
» 13	» 7.
» 14	» 22.
» 15	» 23 и 26.
» 16	» 72—73.
» 17	» 65.
» 18	» 61.
» 19	» 66.
» 20—21 (позднія)	—
» 22	» 49.
» 23 (позднее)	—

Изъ такого сравненія само собою открывается, что всѣ запрещенія, вошедшія въ содержаніе «Каноникона» (кромѣ 6-ти начальныхъ — аскетическаго свойства, а равно и кромѣ касающихся совершенно частныхъ предметовъ (20, 21, 23) и потому несомнѣнно позднихъ) суть не иное что, какъ воплощеніе отмѣченныхъ теперь канонѣвъ Василия В. Такимъ образомъ, предъ нами просто-на-просто элементарная компиляція канонѣвъ указываемаго отца Церкви, и потому въ написаніи ея компиляторъ по всѣмъ основаніямъ и вполне справедливо говорить: «Знай же и запрещенія, которыя не мы, а изложилъ Василій Великій».

При этомъ, однако, въ отношеніи отмѣченныхъ, какъ совпадающихъ по содержанію съ предписаніями Василия В., запрещеній — 8—11, 13, 15 и 17—18, — словомъ всѣхъ такихъ (кромѣ лишь могущихъ имѣть примѣненіе и сюда — 16-го и 19-го), которыя не имѣютъ для себя аналогій въ запрещеніяхъ по самому

«Канонарiю», — составитель, отиѣтивъ древнее, каноническое запрещенiе, добавляетъ еще — «οἰκονομαῖται δὲ εἰσι;» такого то меньшаго срока. — На что-же это указываетъ? На то, что на основанiи установившагося обычая (въ виду предпосланныхъ предътѣмъ въ «Канонарiю» уставовъ) въ практикѣ, современной компилятору, за относящiяся сюда грѣхонедѣнiя для епитимiи назначается обыкновенно далеко меньшiй срокъ.

Въ итогѣ, слѣдовательно, компиляторъ, въ параллель запретительнымъ нормамъ, принятымъ въ древней Церкви, отиѣчаетъ, — съ какимъ-де смягченiемъ онѣ примѣняются на практикѣ въ его время. О какомъ либо нарочитомъ установленiи новыхъ нормъ здѣсь совершенно нѣтъ ни малѣйшаго указанiя; компиляторъ только констатируетъ практику своего времени, — быть можетъ практику, обязанную ученiю о покаянныхъ упражненiяхъ епитимiйцевъ, изложенному въ предшествующихъ сей статьѣ покаянно-исповѣдныхъ уставахъ. Въ концѣ-же концовъ отсюда само собою получается, что о какомъ-либо специальномъ составленiи «Запрещенiй» Иоанномъ Постникомъ — патриархомъ никогда не можетъ быть рѣчи. Очень можетъ быть даже, что отиѣчаемая снисходительныя замѣчанiя почти при каждомъ правилѣ были едѣланы собственно и не компиляторомъ настоящей статьи, а только послѣдующимъ его преемникомъ, ибо судя по словамъ надписанiя — «τὰ ἐπιτίμια, ἀπὲρ ἐξέθετο .. Βασίλειος;», — первый поставилъ на этотъ разъ свою задачу — исключительно изложенiе епитимiй по канонамъ Василия Великаго.

Не смотря на такое, такъ сказать — частное, происхожденiе разсматриваемаго «Каноникона», однако, въ послѣдствiи онъ получаетъ столь высокое почитанiе, что въ концѣ концовъ мы видимъ привнесенiе его въ качествѣ supplement а и съ именемъ патриарха Иоанна Постника въ Синтагму М. Властаря. Онъ вошелъ сюда собственно цѣликомъ (исключая лишь правилъ 13 и 14)³⁶⁾, только въ нѣкоторой перестановкѣ (иногда-же соединенiи) запрещенiй (и именно въ такомъ порядкѣ примѣнительно къ послѣдовательности въ «Διδασκαλία μοναζουσῶν»: 16—17,

³⁶⁾ М. Властарь, слѣдовательно, существо этой статьи не собиралъ, а бралъ изъ готоваго источника, который онъ и называетъ Κανονικόν-омъ («Ἐκ τοῦ Κανονικοῦ... ἤματι...»).

1—6, 23, 7, 22, 15, 20, 8, 10—11, 9, 18, 19, 12 и 21), но съ очень значительными дополненiями («Περὶ ἀρρήτων» и пр.) — въ количествѣ не менѣе 11 правилъ. При этомъ все правила усвоятся именно I. Постнику и во всякъ внесенныхъ изъ Каноникона запрещенiяхъ (и двухъ — сверхъ того), развѣ въ оригиналѣ ихъ имѣется отиѣтка о смягченной епитимiи, говорится: «ἡμεῖς δὲ, φάσιν ὁ Νηστευτὴς Ἰωάννης ὑποτίθειν» (прав. 7); «ἡμεῖς δὲ, φάσιν, ἀξιοῦμεν» (это относительно «τροχέας», чего нѣтъ буквально въ Канониконѣ); «ἡμεῖς δὲ εἰργασθαι τὸ παύσον εἶδος» относительно ἀρρομανίας); «ἡμεῖς δὲ... ἀξιοῦσθαι κελύουμεν...» (15); «ἡμεῖς δὲ...» (8; 19); «ἡμεῖς δὲ... οἰκονομαῖται ἐπιτίθειν...» (10); «Ἄλλ' ἡμεῖς ἀπαίρουμεν...» (18); «ἡμεῖς δὲ... ὠφίθμεν ὑπερτίθειν», — т. е. каждое смягченiе древней покаянной дисциплины предполагается исходящимъ непосредственно отъ лица I. Постника, и только въ одномъ случаѣ говорится со ссылкой на него въ третьемъ лицѣ: «Ὁ δὲ Νηστευτὴς Ἰωάννης... οἰκονομίαν συντέμνει» (16—17)³⁷⁾. При такой особенноти, — добавимъ, — запрещенiя изложены здѣсь уже не по адресу женщинъ, а вообще лицъ, подлежащихъ покаянiю. Неизвѣстно только, самъ ли М. Властарь переработалъ Канониконъ въ такомъ приложенiи, или (такъ какъ такiя переработки, судя по грузинскому переводу, бывали и ранѣе) пользовался и въ семъ отношенiи уже готовымъ оригиналомъ; вѣроятно-же, кажется, последнее. — Спрашивается теперь, какъ-же случилось такое привнесенiе Каноникона въ свой сборникъ извѣстнымъ византийскимъ канонистомъ?

Для рѣшенiя такого вопроса предварительно нужно установить — «Канониконъ» или «Запрещенiя» — отдѣльное произведенiе или обязательная составная часть собственно «Канонарiя», составленнаго нѣкимъ монахомъ Иоанномъ, какъ «пристеженiе» къ которому она обыкновенно и встрѣчается? По нашему мнѣнiю, здѣсь можно отвѣчать только *утвердительно* въ послѣднемъ смыслѣ. Доказательствомъ тому служатъ: 1) трактуемая статья составляетъ собою необходимое приложенiе, хотя порою

³⁷⁾ Такое изложенiе правилъ отъ лица самого Иоанна Постника, впрочемъ, не помѣшало здѣсь тому-же М. Властарю внести особую статью подъ заглавiемъ: «Ὅπως τοῦς τῆς μεταβολῆς χρόνους ὁ Νηστευτὴς συντέμνει». Ρ α λ λ η, Συντάγμα, IV, σελ. 435.

въ видѣ случайно набранныхъ правилъ, — произведенія монаха Иоанна во всѣхъ опубликованныхъ теперь древнихъ его спискахъ, и 2) по самому слововыраженію въ надписаніи этой статьи, — слововыраженію, которое всегда сохраняется («*Ἐπιτομὴ δὲ*» или «*ὄβν...*»), — она понимается не иначе, какъ дополненіе къ чему-то предыдущему, каковымъ предыдущимъ обыкновенно и является Канонарій монаха Иоанна. Канонарій-же этотъ, вначалѣ усвоенный какому-то монаху Иоанну, а первоначально и даже какому-то Василию, съ теченіемъ времени усвоилъ въ своемъ надписаніи вмѣсто малозначащаго и не устанавливающаго опредѣленно личность — имени монаха Иоанна, — аналогичное, но авторитетное и извѣстное имя Иоанна Постника, патріарха Константинопольскаго, тѣмъ болѣе, что ему усвоились и другія произведенія практическаго характера³⁸⁾. Разъ это случилось, то очевидно, въ трактуемомъ Канониконѣ отмѣченныя дополненія къ запрещеніямъ Василия В. замѣтки о смягченіи епитимій, въ ихъ первоначальной редакціи, стали казаться непримиримыми съ понятіемъ «Канонарія» какъ произведенія *патріарха*, предполагаемаго творца и смягченныхъ епитимій. Последнія въ соотвѣтствіе такому усвоенію авторства Канонарія, должны были трактоваться устанавливаемыми не практикою, а именно этимъ патріархомъ, и потому должны были представляться, въ ихъ изложеніи, исходящими отъ него, какъ ихъ установителя. Вотъ тогда-то и нашлись вынужденными, по требованію логическаго порядка вещей, прѣжнее неопредѣленное «*ὀβχομαίται δὲ*», при каждомъ смягченіи древняго Василіева запрещенія, замѣнить только что перечисленными, установительными отъ имени Иоанна Постника — патріарха, выраженіями, принятыми въ редакціи, усвоенной М. Властаремъ.

Когда это осуществилось, — не извѣстно, но во всякомъ случаѣ уже въ позднее время, такъ какъ ни въ *одномъ* древнѣйшемъ текстѣ такихъ установительныхъ выраженій не наблюдается ни малѣйшаго признака. Правда, совершенно аналогичное явленіе въ этомъ отношеніи наблюдается въ извѣстной статьѣ «*Περὶ ἐξαγορεύσεως*», приписываемой Θεодору Студиту. Но достаточно немного вникнуть въ ея содержаніе, чтобы видѣть

³⁸⁾ См. выше прим. 13 и 14; ср. «Тайная исповѣдь», т. I, стр. 90—97.

въ ней не иное что, какъ заимствованіе изъ нашихъ «Запрещеній», и собственно заимствованіе статей: 7, 8, 10(?), 13, 15, 17—19 (по порядку въ Синагмѣ Властаря — 14, 8, 7, 13, 10, 15—16, 2), при чемъ онѣ расположены здѣсь такъ: 8 (=16), 10 (=18), 7 (=19), 13 (=21), 15 (=22), 18—19 (=24 и 25) и 17 (=26)³⁹⁾. О такомъ заимствованіи здѣсь говоритъ даже и наблюдаемое въ нѣкоторой мѣрѣ тожество распорядка (въ особенности послѣдовательность статей — по изд. Питры 18—19, а по настоящей статьѣ Θεодора Студита — 24—25) и несомнѣнные слѣды того, что въ основѣ сихъ правилъ Θ. Студита и нашихъ «Запрещеній» лежитъ *одна и та-же текстъ*. Съ другой стороны, если бы даже мы и не могли установить между этими двумя памятниками матеріальной связи, то одно указываемое совпаденіе ихъ по формѣ изложенія само собою говорило-бы о темномъ, апокрифическомъ происхожденіи какъ текста, такъ и содержанія совпадающихъ здѣсь статей. Это тѣмъ болѣе приходится сказать, если принять во вниманіе установленное проф. Н. С. Суворовымъ несомнѣнное невѣжество въ знаніи канонѣвъ, проявленное авторомъ статьи, приписываемой Θεодору Студиту⁴⁰⁾.

Сказаннаго, однако, мало. Въ самой формѣ выраженій Властарева текста — «опредѣляемъ» и пр. нельзя не усматривать признаковъ поздняго и неизвѣстнаго источника его запрещеній. На это наводятъ такія соображенія: 1) Въ высшей степени сомнительно, чтобы патріархъ Иоаннъ Постникъ — аскетъ, строгій и смиренный подвижникъ, — сталъ въ такой категорической формѣ своею властью устанавливать, столь рѣзко отличающіяся отъ древней дисциплины въ области покаянія, смягченія епитимій, особенно если принять во вниманіе близость его по времени къ этой древней дисциплинѣ. 2) Самое разнообразіе формы этихъ выраженій, — то устанавливающей, то только предполагающей, — то — «*ἡμεῖς δὲ ἀξιοῦσθαι κελύομεν*», то — «*ἡμεῖς δὲ ὀφθαίμεν ὑπερίθεσθαι*», то — «*ἡμῖν δὲ εἰρηγεῖσθαι τὸ τοῦτον ἔδοξε*», и проч. — не можетъ говорить въ пользу авторитетнаго и сознательно

³⁹⁾ Ср. Παλλη, Συναγμὰ, IV, σελ. 434—444; въ разсматриваемой книгѣ тексты, стр. 83—87 и Migne, Patrolog., t. XCIX, col. 1728—1730.

⁴⁰⁾ См. Н. С. Суворовъ, «Вѣроятный составъ...», стр. 90—92.

относящегося къ дѣлу творца «Запрещеній». 3) Наконецъ, въ этихъ-же выраженіяхъ, при всемъ желаніи усвоить ими спеціальное составленіе настоящихъ запрещеній определенному іерарху Церкви, сохраняются явные слѣды того, что на этотъ разъ предъ нами не какое-либо новое установленіе, а просто констатированіе уже сложившейся практики, какъ это наблюдается и по выраженіямъ въ древнѣйшемъ ихъ изводѣ. Такія выраженія, какъ — «*ἡμῶν δὲ ἀξιοῦμεν*» или просто — «*ἡμῶν δὲ*» (разумѣется — примѣняемъ такое-то запрещеніе) — ясно говорятъ не о новомъ установленіи, а уже объ установившемся примѣненіи.

IV.

«Κανονάρσιον» монаха Іоанна, — критическій обзоръ его содержанія, время происхожденія и составитель.

«Канониконъ» или «Запрещенія», какъ сказано, составляютъ, по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, общую составную часть номоканона Іоанна Постника во всѣхъ его видахъ. Другою необходимою составною его частью авторъ считаетъ уже извѣстный пенитенціалъ, изданный Мориномъ подъ № 3 и подписывавшійся обыкновенно — «Канонарій монаха Іоанна, по прозванію чадо послушанія, ученика Василія Великаго», а иногда усвояемый и имени Константинопольскаго патріарха Іоанна Постника.

Сътуя на то, что и на Западѣ и у насъ Канонаріемъ занимались очень мало, авторъ, между прочимъ, нѣсколько неодобрительно смотритъ и на нашъ отзывъ о немъ, что онъ-де въ литургическомъ отношеніи, только «небрежный набросокъ устава исповѣди». Мы-же скажемъ и теперь: это — совершенно вѣрно. По самому надписанію Канонарія видно, что у составителя его была другая задача, а не редактированіе устава исповѣди; самое помѣщеніе здѣсь исповѣднаго устава уже въ концѣ всего трактата, такъ сказать «между прочимъ», и предварительное ему разсужденіе о грѣшникахъ въ отношеніи епитимій (хотя по естественному порядку вещей рѣчь о томъ и другомъ должна-бы быть въ обратномъ порядкѣ) — развѣ не подтвер-

ждаютъ наше мнѣніе? Какъ извѣстно автору, еще Моринъ указываетъ на эту особенность Канонарія. Да и самъ проф. Н. А. Заозерскій, какъ увидимъ ниже, проводитъ ту-же самую мысль.

Свое сожалѣніе о крайне недостаточномъ обелѣдованіи Канонарія авторъ ставитъ въ связь съ тѣмъ представленіемъ, что онъ «имѣлъ огромное значеніе въ исторіи образованія епитимійнаго номоканона Восточной церкви» и есть «необходимая составная часть номоканона Іоанна Постника». Насколько и въ какомъ отношеніи это такъ, — то само собою выяснится изъ предлагаемаго далѣе нашего разсмотрѣнія настоящаго отдѣла.

Въ содержаніи Канонарія проф. Н. А. Заозерскій отличаетъ двѣ части — вступительную (предисловіе) и самую каноническую. Сдѣлавъ обстоятельный обзоръ содержанія первой, т. е. предисловія, авторъ признаетъ его дѣйствительно прекраснымъ, какъ выражается о немъ и греческій подлинникъ, и возражаетъ противъ нареканія (высказаннаго еще Мориномъ) на несоизмѣрность его величины сравнительно со всѣмъ объемомъ пенитенціала (стр. 29). Мы думаемъ, однако, — довольно трудно таки не признать въ этомъ случаѣ безпристрастности Морина, если предполагаемое предисловіе занимаетъ почти треть всего произведенія. — Повидимому, это признавали и древніе его переписчики, разъ въ концѣ его находили нужнымъ ставить замѣчаніе — «*Ἐπιτάφια τέσσα τῶν καλῶν προῖόντων*». Какими-либо другими мотивами, кромѣ представленія *особенной* пространности предисловія, такое замѣчаніе съ ихъ стороны не могло вызываться, тѣмъ болѣе что они признавали его «прекраснымъ». — Съ другой стороны, хотя настоящее предисловіе, быть можетъ, и «прекрасно» со стороны назидательности содержащихся въ немъ разсужденій, — однако, нельзя не сказать, что оно мало отношенія имѣетъ къ дѣйствительной задачѣ автора, а потому и отсутствіе его не приносило никакого ущерба Канонарію, какъ епитиміяннику. Вотъ почему компиляторы послѣдующаго времени обыкновенно его опускали, — да и не только послѣдующаго, но даже и въ самое раннее время. Наглядный примѣръ тому — Мюнхенскій списокъ, гдѣ предисловіе опущено, несмотря на обиліе внесенныхъ сюда статей по части наложенія епитимій.

Въ отношеніи трактуемаго предисловія, однако, важно не то, насколько оно обширно, или несоизмѣрно велико, или прекрасно само въ себѣ, какъ литературное произведеніе. — Здѣсь

болѣе важно войти въ нѣкоторое изученіе его съ внутренней стороны, примѣнительно къ прямой задачѣ разсматриваемаго труда, что оставлено безъ вниманія проф. Н. А. Заозерскимъ. Обращаясь къ анализу этой стороны, — кажется, мы можемъ отмѣтить такіе немаловажные для освѣщенія Канонарія факты:

1. Въ предисловіи авторъ начинаетъ подходить къ своему предмету буквально, какъ говорится, отъ Адама. При этомъ, добрая половина его рѣчи о древнихъ правилахъ, касающихся грѣшниковъ, представляетъ собою просто теоретическое разсужденіе, мало вяжущееся по своему внутреннему характеру съ практическими задачами предпринятаго авторомъ труда. Вмѣстѣ же съ тѣмъ все «процію» дѣйствительно страдаетъ крайнимъ многословіемъ, причѣмъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе не только смиренное, но прямо таки унизительное отношеніе автора къ самому себѣ, когда онъ именуется себя «жалкимъ», «не по своему достоинству, а невѣжественно рѣшившимся взять на себя званіе врача другихъ, будучи самъ въ язвахъ». — Все это невольно говоритъ, что составитель Канонарія — дѣйствительно не изъ такихъ лицъ, которое имѣло-бы литературный навыкъ, что это произведеніе было предпринято имъ какъ нѣчто исключительное въ его личной дѣятельности и было, такъ сказать, единственнымъ литературнымъ его предпріятіемъ. Отсюда-же не безосновательно заключать, что авторъ Канонарія во всякомъ случаѣ лицо малоизвѣстное и малозамѣтное — какъ по своему положенію, такъ и по своимъ литературнымъ занятіямъ.

2. Далѣе. Указавъ на крайне суровую дисциплину древней Церкви въ отношеніи кающихся и отмѣтивъ, что уже Василій В., по внушенію свыше, написалъ снисходительные каноны къ грѣшникамъ, «умѣривъ строгость апостольскихъ правилъ», авторъ предисловія добавляетъ, что слѣдовавшіе затѣмъ отцы «пріявъ дерзновеніе (къ его удивленію — «не знаю, какъ и выразить это»), умалили лѣта (сроки) великимъ умаленіемъ», и именно стали «запрещать только тремя годами» во всѣхъ случаяхъ. — Въ виду сказаннаго нами по адресу Каноникона, считаемъ невозможнымъ говорить, что въ послѣднемъ имѣются указанія именно на разсмотрѣнныя «Запрещенія» якобы Іоанна Постника, какъ это предполагаетъ проф. Н. А. Заозерскій

(стр. 27, прим. 1)⁴¹⁾, но можемъ сказать: по сообщенію автора Канонарія, древняя покаянная дисциплина Церкви, — дисциплина суровая, — потеряла свое значеніе и взамѣнъ ея «отцами», — значить, на долгомъ прострaнствѣ времени, — установилась дисциплина весьма снисходительная, которая, дѣйствительно, по принципу совпадаетъ съ указываемыми «Запрещеніями». Отсюда-же мы можемъ усматривать, что авторъ Канонарія писалъ его во всякомъ случаѣ уже долго спусти даже послѣ времени Іоанна Постника, ибо о приписываемой ему снисходительной дисциплинѣ онъ выражается, какъ о пережившей долгій періодъ времени. Такимъ образомъ, отмѣчаемыми теперь замѣтками предисловія дается вѣское указаніе на сравнительно позднее происхожденіе Канонарія.

⁴¹⁾ Отмѣчая въ указываемомъ теперь примѣчаніи выраженіе предисловія — «ἐν ῥόνατι τρισὶν ἔτεσι ταῦτα ὀρίσεν καὶ κλονίσεν θεολόγους», проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что въ немъ «указаніе на вышеприведенныя правила Іоанна Постника — патріарха (т. е. разсмотрѣнный Каноникон): ибо другихъ святоотеческихъ правилъ такого характера нѣтъ», и затѣмъ подробно останавливается на вопросѣ — возможно-ли уже извѣстныя намъ епитимійныя правила св. Θεодора Студита приписать ему (І. Постнику)? Рѣшая данный вопросъ отрицательно, авторъ говоритъ, что эти запрещенія «составлены въ духѣ правилъ св. Іоанна Постника и по подражанію имъ» и что «св. Θ. Студитъ эту именно (т. е. какъ у Питры) редакцію и пользовался, составляя свои правила». Такимъ образомъ, по воззрѣнію Н. А. Заозерскаго, предполагаемая теперь статья, хотя и компилятивная, все-таки принадлежитъ Θ. Студиту.

Мы уже высказали свой взглядъ на компилятивное происхожденіе этой статьи. Теперь въ виду послѣдняго положенія автора считаемъ нужнымъ добавить:

а) Совпаденіе творенія, приписываемаго Θ. Студиту, съ Каноникономъ можетъ относиться не къ раннимъ изводамъ послѣдняго, а къ какому-либо болѣе позднему, аналогичному съ изводомъ, бывшимъ подъ руками у Властара. О томъ говорятъ даже цитуемое здѣсь и авторомъ 17-е правило. Въ немъ читается выраженіе — «убійца по закону навазывается смертію», которое мы находимъ въ Канониконѣ только у Властара (см. Ραλλη, Συγг. IV, σελ. 442) и не встрѣчается въ другихъ его изводахъ.

б) По мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, Θ. Студитъ, не будучи іерархомъ, едва-ли рѣшился-бы (самъ) на преобразование правилъ Василія В. Это вѣрно. Но не рѣшаясь самъ на такое преобразование, при предполага-

3. Давно понять, что снисходительная дисциплина установлена *отцами*, авторъ Канонарія, однако, не называетъ по имени ни одного отца, какъ такого установителя. Съ другой стороны, рядомъ съ этимъ онъ даетъ понять, что въ его время духовники, по невѣжеству и другимъ условіямъ, представляли два лагеря — крайне суровыхъ и не въ мѣру снисходительныхъ; при этомъ, повидимому, суровыхъ духовниковъ было большинство (авторъ на нихъ прежде обращаетъ вниманіе), снисходительные-же духовники, по его свидѣніямъ, дѣйствовали такъ, руководясь не столько правилами отцовъ «послѣдующаго» времени, сколько просто — сердечною снисходительностью. Все-же это само собою говоритъ, что во время автора ни у кого не было и тѣни представленія о какомъ либо опредѣленномъ авто-

смомъ теперь именно *или самими* заимствованіи изъ Канонника, — какъ онъ имѣлъ рѣшимость оставить такія выраженія, какъ «мы опредѣляемъ», — не указывая — кто это «мы», и потому усвоивъ относящееся сюда дѣйствіе себя?

в) Рѣшаясь на такое буквальное заимствованіе, онъ, конечно, заранѣе былъ убѣжденъ въ авторитетности источника для такихъ заимствованій. Но тогда тѣмъ болѣе онъ нашелъ-бы нужнымъ точно указать его, это — съ одной стороны. А съ другой — при такомъ условіи — какая и была ему необходимость дѣлать то-же заимствованіе изъ источника и безъ того известнаго въ практикѣ?

г) Правда, какъ указываетъ проф. Н. А. Заозерскій, *Θ. Студитъ* въ одномъ изъ своихъ писемъ указываетъ на свою некомпетентность безъ утвержденія подлежащей власти назначать епитиміи... Но такое заявленіе скорѣе всего можетъ относиться къ епитиміямъ въ области монашеской дисциплины.

д) Проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что такъ какъ въ запрещеніяхъ *Θ. Студита* не указывается мотивовъ смягченія, то значить онъ идетъ уже по проложенному пути. Последнее здѣсь вѣрно, но что именно *Θ. Студитъ*, а не иной кто идетъ здѣсь по готовому пути, это ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ, разъ въ указанномъ письмѣ онъ заявляетъ о своей некомпетентности назначать епитиміи, то предполагаясь теперь въ роли компилятора, онъ тѣмъ скорѣе изложилъ-бы въ своихъ заимствованіяхъ и мотивы смягченія епитимій.

Изъ всего этого, по нашему разумію, съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что предполагаемая теперь компиляція ложно усвоится *Θ. Студиту* и есть дѣло рукъ позднѣйшаго компилятора.

ритетномъ источникѣ снисходительныхъ запрещеній, уже давно, однако, бывшихъ извѣстными въ практикѣ.

4. Наконецъ, касаясь своей личности, какъ составителя Канонарія, неизвѣстный авторъ называетъ себя невѣжественнымъ, убогимъ, рядомъ съ данными своего опыта «собраннымъ» въ своемъ произведеніи «крупичицы отъ трапезы достойныхъ и мудрыхъ» («ἀλλ' ὡς ἀληθῶς... φημί» παρὰ τῶν [ἀρίστων] τραπέζης συλλεξάμενος»). Изъ сего мы можемъ съ большою вѣроятностію заключать, что въ своемъ трудѣ авторъ между прочимъ не игнорировалъ и труды такого-же направленія своихъ предшественниковъ. Это наблюденіе — вещь не безразличная въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи.

Сверхъ всего сказаннаго, рассматриваемое предисловіе даетъ еще указанія относительно внутреннихъ и внѣшнихъ задачъ предполагаемаго теперь Канонарія. Такъ, замѣтивъ, что онъ предпринимаетъ настоящій трудъ, между прочимъ, и поуждаемый къ тому другими «нѣкими вѣрными» и такъ сказать по приказанію ихъ («дабы не впасть въ вину неповиновенія»), и тѣмъ еще разъ заявивъ о случайности своего выступленія на литературное поприще, — авторъ, вмѣстѣ съ этимъ, въ выше сказанномъ имъ, когда съ укоромъ говоритъ о духовникахъ какъ крайне суровыхъ, такъ и чрезмѣрно снисходительныхъ (что-де тѣ и другіе отступаютъ отъ истиннаго божественнаго пути и закона), — заранѣе даетъ понять о своемъ направленіи въ опредѣленіи запретительныхъ сроковъ, именно — что эти сроки должны быть только умѣренными. — И нужно сказать, въ виду разсужденій автора, только въ такомъ опредѣленіи имъ запрещеній и было оправданіе для появленія его труда, такъ какъ ранѣе его уже примѣнялись сроки запрещеній — и крайне суровые, долгіе, — и не въ мѣру снисходительные, кратчайшіе. Направляясь къ такой именно конечной цѣли съ формальной стороны, авторъ, для обоснованія ея по существу, ставитъ двѣ такія задачи: а) обсудить — какъ и насколько и какого характера кающійся долженъ принимать запрещеніе и б) — какъ и кто и каковой («τὸς καὶ τίς καὶ ὅς») долженъ быть принимающій исповѣдь и собственно какъ онъ долженъ относиться къ исповѣдающемуся. — Таковыми задачами дѣйствительно и отъвѣчаютъ содержаніе Канонарія. — Въ общемъ, такимъ образомъ, по предисловію вниманіе составителя Канонарія сводится къ

цѣлесообразному наложенію епитиміи, тщательно примѣняясь къ состоянію грѣшника, не отягчая ея напрасно и не ослабляя ее безъ пользы. При этомъ, замѣтимъ, — авторъ настоящаго руководства, какъ очевидно, оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о совершеніи исповѣди въ обрядовомъ отношеніи.

Въ заключеніе-же всей рѣчи о предисловіи еще одно замѣчаніе. Заканчивается это пространное «πρόλογος» особымъ, въ нѣкоторомъ родѣ молитвеннымъ обращеніемъ, дающимъ понятіе о предисловіи, какъ отдѣльномъ, законченномъ и цѣльномъ произведеніи. — Въ этомъ нельзя не видѣть указанія на то, сколь важное значеніе придавалъ авторъ своему предисловію и сколь посему самый дальнѣйшій его трудъ долженъ-бы представлять обстоятельно и детально обработанное разсужденіе въ отвѣтъ на поставленные имъ себѣ вопросы.

Таковы наши наблюденія относительно значенія предисловія. Обратимся теперь къ самому Канонарію.

Посвящая свою рѣчь ему, проф. Н. А. Заозерскій прежде всего въ довольно бѣглыхъ чертахъ излагаетъ его содержаніе (стр. 29—32). Въ сущности дѣла авторъ говоритъ здѣсь только слѣдующее: «Самое произведеніе расположено по слѣдующему плану: сначала идетъ изображеніе видовъ плотскихъ грѣховъ — какъ главнаго предмета исповѣди. «Указавъ, далѣе, строгія каноническія епитиміи за болѣе тяжкіе изъ перечисленныхъ плотскихъ грѣховъ», составитель Канонарія, по поводу грѣха малакіи, указываетъ и на снисходительную дисциплину къ грѣшникамъ въ послѣдующее время. «Указавъ на эти два вида дисциплины», «онъ, далѣе, начертываетъ цѣлую теорію практическаго руководства» для духовниковъ, «значительно смягчающую даже и тотъ средній путь, котораго держался самъ» авторъ. Затѣмъ имъ излагаются «различія исповѣдующихся и ихъ воспріимлющихъ», а «третья часть имѣетъ предметомъ своимъ уставы о пищѣ и питъѣ, а также и о молитвахъ грѣшниковъ, состоящихъ подъ епитиміею». Наконецъ, «онъ начертываетъ кратко послѣдованіе самой исповѣди». Таковы, въ ихъ существѣ, сообщенія въ данномъ случаѣ проф. Н. А. Заозерскаго.

По нашему мнѣнію, этого сдѣлано менѣе чѣмъ мало. Авторъ совершенно не входитъ во внутреннее изученіе всѣхъ отмѣченныхъ имъ частей, не старается выяснитъ внутреннее ихъ взаимоотношеніе. Онъ предполагаетъ всѣ эти части скорѣе какъ

механически связанныя между собою. Вслѣдствіе этого у читателя ни мало не остается представленія о той логической послѣдовательности, какая присуща предполагаемой теперь существенной части Канонарія. — Съ другой стороны, авторъ не удѣлилъ вниманія тому вопросу, — насколько всѣ отмѣченные имъ составныя части Канонарія составляють одно цѣлое, — не есть-ли это совокупность различныхъ произведеній? Не говоримъ о томъ, что послѣдній взглядъ имѣетъ мѣсто въ помянутомъ трудѣ проф. Н. С. Суворова, одновременно вышедшемъ съ разсматриваемою книгою, къ тому побуждалъ проф. Н. А. Заозерскаго и имѣющійся у него Мюнхенскій списокъ номоканона, въ которомъ первая часть Канонарія выдѣлена въ особое произведеніе съ надписаніемъ «Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων».

Останавливаясь теперь на этомъ послѣднемъ вопросѣ, мы съ своей стороны, не смотря на категорическое мнѣніе проф. Н. С. Суворова, что указываемая первая часть Канонарія есть отдѣльное произведеніе, какъ, затѣмъ, послѣдующая его часть (съ изложеніемъ смягченныхъ епитимій) должна пониматься такимъ-же самостоятельнымъ произведеніемъ, — съ полнымъ убѣжденіемъ должны сказать, что обѣ эти части — одно цѣлое; только въ Мюнхенскомъ спискѣ онѣ переставлены одна на мѣсто другой. Не говоря о могущихъ оказаться другихъ данныхъ, считаемъ вполнѣ достаточнымъ представить одно — очевидное. — Въ «Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων» Мюнхенскаго списка читается: «καὶ ἀναβεξάμεθα αἰμομιξίαν δεινὴν τρεῖς ἀδελφοὺς ὁμοπατέριους καὶ ὁμομητέριους ἀλλήλους πεπορευκότας, ὁ δὲ μένος μοι ταῦτα ἐξωμολόγησαν, ὡς παρὰ τοῦ πρώτου παθὼν καὶ τῷ τρίτῳ ποιήσας...». Въ другой-же части Канонарія, приставленной тамъ къ «Διδασκαλία τῶν πατέρων» (предшествующей указаннымъ «Κανόνες τῶν ἁγ. πατέρων») говорится (по опредѣленіи епитиміи)... «καὶ μάλιστα εἰ καὶ παθὼν παρὰ τοῦ πρώτου τῷ τρίτῳ ποιήσῃ, ὡς ἀντιτέρω γέγραπται, ὅτι ταῦτα ἀναβεξάμεν...»⁴²). Изъ такого сопоставленія безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ ясно, что эта другая часть несомнѣнно принадлежитъ тому-же автору, какой писалъ и «Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων» и составляетъ съ нею одно цѣлое. Правда, послѣдняя часть имѣетъ здѣсь особое

⁴²) Н. С. Суворовъ, «Вѣроятный составъ...», стр. 57 и 47.

надписаніе, якобы указывающее и на ея самостоятельность и относительную древность. Но это надписаніе, какъ увидимъ ниже, выражаетъ совершенно другую идею. А пока отмѣтимъ, что тотчасъ по такомъ надписаніи и въ Мюнхенскомъ спискѣ слѣдуетъ начало текста — «*Ἀρξομαι τῆ τοῦ ἀγαθοῦ Θεοῦ ὁδῶν*...», т. е. слова, коими настоящее произведение усвоится одному лицу, въ противоположность идеѣ безличнаго авторства для сего памятника, проводимой цитруемымъ его надписаніемъ.

Итакъ, Канонарій — цѣльное произведение. Займемся теперь анализомъ его содержанія.

Входя въ его изложение, составитель предпосылаетъ еще, кромѣ разсмотрѣннаго предисловія, какъ-бы нѣкоторое введеніе: «Начну нынѣ содѣйствіемъ...» и пр. Въ этомъ введеніи онъ заявляетъ, что его первая задача — описать количество и виды грѣховъ и подраздѣленіе ихъ по степени важности на три категории (великіе, средніе и малые), а затѣмъ уже (согласно грузинскому переводу) — изложить «опредѣленія (понятіе?) и каноны» для каждаго грѣха. При выполненіи первой задачи, монахъ Іоаннъ, хотя и знаетъ отъ св. отцовъ, что существуетъ еще 7 золъ духовныхъ (по грузинскому переводу), однако, останавливаетъ свое вниманіе исключительно на плотскихъ грѣхахъ. Эти грѣхи онъ разсматриваетъ въ такомъ порядкѣ: малакія, блудъ, прелюбодѣяніе, мужеложство, дѣтораствѣніе, скотоложство, кровосмѣшеніе (куда относится и мужеложство съ родными и блудъ въ близкихъ степеняхъ духовнаго родства). Сверхъ того, такъ какъ отцы считаютъ семь или *восемь* видовъ плотскихъ грѣховъ, къ нимъ причисляется еще грѣхъ рукъ-же — вольное и невольное убійство.

Описаніе грѣховъ, излагаемое здѣсь монахомъ Іоанномъ, даетъ намъ цѣлый рядъ наблюденій. Именно: а) Оно должно пониматься ни чѣмъ другимъ, какъ только введеніемъ къ существеннѣйшей части Канонарія, группируя и систематизируя матеріалъ для исчисленія въ послѣдней епитиміи. б) Занимаясь исключительно плотскими грѣхами, оно по тому самому весьма далеко отъ полноты перечня даже важнѣйшихъ грѣховъ. Въ немъ, напр., совершенно нѣтъ упоминанія объ отступленіи отъ вѣры, волшебствѣ и прочихъ тяжкихъ духовныхъ грѣхахъ. Мало того, имъ не обняты и вообще физическіе грѣхи, если относить сюда и грѣхи, соединенные съ дѣйствіемъ рукъ (какъ,

напр., воровство и пр.), хотя отношеніе сюда грѣховъ подобнаго рода предполагаетъ и самъ авторъ. в) Избравъ объектомъ обзорѣнія только указываемую группу грѣховъ, монахъ Іоаннъ, очевидно, особенную тяжесть паденія связываетъ исключительно съ представленіемъ плотскаго грѣха; поэтому даже объ убійствѣ онъ замѣчаетъ лишь однимъ — другимъ словомъ. г) Составитель Канонарія разсматриваетъ плотскіе грѣхи и ихъ виды въ порядкѣ постепенности отъ менѣе важныхъ къ болѣе тяжкимъ, — и при этомъ въ ряду не только плотскихъ грѣховъ, но и вообще (на убійство онъ смотритъ только, какъ на «престѣженіе» къ плотскимъ грѣхамъ) важнѣйшимъ грѣхопадѣніемъ считаетъ — кровосмѣшеніе. д) Въ ряду всѣхъ отмѣченныхъ видовъ плотской грѣховности, съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается собственно на двухъ — малакіи, какъ болѣе бывающей поводомъ къ паденію, и на кровосмѣшеніи. Понимая послѣднее «тягчайшимъ» грѣхомъ, онъ въищемъ грѣховности въ этомъ случаѣ поставляетъ кровосмѣшеніе — не въ кровномъ родствѣ, а въ родствѣ духовномъ. е) Наконецъ, согласно заявленію автора въ первыхъ строкахъ настоящаго описанія плотской грѣховности, оно составлено имъ — какъ по нижнимъ источникамъ, такъ и по даннымъ, усвоеннымъ имъ изъ своей исповѣдной практики (См. тексты, стр. 18—19).

Анализируя всѣ эти наблюденія, мы имѣемъ возможность получить такіе выводы:

а) Составителемъ трактуемаго обзора видовъ грѣховности былъ духовникъ, несомнѣнно монахъ и притомъ строгій аскетъ, для котораго существо грѣха — грѣхъ плотскій. Вотъ почему онъ съ особенною обстоятельностью останавливается на малакіи, предполагая ее грѣхомъ, коимъ какъ плотскимъ, скорѣе всего есть соблазнъ пасты и иноку. Съ другой стороны, этимъ-же и объясняется, почему о другихъ наиважнѣйшихъ грѣхахъ въ томъ-же обзорѣ нѣтъ даже и упоминанія

и б) Несомнѣнно, составитель Канонарія жилъ не въ раннее время и во всякомъ случаѣ не ранѣе VIII в. Хотя и косвенное, однако, краснорѣчивое указаніе на то усматривается въ его исключительномъ вниманіи къ грѣху кровосмѣшенія. Правда, можно-бы предполагать, что въ этомъ отношеніи авторъ находится подъ вліяніемъ еще каноновъ Василя В. — Но такое предположеніе здѣсь не можетъ имѣть силы. Понимая кровосмѣшеніе

тягчайшимъ грѣхомъ, нашъ писатель, что въ особенности нужно отмѣтить, усвоетъ при этомъ *чрезвычайно* важное значеніе духовному родству. Рѣчь о грѣхѣ кровосмѣшенія въ отношеніи къ этому родству, и притомъ рѣчь такого характера, какъ это есть въ Канонаріи (каковая, кстати сказать, въ тѣхъ-же самыхъ чертахъ, составляетъ неизмѣнное достояніе и всѣхъ предполагаемыхъ теперь древнѣйшихъ списковъ номоканона Іоанна Постника), могла имѣть мѣсто только при прочномъ установленіи идеи объ особенной важности духовнаго родства. Последнее-же могло стать никакъ не ранѣе VIII в. и во всякомъ случаѣ послѣ времени Трульскаго собора. Такимъ образомъ, въ это время и писалъ свой Канонарій его авторъ. И это надо сказать тѣмъ болѣе, что въ основаніи предполагаемой теперь рѣчи о духовномъ кровосмѣшеніи, въ Канонаріи лежитъ именно 53 прав. VI всел. собора, такъ какъ здѣсь воспроизводятся исключительно тѣ-же комбинаціи духовнаго родства, какія приняты во вниманіе и въ этомъ правилѣ. — О томъ-же позднемъ происхожденіи Канонарія, — добавимъ, — говоритъ въ настоящемъ описаніи грѣховности и особое упоминаніе здѣсь, при рѣчи о грѣхѣ прелюбодѣянія, про паденіе монашествующихъ схимниковъ, — паденіе, замѣтка о которомъ опять-таки одинаково имѣется во всѣхъ древнихъ спискахъ Канонарія, не исключая и списка Мюнхенскаго.)

Въ разсмотрѣнномъ теперь вводномъ отдѣлѣ — установлены виды грѣховъ. — Согласно той рѣчи монаха Іоанна въ его предисловіи, что запрещенія для грѣшниковъ сначала опредѣлялись — апостолами, первыми отцами и затѣмъ Василиемъ Великимъ, естественно, онъ и долженъ былъ далѣе изложить относящіеся сюда древніе каноны, каковое изложеніе должно было составить второй отдѣлъ самаго Канонарія. Такъ это и есть, — и далѣе, дѣйствительно, мы видимъ изложеніе именно *каноническихъ* запрещеній за исчисленные предъ тѣмъ виды грѣховъ, — и не для примѣра только и не за нѣкоторые только, какъ говоритъ проф. Н. А. Заозерскій, а именно *за все* эти виды. О последнемъ ясно даетъ понятіе предварительная замѣтка къ такому изложенію, имѣющаяся по крайней мѣрѣ въ грузинскомъ переводѣ, которую можно понимать какъ-бы нѣкоторымъ введеніемъ къ перечню каноническихъ епитимій. «Для этихъ *восьми* плотскихъ грѣховъ, говорится здѣсь, есть отлученіе отъ при-

частія, опредѣленное свв. апостолами, первыми отцами «и блж. Василиемъ В. и потомъ еще свв. вселенскими соборами»⁴³⁾, — есть сроки, которые авторъ далѣе и исчисляетъ.

Относительно этого перечня каноническихъ запрещеній не лишнее сдѣлать одно — другое замѣчаніе. И прежде всего: описывая въ предыдущемъ 8 видовъ грѣха и особенно 7 видовъ грѣха плотскаго, составитель Канонарія во всѣхъ случаяхъ павшимъ отъ того или другого грѣха представляетъ исключительно лицо мужскаго пола; совершенно то-же самое наблюдается и при изложеніи предполагаемыхъ теперь епитимій. Затѣмъ, въ настоящемъ перечнѣ каноническихъ запрещеній отмѣчаются — лаконически, бѣгло, безъ всякихъ поясненій. Это, очевидно, объясняется тѣмъ, что авторъ предлагаетъ далѣе другія запрещенія, болѣе пригодныя для его времени, а запрещеніямъ по канонамъ усвоетъ значеніе собственно исторической справки. Наконецъ, въ подразумеваемомъ перечнѣ авторъ держится (исключая взаимной перестановки упоминаній о грѣхахъ — мужеложства и дѣторастлѣнія) порядка, діаметрально противоположнаго принятому имъ при описаніи видовъ грѣха, т. е., начинаетъ съ того грѣха, каковымъ выше кончается описаніе (объ убійствѣ, затѣмъ кровосмѣшеніи и т. д.)⁴⁴⁾. Чѣмъ-же объясняется такая особенность, разъ порядокъ въ описаніи несомнѣнно — болѣе логичный и болѣе правильный? По нашему мнѣнію — однимъ. — Задача автора въ разсматриваемомъ случаѣ — изложить древнія каноническія запрещенія. Таковыя дѣйствительно и есть для всѣхъ грѣховъ, отмѣченныхъ въ описаніи ихъ видовъ, — но ихъ нѣтъ только по адресу грѣха *καλαχίας*. Принявъ это во вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что мягкое запрещеніе на сей грѣхъ, извѣстное ему отъ послѣдующаго времени, можетъ трактоваться, такъ сказать, переходнымъ къ новому, снисходительному порядку въ дѣлѣ наложенія епитимій, авторъ, дабы

⁴³⁾ См. тексты, стр. 30. Къ сожалѣнію, повидимому, несовершенство перевода не передаетъ во всей ясности смыслъ настоящаго важнаго мѣста.

⁴⁴⁾ Списатель оригинала грузинскаго перевода, начавъ излагать древнія запрещенія тоже съ убійства, далѣе задумалъ было держаться порядка, принятаго въ описаніи видовъ, но затѣмъ въ концѣ концовъ перешелъ также къ обратному порядку; благодаря этому о блудѣ и прелюбодѣянніи онъ говоритъ здѣсь дважды: въ началѣ и при концѣ (См. тексты, стр. 30—34).

не нарушать общей логической нити своихъ разсужданій и изысканій и связать съ перечнемъ древнихъ епитимій имѣющихъ быть далѣе таковой-же перечень епитимій другого характера, и принимаетъ указываемый теперь обратный распорядокъ. Вотъ почему, заканчивая изложение древнихъ епитимій, онъ и говорить: «Для грѣха... малакіи свв. апостолы и соборы не опредѣлили никакого канона...» (стр. 34—35).

Въ заключеніе своего перечня древнихъ епитимій составитель дополнительно замѣчаетъ: «Это-же не я... но св. апостолы и в. Василій повелѣли и опредѣлили все». Такая замѣтка, какъ увидимъ далѣе, имѣетъ значеніе еще въ одномъ отношеніи. А пока мы должны сказать, что ею всѣмъ предыдущимъ епитиміямъ усваивается особое специальное значеніе, какъ епитиміямъ именно древне- и свято-отеческимъ. Если-же мы примемъ это во вниманіе, то получимъ слѣдующее. — Въ Мюнхенскомъ кодексѣ вся разсмотрѣнная выше часть Канонарія (однако, безъ указываемаго теперь замѣчанія объ апостолахъ и св. Василіи В.) выдѣлена особо и съ особымъ надписаніемъ: «Κανὼν τῶν ἀγίων πατέρων». Сопоставляя это надписаніе съ указываемымъ замѣчаніемъ составителя Канонарія, мы сами собою должны придти къ заключенію: имъ дается понятъ не о какой-либо древности (или самобытности происхожденія) настоящей части Канонарія, а просто на просто указывается на существо ея содержанія при опредѣленіи епитимій, — и ни какъ не болѣе. Примѣнительно-же къ этому, не подлежитъ сомнѣнію, что такое надписаніе придумано самимъ компиляторомъ Мюнхенскаго номоканона, когда онъ нашелъ нужнымъ раздѣлить епитиміи на двѣ части и поставить ихъ въ обратномъ порядкѣ.

Отмѣтивъ епитимію за малакію, какъ снисходительно опредѣленную св. отцами, и какъ-бы въ оправданіе своей дальнѣйшей рѣчи замѣтивъ, что послѣ того св. отцы и относительно прочихъ естественныхъ грѣховъ облегчили и сократили каноны, и ко всему этому добавивъ замѣтку о грѣхѣ близкомъ къ малакіи, авторъ въ конечномъ своемъ словѣ настоящаго отдѣла говорить: «и это написано нашимъ убожествомъ, какъ было опредѣлено и уставлено» (первыми отцами). «Что-же мною дерзновеннымъ... уставлено, опредѣлено и запрещено, есть слѣдующее». И съ этими словами онъ, дѣйствительно, и переходитъ къ

слѣдующему отдѣлу, въ коемъ заключается изложеніе уже смягченныхъ епитимій.

Общимъ принципомъ въ этомъ отдѣлѣ, при наложеніи епитимій, авторъ выставляетъ 3 года покаянія за блудъ вообще, если грѣшникъ въ концѣ концовъ искренно въ немъ раскаивается, а за болѣе тяжкіе грѣхи (мужеложство, скотоложство и кровосмѣшеніе отъ второй степени родства), если кающійся скоро отъ нихъ отстаетъ, — 4 года. Но за кровосмѣшеніе въ первой степени кровнаго родства и свойства срокъ запрещенія долженъ распространяться до 5, 6, 7 и даже 12 лѣтъ. Кровосмѣшеніе же въ духовномъ родствѣ по вторую степень, а равно и мужеложство-кровосмѣшеніе въ той-же степени, мужеложство-скотоложство и женское мужеложство, особенно если впадаютъ въ такіе грѣхи женатые или схимники, — подлежатъ запрещенію на 8—10 лѣтъ, разъ эти грѣхи не были дѣломъ единичныхъ случаевъ.

Однако всѣ таковыя, уже снисходительныя, нормы не имѣютъ безусловнаго значенія. Относительно степени или мѣры примѣненія ихъ еще нужно принимать во вниманіе — а) упорные ли грѣхи, подлежащіе епитиміи, или нѣтъ; б) невѣжественный или образованный человѣкъ исповѣдующійся, и в) послѣ или до 30-лѣтняго возраста содѣяны грѣхи. Если есть какое-либо извиняющее изъ этихъ условій и только одинъ—два раза совершенъ даже такой тяжкій грѣхъ, какъ, напр., скотоложство или мужеложство, то и за него епитимія можетъ быть умалена до такого незначительнаго срока, какъ 1—2 года.

Кромѣ указанныхъ сейчасъ, такъ сказать, главныхъ условій, по автору Канонарія, для различенія тяжести грѣховъ (въ цѣляхъ возможнаго снисхожденія при наложеніи епитиміи) должно принимать во вниманіе и еще цѣлый рядъ условій, и именно: а) физическое состояніе человѣка; б) его темпераментъ; в) отчетливость сознанія; г) характеръ участія воли въ совершеніи грѣха; д) внѣшнія — матеріальныя и др. частныя условія жизни человѣка; е) способъ, время и мѣсто совершенія грѣха; ж) степень сознанія грѣшникомъ своей виновности, и з) наконецъ, общественное положеніе грѣшника.

Исходя изъ послѣдняго, авторъ Канонарія и останавливается, — въ заключеніе изложенія своихъ мягкихъ воззрѣній на покаянную дисциплину, — въ особой рѣчи относительно грѣхо-

наденій духовныхъ лицъ, священно церковно-служителей и кандидатовъ для рукоположенія во священныя степени. Въ виду особеннаго положенія этихъ лицъ, авторъ, въ отношеніи могущихъ быть съ ихъ стороны прегрѣшеній, даже отступаетъ отъ своего правила и касается не только плотскихъ ихъ грѣховъ, но отчасти имѣющихъ и общественное значеніе. Рѣчь о грѣхахъ священныхъ лицъ составитель Канонарія и заканчиваетъ свое изложеніе снисходительныхъ епитимій, говоря въ заключеніе: «Вотъ второе (установленіе) различныхъ епитимій», сравнительно съ первымъ, по каноническимъ правиламъ.

Нужно сказать, весь этотъ трактатъ о снисходительныхъ епитиміяхъ изложенъ очень логично. Рѣзкое отличіе его отъ предыдущаго отдѣла, посвященнаго изложенію каноническихъ запрещеній, невольно придаетъ ему значеніе особаго самостоятельнаго отдѣла. Вотъ почему, подобно тому, какъ первый отдѣлъ, при его выдѣленіи, получилъ особое надписаніе — «*Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων*», такъ точно то-же самое наблюдается и въ настоящемъ случаѣ и даже не при выдѣленіи сего отдѣла. И именно, въ грузинскомъ переводномъ текстѣ здѣсь уже получило мѣсто особое надписаніе: «Каноны, опредѣленные для грѣшниковъ блаженнымъ отцомъ нашимъ Іоанномъ Постникомъ, Константинопольскимъ патріархомъ».

Однако, весьма важно отмѣтить, что указываемое сейчасъ надписаніе надъ разсматриваемымъ отдѣломъ является единственнымъ въ ряду извѣстныхъ теперь древнѣйшихъ памятниковъ Канонарія, — и притомъ наблюдается въ спискѣ несомнѣнно уже распространенномъ нѣкоторыми вставками. Это само собою говоритъ объ апокрифическомъ характерѣ такого надписанія. Послѣднее тѣмъ болѣе надо сказать, что въ Мюнхенскомъ спискѣ собственно сюда-же относится надписаніе, усвоившее эту часть Канонарія имени уже не Іоанна, а Василія. При всемъ томъ, добавимъ, въ настоящемъ снисходительномъ къ грѣшникамъ трактатѣ имѣется прямое указаніе по крайней мѣрѣ на то, что онъ составленъ именно однимъ лицомъ. Это есть, напр., въ выраженіи — «я на двухлѣтіе устроится отъ меня» (= «*καὶ εἰς δίετα ὀκνοῦνται παρ' ἐμοῦ*»). Но только мы должны сказать, — такой относящейся-бы сюда формулы, какъ — «мы теперь... запретили» — нѣтъ ни въ одномъ древнемъ спискѣ,

кромѣ грузинскаго, гдѣ, однако, она результатъ послѣдующей вставки (стр. 40, тексты).

Епитиміи въ разсматриваемомъ-же трактатѣ излагаются уже не для каждаго грѣха въ отдѣльности (какъ это есть при изложеніи епитимій по каноническимъ правиламъ), но для той или другой цѣлой ихъ совокупности, какъ подлежащихъ одной степени вѣнченія, по внутреннему ихъ значенію. При этомъ, однако, во всѣхъ случаяхъ грѣхи отмѣчаются въ томъ-же самомъ порядкѣ, какъ они были описаны выше во введеніи. Имѣются здѣсь и другія особенности, на которыя нужно обратить вниманіе И собственно: 1) О малакіи, такъ какъ для нея выше опредѣленъ мягкій канонъ и опредѣленъ по руководству не каноническихъ правилъ, — здѣсь уже ничего не говорится (а если разъ и заводится рѣчь, то только по специальному мотиву — въ отношеніи священныхъ лицъ). 2) Равнымъ образомъ, совершенно не упоминается здѣсь и объ убійствѣ, и авторъ трактуетъ исключительно о плотскихъ грѣхахъ, такъ что, повидимому, свой принципъ смягченныхъ епитимій онъ находилъ примѣнимымъ только къ плотскимъ грѣхамъ, и 3) Наконецъ, не упоминается здѣсь съ какою-либо опредѣленною отмѣткою и о грѣхѣ прелюбодѣянія; только глухо, въ одномъ мѣстѣ замѣчено — «если имѣли и другіе грѣхи *ἐκτὸς ποικίλας*». Это умолчаніе настолько замѣтно, что заставило компилятора оригинала для грузинскаго перевода внести, на основаніи правилъ Василія В., обширную вставку, направленную къ уясненію понятія прелюбодѣянія. А между тѣмъ такой пропускъ явился прямымъ результатомъ того, что авторъ излагалъ свои епитиміи собственно по адресу исповѣдниковъ, а не исповѣдницъ. При такомъ условіи, въ виду извѣстнаго пониманія прелюбодѣянія въ римско-византійскомъ правѣ, — автору, дѣйствительно, приходилось въ семъ случаѣ нарочитую рѣчь о немъ оставить въ сторонѣ. — Въ томъ же умолчаніи, добавимъ, нельзя не видѣть нѣкоторой хронологической даты на относительную давность занимающаго насъ пенитенціала.

Одного изложенія смягченныхъ епитимій, съ перечисленіемъ условій ихъ смягченія, авторъ считаетъ еще недостаточнымъ для практической пригодности своего Канонарія, для полезнаго примѣненія его на практикѣ; для этого нужно еще, чтобы духовникъ находилъ въ немъ возможно опредѣленныя указанія

кь безошибочному примѣненію тѣхъ-же епитимій. Съ этою цѣлью монахъ Іоаннъ и входитъ далѣе въ различіе классовъ исповѣдниковъ — грѣшниковъ. Онъ насчитываетъ ихъ цѣлыхъ 10 видовъ. Не считая нужнымъ перечислять ихъ, что отчасти сдѣлано уже проф. Н. А. Заозерскимъ, мы отмѣтимъ только, что въ установленіи такихъ классовъ авторъ Канонарія исходитъ изъ представлений — а) свойства грѣха; б) времени пребыванія въ немъ; в) числа лицъ, съ коими осуществлялся грѣхъ; г) мотивовъ появленія на исповѣдь; д) отношенія исповѣдника къ грѣху послѣ исповѣди, и е) условій, сопутствовавшихъ паденію въ грѣхъ. — Въ сущности дѣла онъ имѣетъ здѣсь въ виду всѣ тѣ же мотивы, какими руководствуется и выше, проводя идею о смягченной или о болѣе суровой епитиміи. Такимъ образомъ, настоящій перечень въ нѣкоторой мѣрѣ служить повтореніемъ разсужденій въ предыдущемъ отдѣлѣ. Но несомнѣнная цѣлесообразность рѣчи о такой классификаціи оправдывается тѣмъ, что на этотъ разъ мотивы примѣненія той или другой епитиміи ставятся въ связь съ представленіемъ не грѣха (какъ выше), а лица его совершившаго. При такомъ условіи, въ данномъ случаѣ каждому духовнику предлагается, такъ сказать, наглядный систематическій руководитель по наблюденію тѣхъ или другихъ мотивовъ въ примѣненіи епитиміи къ каждому исповѣднику. Нельзя не добавить сюда, что и въ основаніи настоящаго различія исповѣдниковъ играло роль представленіе о нихъ, какъ грѣшникахъ именно противъ 7-й заповѣди.

Очертивъ виды исповѣдующихся — грѣшниковъ, монахъ Іоаннъ, въ параллель сему, переходитъ затѣмъ уже и къ воспринимающимъ ихъ, и собственно къ характеристикѣ дѣйствій духовниковъ, примѣнительно къ только что изложенному дѣленію грѣшниковъ на извѣстные классы. Соответственно послѣднему, онъ и наставляетъ здѣсь духовника испытывать отъ каждаго исповѣдника — качество грѣха, количество лицъ и качество лицъ, съ коими совершенъ грѣхъ, и время пребыванія во грѣхѣ. По таковомъ тщательномъ испытаніи духовникъ уже и можетъ давать письменно или устно заповѣдь на число лѣтъ примѣнительно къ изложенной выше схемѣ смягченныхъ епитимій. При рѣчи въ настоящемъ случаѣ, — замѣтимъ, — авторъ снова держится, въ перечнѣ испытываемыхъ грѣховъ, порядка, принятаго выше въ описаніи ихъ видовъ, и уже упоминаетъ объ убій-

ствѣ; только упоминаніе о малакіи онъ относитъ здѣсь на конецъ (какъ и при рѣчи объ епитиміяхъ по канонамъ). Въмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, что въ данномъ мѣстѣ авторъ въ первый разъ вскользь упоминаетъ и о женщинахъ — исповѣдницахъ («Тако и жены (исповѣдуютъ) съ колицими мужь легоша»), хотя тотчасъ же забываетъ о нихъ и далѣе снова ведетъ рѣчь, исходя изъ представленія только исповѣдниковъ — мужчинъ.

Замѣтивъ по окончаніи рѣчи объ испытаніи послѣднихъ, т. е. мужчинъ — исповѣдниковъ, какъ подлежащихъ по исповѣди епитиміи, — о замѣнѣ для епитимійца права причащенія возможностью принимать въ извѣстные дни «евлогію св. Богоявленія» (= святую богоявленскую воду) и пока кратко указавъ, что въ описаніи поста и молитвъ каждый епитиміецъ поступаетъ согласно его усердію и ревности, — авторъ, какъ supplementum къ послѣднему отдѣлу (объ испытаніи кающихся исповѣдниковъ), вноситъ еще особую рѣчь объ испытаніи исповѣдницъ — женщинъ. Въ этой вносной рѣчи неволью бросается въ глаза крайне подозрительное отношеніе монаха Іоанна къ женщинѣ, съ точки зрѣнія ея грѣховности. Вотъ почему мы и читаемъ здѣсь, что женщинъ — «паче подобаеъ пытати», ибо онѣ впадаютъ въ болѣшіе грѣхи — ересь, колдовство, магію, оскверняютъ мужей, творятъ убійства при зачатіяхъ и даже малакію. И, однако, — такъ сурово говоря о женщинахъ, усвоивъ имъ болѣшіе грѣхи, чѣмъ мужчинамъ, указывая въ ряду ихъ грѣховъ почти всѣ такіе, о коихъ рѣчи у него не было, и направляясь къ установленію епитимій преимущественно за болѣе тяжкіе грѣхи, — авторъ Канонарія, какъ мы видимъ, ни единымъ словомъ не касается епитимій женамъ — исповѣдницамъ, за ихъ тяжкіе специально-женскіе грѣхи. Не должно ли это казаться нѣсколько страннымъ и не должно ли это обращать на себя особенное вниманіе въ такомъ, якобы совершенномъ, епитимійномъ руководствѣ, какимъ понимается Канонаріемъ проф. Н. А. Заозерскимъ? — Къ сожалѣнію, послѣдній оставилъ совершенно безъ вниманія — и это суровое отношеніе монаха Іоанна къ женщинѣ, и это странное его молчаніе объ епитиміяхъ для женщинъ. А между тѣмъ, такое вниманіе къ тому и другому, въ примѣненіи къ прочему содержанію всего Канонарія, весьма важно и отсутствіе этого, какъ увидимъ ниже, и ввело проф. Н. А. Заозерскаго въ большое заблужденіе.

Замѣчаніемъ объ испытаніи женщинъ творецъ Канонарія заканчиваетъ свой особый отдѣлъ объ испытаніи духовниками исповѣдующихся. — Велѣдъ затѣмъ онъ касается въ пространной рѣчи послѣднихъ, намѣченныхъ имъ выше различій, это — устанавливаетъ три различія, или точнѣе, три степени для кающихся въ отношеніи ихъ къ пищѣ, питью вина и, наконецъ, упражненію въ молитвѣ. Эти степени съ надлежащею ясностью очерчены у проф. Н. А. Заозерскаго. На нашъ взглядъ здѣсь заслуживаютъ вниманія слѣдующіе предметы: 1) упоминаніе объ агіасмѣ св. Богоявленія, которою взамѣнъ причащенія кающіеся имѣютъ право причащаться въ величайшіе праздники и между прочимъ — «три дня Пасхи, т. е. въ четвертокъ, субботу и великій день Господень, а также въ память св. апостоловъ»; 2) усвоеніе особаго значенія въ отношеніи пищи недѣлямъ мясной и сыропустной предъ великимъ постомъ; и 3) особое упоминаніе въ первомъ уставѣ (относительно употребленія вина) о постахъ апостола Филиппа и св. апостоловъ и праздникѣ Введенія во храмъ Богородицы.

Всѣ эти предметы даютъ поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. — Хотя еще во времена І. Златоуста богоявленская вода пользовалась высокимъ почитаніемъ, однако, столь высокое значеніе, какъ замѣнъ причащенія для запрещенныхъ, ея употребленію стали придавать несомнѣнно уже долго спустя послѣ того и притомъ первоначально исключительно въ монашеской сферѣ⁴⁵). Перенесеніе же такого обычая и на мірянъ, тѣмъ болѣе, нужно думать, стало уже и вовсе въ позднее время. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, можно усматривать еще одно доказательство происхожденія Канонарія позже VII вѣка. — При этомъ, однако, въ виду выраженія — «на Пасху ḡ. дни. рекше въ великіи четвертокъ и въ великую субботу и въ великую недѣлю» — наименованіе страстной седмицы пасхою свидѣтельствуетъ, по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, о глубокой древности памятника (стр. 31, прим. 1) Намъ кажется, прежде чѣмъ говорить такимъ образомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ греческомъ подлинникѣ (по крайней мѣрѣ по Мориновскому изданію)

⁴⁵) Ср. «Тайная исповѣдь», т. II, стр. 138—142.

здѣсь читается: «καὶ τοῦ πάσχα καὶ τὰς τρεῖς ἡμέρας, ἧτοι τῇ μεγάλῃ πέμπτῃ, τῇ μεγάλῃ σαββάτῳ καὶ τῇ μεγάλῃ κυριακῇ» (стр. 63), т. е. имѣется что-то неясное, не дающее основаній рѣшительно говорить, что понятіемъ Пасхи здѣсь обнимаются и послѣдніе дни страстной недѣли. Равнымъ образомъ, и въ грузинскомъ текстѣ всѣ указываемые теперь три дня вообще перечисляются безъ обнятія ихъ общимъ понятіемъ Пасхи. Не отрицаемъ, — въ спискахъ Мюнхенскомъ и Румянцевскомъ имѣется именно то чтеніе, какое указываетъ проф. Н. А. Заозерскимъ. Однако, судя по замѣчанію того-же автора Канонарія ниже (при рѣчи о первомъ различіи въ употребленіи вина), гдѣ онъ смотритъ на страстную недѣлю, какъ именно недѣлю строжайшаго поста (стр. 67), — все-таки безусловно нѣтъ данныхъ думать, чтобы указанные выше великій четвертокъ и великую субботу онъ причислялъ къ Пасхѣ. — Что касается, наконецъ, до усвоенія особаго значенія, въ отношеніи пищи (для запрещенныхъ), недѣлямъ сыропустной и мясной, а равно и упоминанія о постахъ св. Филиппа и Петровомъ, то они также говорятъ не въ пользу ранняго происхожденія Канонарія. То-же самое надо сказать и въ отношеніи упоминанія здѣсь праздничныхъ дней. Въ противоположность мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго (стр. 32, прим. 1) мы рѣшительно не видимъ въ перечнѣ ихъ какого-либо особеннаго указанія на древность разсматриваемаго памятника. Напротивъ, упоминаніе, напр., про праздникъ Введенія во храмъ Богородицы прямо свидѣтельствуетъ объ обратномъ, такъ какъ этотъ праздникъ во всякомъ случаѣ не первостепенной древности. — Трактую всѣ отмѣченные теперь данныя изъ уставовъ о пищѣ и питіи, какъ не говорящія въ пользу древности Канонарія, мы, съ другой стороны, съ несомнѣнностью должны признать ихъ (въ связи съ прочими упоминаніями здѣсь о постахъ и праздникахъ) такими, которые явно говорятъ о происхожденіи Канонарія изъ монашеской среды.

По изложеніи правилъ о пищѣ и питіи, монахъ Іоаннъ, какъ говоритъ проф. Н. А. Заозерскій, даетъ наставленіе вникать въ нравственное состояніе кающагося, чтобы сообразно съ симъ врачевать его болѣзни (стр. 32). Такое замѣчаніе, однако, страдаетъ неточностью. Составитель Канонарія рекомендуетъ здѣсь обращать вниманіе вообще на состояніе и положеніе кающагося, дабы цѣлесообразно примѣнять къ нему не срокъ запре-

щенія, а только что изложенные уставы касательно пищи и питья и молитвъ. Такимъ образомъ, это наставленіе является логическимъ продолженіемъ или точнѣе заключеніемъ предыдущей рѣчи о постѣ, и монахъ Іоаннъ не повиненъ здѣсь въ повтореніи своихъ разсужденій.

Въ дополненіе къ своему Канонарію авторъ начертываетъ еще и образъ совершенія исповѣди. Эта часть уже не предусматривалась авторомъ выше и онъ вводитъ ее въ содержаніе своего покаяннаго устава между прочимъ, ибо его твореніе преслѣдуетъ другую цѣль. Вотъ почему здѣсь — а) въ предъ-исповѣдной части — очень глухо говорится о молитвенномъ элементѣ и, повидимому, кромѣ обычныхъ начальныхъ молитвъ авторъ рекомендуетъ чтеніе только одного 69 псалма (Мюнхенскій и Мориневскій тексты), забывая даже о наиболѣе цѣлесообразномъ псалмѣ — 50-мъ (который, по уже взамѣнъ предыдущаго, полагается лишь по грузинскому переводу); б) совершенно въ сторону оставляется вопросъ о самомъ процессѣ исповѣди (вѣроятно, въ виду ранѣе изложенныхъ замѣтокъ, относящихся и къ этому предмету); в) по исповѣди положена не столько предназначенная для того древняя молитва, сколько собственно разрѣшительная по смерти формула⁴⁶⁾; г) совершенно умалчивается о разрѣшеніи по исполненіи епитиміи, каковое имѣло существенное значеніе въ древнемъ исповѣдномъ уставѣ, и д) сообразно съ прямою своею задачею авторъ и на этотъ разъ все свое вниманіе обращаетъ на предметъ наложенія епитиміи.

Въ заключеніе всего составитель Канонарія еще разъ проводитъ идею о великомъ значеніи искренняго раскаянія грѣшника и объ устраненіи духовниковъ отъ вераскаянныхъ грѣшниковъ. Въ этомъ случаѣ онъ пользуется мыслями и словами изъ правилъ Василія В. 74 и 84—85.

Въ указываемыхъ теперь заключительныхъ строкахъ ни по одному изъ древнихъ списковъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на автора Канонарія. Но текстъ грузинскаго перевода составляетъ здѣсь исключеніе, когда къ словамъ «таковы правила епитимій, данныхъ мною» — присоединено «Іоанномъ». Въ такой

⁴⁶⁾ См. *ibid.*, гл. III.

единичности этого указаія вполне основательно усматривать происхожденіе его только уже въ позднее время.

Съ другой стороны, во всѣхъ спискахъ здѣсь же имѣется выраженіе — «ταύτης δὲ συγχρίσεως τὴν βοήθειαν δέδοικεν ἡμῖν ὁ μέγας Βασίλειος», разумѣется — помощь отмѣченными выше его правилами. Эта ссылка на авторитетъ каноновъ Василія Великаго даетъ намъ важное указаніе по вопросу — почему о лицѣ, которому приписывается Канонарій, въ надписаніяхъ послѣдняго говорится — «οὐτινος ἢ ἐλονόμα τέχνην τῆς ὑπακοῆς τοῦ μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Βασιλείου». На основаніи ея, очевидно, составитель Канонарія можетъ пониматься ученикомъ Василія В. только въ переносномъ смыслѣ, какъ послушный послѣдователь его ученія, его возрѣвній въ области покаянной дисциплины⁴⁷⁾. Такому именно значенію этого учительства и соотвѣтствуетъ надписаніе настоящаго памятника въ Румянцевскомъ спискѣ, гдѣ читается : «Ивана мниха чада послушанія *учения* ст-го василія». И нужно думать, что это послѣднее слововыраженіе въ надписаніи и есть правильное, и что поэтому въ оригиналѣ слово «τοῦ μαθητοῦ» есть искаженіе — или «τοῦ μαθήματος» (какъ должно-бы быть согласно переводному тексту въ Румянцевскомъ спискѣ) или, быть можетъ, — «τῷ μαθήματι».

По обычной въ церковныхъ памятникахъ заключительной фразѣ, при Канонарії имѣются еще замѣтки — о грѣшникахъ, не могущихъ воздержаться отъ плотскихъ сношеній — «σαρκικῶν πολεμιῶν» (ср. у проф. Н. А. Заозерскаго, стр. 32) и въ Великій постъ; объ евнухахъ и «варватахъ» (подобіе мужеложниковъ). Эти дополненія, несомнѣнно, уже послѣдующаго времени; ни въ Мюнхенскомъ, ни въ грузинскомъ текстахъ ихъ нѣтъ.

Свой обзоръ содержанія Канонарія проф. Н. А. Заозерскій заключаетъ нѣкоторыми критическими замѣтками по его адресу.

Здѣсь онъ прежде всего говоритъ, что Канонарій «есть опытъ руководства для духовниковъ... и опытъ систематическаго изложенія правилъ въ духѣ и по методу Каноникона I. Постника...» (стр. 33). Такимъ образомъ, авторъ проводитъ мысль, что какъ руководство по наложенію епитимій, Канонарій беретъ свое содержаніе подъ воздѣйствіемъ разсмотрѣнной выше статьи —

⁴⁷⁾ Ср. выше, стр. 44—45.

«*Ἀὐτὸ ἐπιτιμῆσαι ταῖς παραπτώμασι...*». Такъ-ли это? Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ если не духъ, то методъ Каноникона могъ вліять на автора Канонарія? Говоримъ — какимъ образомъ, — потому что въ Канониконѣ ни однимъ словомъ не говорится о какомъ-либо особомъ методѣ. Составитель его, если и смягчаетъ древніе покаянные каноны, то дѣлаетъ это безъ всякихъ оправдательныхъ поясненій, въ видѣ не комментированныхъ каноническихъ положеній. Совсѣмъ другое дѣло на этотъ разъ въ Канонарії. Тамъ дѣйствительно указывается методъ смягченія епитимій и указывается притомъ въ пространныхъ разсужденіяхъ и съ должными основаніями. Не странно-ли послѣ этого заключать, что составитель Канонарія, самъ устанавливая методъ для смягченія епитимій, въ то же время опредѣляетъ послѣднія въ такомъ духѣ по воздѣйствию руководства, гдѣ о методѣ именно ничего не говорится, и притомъ руководства, имѣющаго спеціальное назначеніе — только для наложенія епитимій женщинамъ, и, — судя по его памятникамъ, — по объему своего содержанія и его характеру — крайне неустойчиваго, иногда ограничивающагося чуть не однимъ другимъ правиломъ? Не странно-ли, далѣе, что, пользуясь такимъ руководствомъ, составитель Канонарія, однако, совершенно не утилизировалъ его матеріальной стороны, — не внесъ въ свой трудъ изъ него ни одной епитиміи? Не странно-ли, наконецъ, что при такомъ пользованіи, тотъ-же авторъ Канонарія съ особеннымъ стараніемъ и на первомъ планѣ самъ заботится о разработкѣ основаній и методъ для смягченія епитимій? Въ виду всего этого, повторяемъ — такъ-ли это, какъ думаетъ проф. Н. А. Заозерскій? — Для установленія на этотъ разъ дѣйствительнаго положенія вещей войдемъ сами въ нѣкоторое обсужденіе настоящаго вопроса.

Разсматривая Канониконъ самъ въ себѣ, мы уже видѣли, что онъ далеко не то, какъ его представляетъ проф. Н. А. Заозерскій. Посмотримъ теперь на него съ другой стороны.

Какъ уже замѣчено выше, въ Канонарії рѣчь о грѣхахъ ведется при представленіи падающихъ ими исключительно мужчинъ. Такъ это есть — и въ описаніи видовъ грѣховъ, и при изложеніи каноническихъ запрещеній и въ очеркѣ смягченныхъ епитимій. Мало того, даже замѣчанія относительно испытанія на исповѣди — и тѣ имѣютъ въ виду исповѣдниками собственно

мужчинъ. Однако, въ концѣ концовъ здѣсь вносится и спеціальная (краткая) замѣтка и объ исповѣди женщинъ, — исповѣди, которая въ глазахъ автора, повидимому, была далеко не постояннымъ, не ординарнымъ явленіемъ (какъ это есть, напр., по «*Ἀκολούθια καὶ τάξις*»). Замѣтка на сей разъ вносится весьма энергичная; ею требуется, какъ мы знаемъ, — «жены же являютъся когда, — болѣе испытывать и изслѣдовать, ибо онѣ убиваютъ и грѣшатъ болѣе мужчинъ, волшебствомъ, зельями и другими постыдными дѣлами, оскверняютъ мужей своихъ... и убійства неисчислимыми способами предпринимаютъ при зачатіяхъ...» и пр.). И что-же? Такъ сурово обличивъ грѣховность женщинъ, поставивъ ее болѣе губительною, чѣмъ грѣховность мужчинъ, нашъ авторъ, при его задачѣ дать систематическое руководство по наложенію епитимій за всѣ грѣхопаденія, — однако, въ своемъ Канонарії *не единымъ* словомъ не обмолвливается объ епитиміяхъ за спеціальныя женскіе грѣхи!

Болѣе чѣмъ ясно, что въ указываемомъ теперь есть что-то ненормальное, — такое, что никакъ не могло входить въ намѣренія составителя Канонарія. Въ всякаго сомнѣнія, имъ должны были быть составлены епитиміи и по женскому адресу... Но гдѣ-же онѣ должны были помѣщаться? По нашему мнѣнію, никакъ не въ самомъ Канонарії... Авторъ, какъ мы видимъ, мимоходомъ, ἀ πρὸς, упоминаетъ о грѣхахъ женщинъ. Его задача въ самомъ Канонарії, какъ мы видимъ далѣе, сводится къ изложенію епитимій собственно за мужскіе грѣхи. Если-же то и другое — такъ, то и предполагаемыя теперь женскія епитиміи нужно искать внѣ самаго Канонарія, но въ непосредственной связи съ нимъ, — въ такомъ-же нарочитомъ спеціальномъ «пристеженіи» къ Канонарію, какъ особымъ спеціальнымъ замѣчаніемъ представляется въ немъ и рѣчь о самыхъ женскихъ грѣхахъ. Такимъ спеціальнымъ «пристеженіемъ» несомнѣнно и былъ здѣсь тотъ отдѣлъ, который проф. Н. А. Заозерскій считаетъ особымъ «Каноникономъ» Иоанна Постника.

Очевидное подтвержденіе послѣднему мы видимъ въ древнѣйшемъ — Мюнхенскомъ спискѣ Канонарія, гдѣ, какъ намъ уже извѣстно, тотчасъ за нимъ слѣдуетъ статья — «*Ἀὐτὸ δὲ ἐπιτιμῆσαι... γυναῖκιν*», — которая и есть предполагаемый проф. Н. А. Заозерскимъ «Канониконъ». Вотъ почему и въ другихъ, уже испорченныхъ, спискахъ эта дополнительная статья все-таки

надписується — «*αὶ δὲ ἐπιτιμῶν... παραπτώσας*», — а в даль-
нѣйшемъ, при намѣреніи придать ей еще болѣе специальное зна-
ченіе, она адресуется все-таки «*παραπτώσας μοναχῶν*», — хотя
при такихъ надписаніяхъ ея содержаніе иногда адресовалось
даже къ грѣшникамъ — мужчинамъ. Такимъ образомъ, *Кано-
никонъ* — это ни мало не особое или самостоятельное произведе-
ніе, а только часть Канонарія и скорѣе даже незначительное прило-
женіе къ нему, содержащее специально женскія епитиміи. При
такомъ его пониманіи, онъ составляетъ одно цѣлое съ *Кано-
наріемъ*, является естественнымъ и безусловно необходимымъ къ
нему дополненіемъ, обнимающая въ параллель ему, посвященному
мужескимъ епитиміямъ, епитиміи по женскимъ грѣхамъ. И
надо сказать, содержаніе сей статьи, какъ она имѣется въ
извѣстныхъ теперь древнихъ спискахъ, дѣйствительно и отвѣ-
чаетъ такому ея назначенію. Мало того, она именно служитъ
отображеніемъ помянутой замѣтки въ *Канонаріи* объ испытаніи
на исповѣди женщинъ, такъ какъ содержитъ епитиміи собственно
за всѣ отмѣченные въ ней женскіе грѣхи⁴⁸).

Понимая трактуемую статью, какъ часть *Канонарія*, довольно
просто объяснить, почему въ ней наряду съ женскими епити-
міями, однако, вносились (и съ самыхъ первыхъ поръ) и епи-
тиміи по общимъ грѣхамъ, какъ напр., воровство, гробокопа-
тельство, и пр. — Мы уже отмѣтили, что епитимійникъ съ име-
немъ монаха Іоанна имѣетъ въ виду, можно сказать, исключи-
тельно плотскіе грѣхи. При такой узкой точкѣ зрѣнія, цѣлый
рядъ тяжкихъ грѣховъ, съ обозначеніемъ за нихъ епитимій, не
могъ найти себѣ мѣста въ *Канонаріи*. Но самая важность такихъ
грѣховъ требовала такъ или иначе ихъ отмѣтить. Это и было
сдѣлано (и совершенно правильно) въ указываемомъ теперь
приложеніи, — быть можетъ отчасти и самимъ составителемъ
Канонарія, а скорѣе всего его послѣдующими компиляторами.
Благодаря этому, занимающая насъ статья, какъ можно видѣть
изъ сравненія извѣстныхъ теперь ея древнихъ списковъ, отли-
чалась — и неустойчивостью содержанія, и измѣняемостью въ
порядкѣ ея правилъ, и, наконецъ, разнообразіемъ назначенія.

Каковъ былъ ея первоначальный видъ, рѣшительно нѣтъ
возможности опредѣлить даже съ приблизительною точностью.

⁴⁸) Ср. выше, стр. 37.

Несомнѣнно только одно, что первоначально она заключала
запрещенія исключительно за женскія тяжкія прегрѣшенія (что
отчасти даетъ понятіе Мюнхенскій номоканонъ), — но какія соб-
ственно — сказать трудно. Говоримъ такъ потому, что въ Мюн-
хенскомъ спискѣ, повидимому, «*αὶ ἐπιτιμῶν... γυναῖκῶν*» уже въ
испорченномъ текстѣ; здѣсь не содержится епитимій по всѣмъ
женскимъ грѣхамъ, исчисленнымъ въ помянутой замѣткѣ *Кано-
нарія* объ исповѣди женщинъ⁴⁹). — Съ другой стороны, несо-
мнѣнно-же, что эта статья развивалась постепенно и въ томъ
ея видѣ, какъ мы находимъ ее, напр., въ спискѣ, изданномъ
проф. Н. А. Заозерскимъ по *Саввино-Сторожевской* кормчей, она
была уже весьма далека отъ своего прототипа.

Постоянная наличность этой статьи при самомъ *Кано-
наріи* (или по крайней мѣрѣ вблизи его), — добавимъ, — и въ
указанныхъ нами соображеніяхъ, сама собою говоритъ о ея при-
надлежности къ *Канонарію*. — Повидимому, если не вообще, то
по крайней мѣрѣ въ должномъ бытѣ ея существѣ, мы не наблю-
даемъ этой статьи при грузинскомъ номоканонѣ. Но въ пред-
посланныхъ ему канонахъ собора Трулльскаго, какъ изложены
здѣсь они въ 85—100 правилахъ, можно усматривать значитель-
ное ея напоминаніе, поскольку она обнимала въ своемъ содер-
жаніи матеріалъ каноническій въ тѣсномъ смыслѣ⁵⁰). — Съ дру-
гой стороны, только такой принадлежностью той-же статьи къ
Канонарію и отсюда тождествомъ автора первой и второй (въ
ея основѣ) и объясняется, почему и въ ней, какъ то мы видимъ
и въ *Канонаріи*, сверхъ отмѣтокъ смягченныхъ епитимій, отмѣ-
чаются и древніе суровые сроки отлученія по каноническимъ
правиламъ, и почему этими послѣдними правилами служатъ
здѣсь исключительно правила-же *Василія Великаго*.

⁴⁹) Повидимому, и проф. Н. С. Суворовъ, давая библиографическія
свѣдѣнія объ этой статьѣ, не нашелъ нужнымъ ее издать, придавъ ей мень-
шее значеніе, чѣмъ это должно быть на самомъ дѣлѣ. (См. «Въроутный
составъ...», стр. 8).

⁵⁰) См. А. С. Х а х а н о в ъ, «Правила VI всел. собора», Древности,
цит. вып., стр. 151—154. Любопытно, между прочимъ, что здѣсь послѣ 100-го
правила слѣдуетъ то-же заключеніе, что и въ *Канонаріи* монаха Іоанна.
(См. *ibid.*, стр. 155).

полагаемъ Н. А. Заозерскимъ самостоятельномъ Канониконѣ⁵³⁾. Все это даетъ намъ понять, что монахъ Іоаннъ авторствовалъ при составленіи Канонарія не особенно таки самостоятельно. Онъ воспроизводитъ въ своемъ твореніи покаянныя нормы уже извѣстныя, принятыя прежде практикою. Онъ, такъ сказать, только письменно, въ определенныхъ выраженіяхъ формулировалъ покаянную практику своего времени. Да и письменное изложение этой практики, по всей вѣроятности, по частностямъ имѣло мѣсто и до него. Заслуга автора быть можетъ заключается въ одномъ: всѣ отрывочныя наставленія и предписанія предыдущаго времени, касавшіяся снисходительной покаянной дисциплины, онъ соединилъ, суммировалъ въ одно цѣлое, настойчиво подвелъ подъ одинъ знаменатель и тѣмъ далъ возможность духовникамъ съ большимъ постоянствомъ и болѣе единообразно примѣнять принципы снисходительныхъ запрещеній на дѣлѣ.

Повторяемъ, человекъ такого духовнаго склада, какимъ представляется по его предисловію монахъ Іоаннъ, не могъ обладать такою рѣшимостью, чтобы отъ себя разомъ перевернуть всю покаянную дисциплину. Не говоря уже о томъ, что не подкрѣпленный авторитетомъ какого-либо особаго высокаго положенія, онъ при самобытности подобнаго своего предпріятія далеко не имѣлъ основаній ожидать благодарности за свое новшество — ни отъ церковныхъ властей, ни отъ своихъ преемниковъ и коллегъ по дѣлу духовническаго служенія. — Впрочемъ, этотъ вопросъ въ сущности дѣла и не представляетъ особенной важности. Не можемъ только не добавить сюда одного. — Разъ проф. Н. А. Заозерскій утверждаетъ такую самостоятельность Канонарія, тогда въ виду 102 правила Трулльскаго собора можно-бы относить происхождение Канонарія еще до VII в.; на это, однако, — согласится и онъ, — надежды пока нѣтъ. Вѣсть же съ тѣмъ не можемъ не указать и здѣсь, — на что мы указывали выше, — самъ монахъ Іоаннъ говоритъ: «крупницы отъ достойныхъ собравъ» (стр. 17) и «а что мною, жалкимъ и дерзновеннымъ, сверхъ канонѣвъ, изучено у знаменитыхъ, превосходящихъ меня отцовъ» (стр. 38), — и тѣмъ самымъ въ

⁵³⁾ См. выше, стр. 52—53.

извѣстной мѣрѣ признаетъ компилятивный характеръ своего произведенія.

«Побужденіемъ къ составленію Канонарія, — говоритъ затѣмъ проф. Н. А. Заозерскій, — послужило большое разнообразіе духовнической практики въ наложеніи епитимій... Авторъ рѣзко различаетъ въ этомъ отношеніи два класса духовниковъ: крайне строгихъ, безразсудно держащихся буквы канѣнѣвъ, и крайне снисходительныхъ, простирающихъ снисходительность до минимальнаго сокращенія епитимійныхъ сроковъ, установленныхъ правилами св. Василія В* (стр. 33). — Последнее — вѣрно, но только отчасти. Монахъ Іоаннъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно различаетъ два указываемые класса духовниковъ, но въ отношеніи снисхожденія онъ вовсе не имѣетъ въ виду именно «минимальное сокращеніе епитимійныхъ сроковъ»; это — не обоснованный комментарий Н. А. Заозерскаго. Составитель Канонарія, какъ увидимъ далѣе, не могъ вооружаться здѣсь противъ такого сокращенія; онъ вооружается собственно противъ совершеннаго игнорированія епитимій — «*δια τηςείων ἀναπίπτειν*» (тексты, стр. 13), — что составляетъ большую разницу.

Что касается до перваго — разнообразія духовнической практики въ наложеніи епитимій, — то само-ли въ себѣ вызвало оно монаха Іоанна на составленіе Канонарія, какъ это предполагается здѣсь по объясненію проф. Н. А. Заозерскаго? По нашему мнѣнію, — нѣтъ. Составитель Канонарія, судя по его духовному облику, не могъ рѣшиться на столь важное предпріятіе только изъ-за такого отрицательнаго мотива. Правда, при руководствѣ имъ, предполагается, у автора должна была нѣтъ въ виду и положительная цѣль — установить однообразную практику въ дѣлѣ наложенія епитимій. Но противъ исключительнаго такого его намѣренія ясно говорятъ самыя разсужденія монаха Іоанна; они стоятъ на строгой формальной почвѣ и несомнѣнно предполагаютъ возможность примѣненія и по его Канонарію самыхъ различныхъ епитимій за одинъ и тотъ же грѣхъ, смотря по условіямъ его совершенія и по нравственному облику кающагося. Съ другой стороны, такая именно положительная задача невольно заставляла-бы предполагать въ авторѣ лицо — не то чтобы властное, а въ нѣкоторомъ родѣ уполномоченное на то, иначе его попытка явилась-бы если не дѣломъ непризваннаго, то во всякомъ случаѣ рискованнымъ и пожалуй

безцѣльнымъ. А между тѣмъ — эта полнѣйшая опасливость, эта крайняя нерѣшительность и это, наконецъ, всеконечное самоуничужденіе автора, столь проникающія собою весь Канонарій насквозь, — такъ не даютъ права видѣть въ немъ лицо къ тому уполномоченное...

Такимъ образомъ, для внутренней цѣли составленія Канонарія мы должны искать другого объясненія. И оно, по нашему мнѣнію, можетъ быть. — Отмѣтивъ строгія каноническія правила относительно епитимій, авторъ въ концѣ концовъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ, что-де Василий В. умалилъ епитимійные сроки, а послѣдующіе отцы и вовсе умалили эти сроки до возможнаго минимума (тексты, стр. 10—11). — Въ параллель этому, самъ монахъ Іоаннъ, по примѣру послѣднихъ отцовъ, принимаетъ въ своемъ Канонаріи также столь сокращенные сроки, въ которыхъ отъ древней суровой покаянной дисциплины не осталось и слѣда. Слѣдовательно, онъ самъ стоитъ именно за сокращенные сроки, уже освященные практикою. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ возстаетъ противъ всеобщаго ослабленія, почти отриновенія епитимій, и тѣмъ болѣе по чисто субъективному мягкосердечному произволу духовника, такъ какъ при этомъ со стороны послѣдняго получается неразумное отношеніе къ духовнымъ недугамъ грѣшника. Но отрицая безпочвенное субъективное отношеніе духовника къ наложенію епитимій, нашъ авторъ въ одинаковой мѣрѣ рѣзко-же вооружается и противъ рабскаго подражанія формальной буквѣ древнихъ канонѣвъ, противъ примѣненія сюда, безъ всякаго разсужденія, исключительно формальныхъ основаній, въ результатъ чего получается то-же неразуміе. Разумность-же дѣйствій духовника, по возвращенію монаха Іоанна, имѣетъ быть, когда оставляя въ сторонѣ *формальныя* требованія, хотя-бы и священныхъ канонѣвъ, и чисто субъективное усмотрѣніе, онъ будетъ на этотъ разъ исходить въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно изъ разсмотрѣнія — вида грѣха, личныхъ (исповѣдника) — духовныхъ (расположенія, и пр.) и физическихъ (напр. возрастъ) свойствъ и постороннихъ условій, сопутствовавшихъ паденію во грѣхъ, и, наконецъ, отношенія павшаго къ совершенному грѣху, не забывая при всемъ томъ слабости человѣческой природы. Вотъ почему монахъ Іоаннъ въ подавляющей части своего Канонарія и разбираетъ

всѣ эти условія; — они, такъ сказать, главное существо всѣхъ разсужденій его въ Канонаріи.

Сопоставляя-же все это, мы и получимъ въ выводѣ. — Нѣкоторое разнообразіе въ дѣлѣ необходимаго наложенія епитиміи — должно имѣть мѣсто по неизбѣжному порядку вещей, и его необходимо приходится допускать, такъ какъ руководство въ этомъ случаѣ формальною буквою правила, могущее дѣйствительно установить и однообразіе, — не можетъ быть одобрено. Отсюда цѣлью составленія монахомъ Іоанномъ Канонарія было собственно не устраненіе указываемаго разнообразія, а намѣреніе ввести принципъ разумнаго, сознательнаго примѣненія епитиміи, по условіямъ совершенія грѣха и по характеру нравственнаго облика кающагося, избѣгая здѣсь и безпочвенной субъективности и мертваго формализма, — одинаково вредныхъ, — и сообразно сему, руководясь нормами уже мягкой дисциплины. Она, будучи освящена практикою и признана позднѣйшими отцами, даетъ больше надежды — и на появленіе къ духовному врачу страждущихъ тяжкими духовными недугами, и на должное уврачеваніе ихъ душевныхъ язвъ дѣйствіями духовника. — Вотъ чѣмъ, добавимъ, и объясняется, — почему Канонарій монаха Іоанна, несомнѣнно оказавшій огромное вліяніе на историческую судьбу пенитенціала во всей Восточной церкви, въ то-же самое время нисколько не внесъ однообразія въ дѣло наложенія епитимій; упрочивъ это положеніе, онъ только содѣйствовалъ проведению въ практику разумно смягченной поваянной дисциплины.

Въ заключеніе настоящей рѣчи проф. Н. А. Заозерскій касается личности автора Канонарія. Замѣчанія его въ этомъ случаѣ заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Коротко замѣтивъ, — «Кто былъ авторомъ Канонарія, гдѣ и когда онъ жилъ — опредѣленно сказать нельзя», — авторъ затѣмъ добавляетъ, что нельзя признать это произведеніе и принадлежащимъ перу Іоанна Постника — патриарха, — «разъ мы признаемъ подлинно принадлежащимъ Іоанну Постнику — патриарху выше разсмотрѣнное Наставленіе инокинямъ и епитиміи его: это произведенія двухъ лицъ, писавшихъ одинъ послѣ другого съ значительнымъ промежуткомъ времени».

Послѣ того какъ, — полагаемъ — съ достаточною убѣдительною, — нами установлено единство автора и происхожденія

для Канонарія и для таѣхъ называемаго «Каноникона» (въ относящейся сюда его части), конечно, послѣднему доказательству не-принадлежности Канонарія Іоанну Постнику (патріарху) не можетъ быть мѣста. Но и внѣ этого... Допустимъ даже, признаніе раздѣльности указываемыхъ теперь двухъ произведеній и различія двухъ для нихъ авторовъ — не обосновано, не достоверно; то и тогда приводимое здѣсь Н. А. Заозерскимъ чисто формальное доказательство не принадлежности Канонарія Іоанну Постнику можетъ вызывать одно недоумѣніе. Разъ авторъ признаетъ составителемъ Каноникона (въ связи съ Наставленіемъ инокинямъ) именно І. Постника, то естественный вопросъ — каимъ-же образомъ и почему при этомъ онъ не можетъ быть признанъ таимъ-же составителемъ и Канонарія? Авторъ, однако, опираясь на такомъ формальномъ основаніи, признаетъ не только различіе авторовъ для предполагаемыхъ памятниковъ, но даже и значительный промежутокъ времени между ними, — а почему именно такъ, — отвѣта на то въ книгѣ проф. Н. А. Заозерскаго мы не найдемъ. Онъ нигдѣ — ни прежде, ни послѣ — не сравниваетъ Канонарій съ Каноникономъ, и потому нигдѣ не приводитъ фактическихъ данныхъ, могущихъ установить позднее происхожденіе перваго сравнительно со вторымъ. — и вообще произносить такой приговоръ, не приводя оснований.

А между тѣмъ, не различая ни Канонарія, ни Каноникона, а говоря вообще о Канонарії, — какъ уже не разъ дано понять выше, дѣйствительно имѣются достаточныя данныя признать его сравнительно не раннимъ произведеніемъ церковной письменности. Эти данныя, въ различныхъ мѣстахъ указанныя нами выше: а) Въ Канонарії (не выключая изъ него и Каноникона) систематически выдѣляются изъ ряда обыкновенныхъ монашесствующихъ монахи велико-схимники, какъ явствуетъ изъ выраженій: «прелюбодѣніемъ-же называемъ (и паденіе) велико-схимниковъ монахини и монаха»⁵⁴); «прелюбодѣніи-же (запрещаютъ каноны) 15 лѣтъ, также велико-схимныхъ монахинь и монаховъ», «малосхимныхъ-же мужей и женъ (паденіе) судится

⁵⁴) Н. С. Суворовъ, цитов. изд., стр. 57; Н. А. Заозерскій, тексты, стр. 25 (во всѣхъ спискахъ).

какъ блудъ»⁵⁵); «или павшій монахъ великій схимникъ»⁵⁶)... б) Въ Канонарії, какъ мы уже указывали, съ исключительнымъ удареніемъ отмѣчается (и безусловно во всѣхъ спискахъ) паденіе въ духовномъ родствѣ, въ особенности выдвинутомъ на первый планъ Трулльскимъ соборомъ. в) Въ немъ далѣе, какъ тоже отмѣчено, указывается на значительный промежутокъ времени отъ Василія В. до момента изданія Канонарія, когда «послѣдующіе отцы» постепенно еще болѣе умалили епитиміи. — Всѣ таковыя факты, повторимъ, съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что Канонарій былъ составленъ никакъ не ранѣе VIII вѣка, и вѣроятно не позже IX в., такъ какъ въ X вѣкѣ мы уже встречаемся съ рядомъ допущенныхъ въ немъ измѣненій, перестановокъ и интерполяцій, порою уже давнишняго происхожденія.

Разъ по фактическимъ даннымъ теперь устанавливается столь позднее происхожденіе Канонарія, какъ VIII—IX вв., то тѣмъ, значить, по положительнымъ (а не формальнымъ) основаніямъ, его авторомъ никакъ не можетъ быть признанъ патріархъ Іоаннъ Постникъ — к. VI — нач. VII вв. — Съ этимъ вполне гармонируетъ и обычное надписаніе Канонарія именемъ вообще монаха Іоанна.

Проф. Н. А. Заозерскій, въ виду вѣроятно общепринятаго въ надписаніи обозрѣваемаго памятника имени *Іоанна* («монаха» или Постника), не нашелъ нужнымъ войти въ выясненіе того вопроса — насколько дѣйствительно авторъ Канонарія носилъ это имя? А между тѣмъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыя наблюденія вполне дадутъ мѣсто и такому вопросу. Эти наблюденія таковы: а) Въ древнѣйшемъ спискѣ Канонарія (т. е. Мюнхенскомъ), какъ извѣстно тѣ проф. Н. А. Заозерскому, авторомъ его признается собственно какой-то Василій съ тѣмъ-же прозваніемъ — «чадо послушанія...». б) Въ томъ-же спискѣ самый пенитенціалъ (въ первой его части) надписывается вообще —

⁵⁵) Н. С. Суворовъ, *ibid.*, стр. 58; Н. А. Заозерскій, *ibid.*, стр. 30—32 (въ всѣхъ спискахъ; ср. по грузинскому тексту (въ Канониконѣ), стр. 84).

⁵⁶) Н. С. Суворовъ, *ibid.*, стр. 47; Н. А. Заозерскій, стр. 45 (исключая грузинскій текстъ).

«Καὶ οὕτως τῶν ἁγίων πατέρων». в) Въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ (по ркп. Румянц. муз. № 230) «Іоаннъ» называется авторомъ скорѣе другого устава, о которомъ рѣчь будетъ ниже. г) Наконецъ, въ издаваемомъ проф. Н. А. Заозерскимъ славянскомъ текстѣ (по Саввино-Сторожевской ркп.) Канонаріи не надписывается ни чѣмъ именемъ. Последнее надо сказать и относительно грузинскаго перевода, гдѣ наименованіе автора Іоанномъ Постникомъ относится собственно не къ этому памятнику, но ко всему сложному произведенію, предназначенному для руководства духовниковъ, а усвоеніе авторства въ концѣ памятника вообще Іоанну можно считать припискою поздняго времени.

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, не устраняется большая вѣроятность и для того предположенія, что авторъ Канонаріи, если онъ не назывался Василиемъ, то быть можетъ въ дѣйствительности и не назывался Іоанномъ; и съ безусловною достовѣрностью именемъ автора трактуемаго епитимійника пока нельзя считать имя Іоаннъ. Къ этому не можемъ не добавить, что считать наименованіе автора Василиемъ въ Мюнхенскомъ спискѣ — ошибкою, какъ это думаетъ проф. Н. А. Заозерскій, — по нашему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній. Такое наименованіе употребляется здѣсь дважды — въ двухъ надписаніяхъ. При употребленіи во второмъ надписаніи въ особенности трудно допустить ошибку, такъ какъ оно — правильно и точно — и грамматически, и по смыслу. То и другое невольно говоритъ, что у Мюнхенскаго компилятора былъ подъ руками оригиналъ, въ надписаніи котораго дѣйствительно стояло имя «Василій», а не «Іоаннъ».

Съ достовѣрностью неизвѣстный по имени, составитель Канонаріи по своему состоянію былъ, какъ опять-таки дано понять выше, — монахъ, жившій въ монастырѣ и притомъ строгій аскетъ. Какъ уже отчасти сказано, неоспоримыя подтвержденія тому таковы: а) Все вниманіе его сосредоточивается исключительно на плотскихъ грѣхахъ, грѣхахъ противъ 7-й заповѣди; можно сказать: для него одинъ грѣхъ — оскверненіе плотское въ тѣсномъ смыслѣ, и другихъ грѣховъ, тяжкихъ-же и такъ знакомыхъ мірскому общежитію, онъ не вѣдаетъ; это и привело его къ крайней односторонности составленнаго имъ покаяннаго устава. б) Въ своемъ Канонаріи онъ обращаетъ особенное вниманіе на монаховъ, почему во всѣхъ потребныхъ

случаяхъ не забываетъ упомянуть о дѣленіи ихъ въ отношеніи тяжести паденій на двѣ категоріи и одинъ разъ освѣдомляетъ о паденіи даже «великихъ изъ нихъ» в) Въ ряду исповѣдниковъ онъ ставитъ женщинъ совершенно на заднемъ планѣ, какъ-бы лицъ въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ являющихся на исповѣдь, почему и говоритъ объ ихъ исповѣди лишь въ особомъ замѣчаніи, какъ-бы мимоходомъ, хотя въ то же самое время считаетъ ихъ грѣшными болѣе чѣмъ мужчинъ. Такая любопытная особенность только и мыслима при монашествѣ автора, которое заставляло его по возможности избѣгать какого бы то ни было общенія съ женщинами и вмѣстѣ съ тѣмъ относиться къ нимъ прекарно, какъ носительницамъ нравственности. г) По возрѣнію автора, исповѣдь одинаково прилично совершать какъ въ храмѣ, такъ и въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ, каковое въ грузинскомъ переводѣ прямо называется кельею (тексты, стр. 72); но собственно, онъ скорѣе склоненъ представлять совершеніе исповѣди именно въ послѣднемъ мѣстѣ; кромѣ единичнаго упоминанія о церкви (вначалѣ), далѣе въ исповѣдномъ уставѣ на нее нѣтъ ни малѣйшаго намека и ни одною обрядовою частностью онъ не указываетъ на нее, какъ мѣсто производства исповѣди; это опять-таки скорѣе всего мирится съ возрѣніями и обстановкою монаха, живущаго въ монастырѣ. д) Наконецъ, и въ надписаніи Канонаріи — именемъ-ли Іоанна, или именемъ Василія — авторъ обыкновенно называется «монахомъ». — Если ко всѣмъ этимъ даннымъ мы еще разъ напомнимъ о крайнемъ смиреніи, самоуничженіи и нерѣшительности составителя Канонаріи, то признавая его монахомъ, мы еще должны добавить, что это былъ по своему положенію собственно простой монахъ.

Будучи монахомъ, авторъ Канонаріи въ то-же время былъ, можно сказать, профессиональнымъ духовникомъ. Онъ не разъ ссылается здѣсь на свою духовническую практику (Тексты—22, 27 и 28—29 стрр.) и повидимому, благодаря такой своей профессіи, весьма тщательно наблюдалъ дѣйствія другихъ духовниковъ. Можно думать при этомъ, что въ противоположность суровымъ духовникамъ, онъ съ особенною настойчивостью проводилъ въ своей практикѣ принципъ смягченныхъ епитимій, исходя изъ нѣкоторыхъ (84 и 85) правилъ Василія В., почему и получилъ прозваніе «чадо послушанія ученія св. Василія».

Проф. Н. А. Заозерскій также признавая его духовникомъ, какъ и мы, предполагаетъ, что онъ «имѣлъ обширную духовническую практику: въ числѣ его духовныхъ чадъ были и люди знатные, и женщины, знакомившія его «чужую душу съ мерзостями столичнаго разврата». Мы не думаемъ такъ. Особенныхъ признаковъ этого нѣтъ въ перечнѣ грѣховъ авторомъ Канонарія; всѣ упоминаемые имъ грѣхи возможны и въ простой сферѣ и порою даже въ особенности. Съ другой стороны, по свидѣтельству, приведенному самимъ же проф. Н. А. Заозерскимъ изъ Іоанна Лѣствичника (стр. 38, прим. 1), видно, что иногда достаточно выслушать исповѣдь одного грѣшника, чтобы быть освѣдомленнымъ о самыхъ разнообразныхъ видахъ плотской грѣховности. Наконецъ, въ виду извѣстнаго обычая въ древности многихъ знатныхъ византійцевъ кончать дни свои въ монастырѣ, — тогда, находясь и въ монастырѣ, можно было ознакомиться со всѣми неестественными паденіями плотию. Примѣнительно къ этому, нѣтъ ничего невозможнаго, если бы допустить, что авторъ Канонарія былъ и аеонскимъ монахомъ, съ чѣмъ не находить оснований соглашаться проф. Н. А. Заозерскій.

Не соглашаясь съ тѣмъ, что авторъ Канонарія былъ аеонскимъ монахомъ (или вообще монахомъ), проф. Н. А. Заозерскій въ то же самое время не считаетъ возможнымъ признавать его и въ діаконскомъ санѣ, — и это въ виду же предполагаемой обширной его духовнической практики. Намъ думается, — та или другая степень практики здѣсь не при чемъ. Другое дѣло — діаконская степень сама въ себѣ. — Она можетъ говорить и въ пользу автора, если однако не допускать, что въ раннее время, когда не установилось еще такого существеннаго взаимоотношенія между исповѣдью и причащеніемъ, когда еще исповѣдь не трактовалась такимъ періодически обязательнымъ для всѣхъ институтомъ и когда съ представленіемъ о ней тѣсно связывалось представленіе о монашеской сферѣ, — въ отношеніи *духовническаго* служенія не выработалось еще такого опредѣленнаго возрѣнія, какъ это есть теперь⁵⁷⁾.

⁵⁷⁾ Автору не лишнее при этомъ припомнить, что ни въ Канонаріи, ни въ «*Didaskalia*» нѣтъ ни малѣйшаго указанія на священный санъ духовника и онъ обыкновенно называется вообще — «*δευόμενος*» или «*ἀναδεχόμενος*» (τῆν ἑτομολόγησιν).

Въ виду того, что св. Евѣиміемъ (Грузинскимъ) переводъ Канонарія былъ сдѣланъ на Аеонѣ, проф. Н. А. Заозерскій, не признавая возможнымъ по приведеннымъ основаніямъ (широкой духовнической практикѣ) *аеонскаго* монашества и діаконства его автора, вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ мысль, что означенный фактъ свидѣтельствуетъ только «о распространенности этого епитиміи-ника» еще въ X в. (уже съ именемъ Іоанна Постника) и на Аеонѣ, но не служитъ указаніемъ на его именно аеонское происхожденіе. — Мы сказали-бы при этомъ, — разъ уже въ X в. епитиміи-никъ, усвоенный Іоанну Постнику, былъ извѣстенъ италійскимъ грекамъ, а въ первой половинѣ XI в. пзвѣстенъ, какъ уже давно практикующійся, Никону Черногорцу (т. е. на другомъ концѣ православнаго Востока), то фактъ перевода св. Евѣиміемъ Канонарія именно на Аеонѣ (гдѣ онъ не былъ случайнымъ посѣтителемъ) и не можетъ быть принимаемъ во вниманіе при вопросѣ о мѣстѣ составленія Канонарія. Здѣсь скорѣе можетъ имѣть значеніе усвоеніе Канонарія въ надписаніи патриарху Іоанну Постнику; оно отчасти можетъ трактоваться нѣкоторымъ косвеннымъ указаніемъ на его происхожденіе вообще въ предѣлахъ Константинопольскаго патриархата.

Въ заключительныхъ строкахъ своего спеціальнаго обзорѣнія Канонарія проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что въ отдѣльномъ видѣ онъ встрѣчается весьма рѣдко, но въ сочетаніи съ другими статьями весьма часто. По нашему мнѣнію, — если понимать это сочетаніе какъ постановку рядомъ съ другими епитиміи-ными руководствами, то Канонарій, какъ отдѣльное дѣло, наблюдается не такъ уже рѣдко. Съ другой стороны, именно сочетаніе и сліяніе его съ другими статьями, каноническими и литургическими, въ духовнической практикѣ было дѣломъ неизбѣжной необходимости, вслѣдствіе неполноты обнимаемыхъ имъ епитимій и полнаго несовершенства его въ литургическомъ отношеніи.

V.

«*Διδασκαλία πατέρων περί τῶν ὀφειλόντων ἐξαγγεῖλαι τὰ ἴδια ἁμαρτήματα*», — его надписание, отношение къ «*Κανονάριον*»-у, время происхожденія и значеніе.

Третьей и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдней составной частью номоканона Иоанна Постника проф. Н. А. Заозерскій считаетъ уставъ совершенія исповѣди, древнѣйшею редакціею котораго понимаетъ изданный теперь изъ Мюнхенской ркп. памятникъ съ надписаніемъ «*Διδασκαλία (τῶν) πατέρων...*».

Переходя къ рѣчи о немъ, авторъ говоритъ, что въ Канонаріи «весьма краткое наставленіе о самомъ чинѣ или обрядѣ исповѣди», и затѣмъ, что составитель его — «несомнѣнно предполагалъ общеизвѣстность *этого именно* обряда, посему и сочелъ нужнымъ лишь попутно и кратко напомнить о немъ» (стр. 34). Такое заключеніе автора, кажется, очень мало гармонируетъ съ тѣмъ, что и въ другихъ редакціяхъ древняго пенитенціала содержаніе исповѣднаго устава нерѣдко обнимается столь-же краткими и не болѣе полными чертами; такъ это есть между прочимъ, какъ увидимъ сейчасъ ниже, и въ той же самой «*Διδασκαλία πατέρων*», въ которой авторъ хочетъ усматривать болѣе совершенный уставъ исповѣди. — Съ другой стороны, если составитель Канонарія хотѣлъ на этотъ разъ дать только «напоминаніе о чинѣ», то странно, что онъ приводитъ даже и разрѣшительную молитву и притомъ приводитъ такую, какая въ другихъ редакціяхъ исповѣднаго устава, можно сказать, не употреблялась.

То и другое съ достаточною убѣдительностью говоритъ, что составитель Канонарія давалъ при своемъ епитимійникѣ не одно только напоминаніе о чинѣ, а именно и самый чинъ въ томъ видѣ, какъ по его представленію онъ долженъ совершаться, но только при этомъ онъ игнорировалъ должную его обработку, безразлично отнесся къ его деталямъ и притомъ настолько, что даже важнѣйшій его составный элементъ — разрѣшительную молитву привелъ, повидимому, по своему усмотрѣнію, не справляясь надлежащимъ образомъ съ принятыми и рекомендуемыми для того молитвенными формулами въ евхологіи. — И надо сказать, древніе составители исповѣдныхъ уставовъ смотрѣли на

трактуемую часть Канонарія именно какъ на исповѣдныи уставъ, хотя и несовершенный. Это подтверждается составомъ «*Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξμολογουμένων*» въ Уриновскомъ изданіи, гдѣ въ содержаніе устава исповѣди введена изъ Канонарія и предлагаемая теперь въ немъ разрѣшительная молитва. — Да и странно было бы думать, чтобы, предлагая подробное руководство по наложенію епитимій и зная при этомъ объ отсутствіи устава исповѣди въ евхологіи, монахъ Іоаннъ не нашелъ цѣлесообразнымъ дать въ какомъ-либо видѣ и уставъ самаго совершенія исповѣди. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, въ Канонарії — не напоминаніе исповѣднаго устава, но и онъ самый, но только въ крайне бѣгломъ наброскѣ. Послѣднее объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что по существу у составителя Канонарія была другая задача. Но не лишено вѣроятности здѣсь и то объясненіе, что ограничивался изложеніемъ устава исповѣди въ столь элементарномъ видѣ, авторъ Канонарія исходитъ изъ представленія о болѣшемъ примѣненіи его совершенія при келейной обстановкѣ — въ храма.

Но перейдемъ къ обзорѣ сообщеній автора о самой «*Διδασκαλία πατέρων*».

Проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что въ Мюнхенскомъ номоканонѣ — «единственный случай, гдѣ (обозрѣваемая теперь) статья удержала свое собственное заглавіе и гдѣ особенность ея вообще, какъ самостоятельнаго цѣлаго, сохранилась наиболѣе ясно» (стр. 35). Мы, однако, позволимъ себѣ сказать, что если не считать заглавія, то какъ самостоятельное цѣлое «*Διδασκαλία πατέρων*» прежде всего сохранилась вполнѣ въ Румянцевской (Устюжской) кормчей № 230, — затѣмъ, при особливомъ уже надписаніи (только не ея собственномъ), но не въ достаточной полнотѣ, — въ текстѣ «*Ἀκολουθία καὶ τάξις*» (если устранить изъ этого памятника вставки) и, наконецъ, уже въ наименьшей полнотѣ — въ рассматриваемомъ случаѣ.

Авторъ утверждаетъ настоящее положеніе, очевидно, руководясь тѣмъ мнѣніемъ, что здѣсь трактуемое «Наставленіе» сохранило свое собственное заглавіе. Насколько это такъ? — Статья здѣсь озаглавлена: «*Διδασκαλία πατέρων περί τῶν ὀφειλόντων ἐξαγγεῖλαι τὰ ἴδια ἁμαρτήματα καὶ περί Βασιλείου τοῦ τέκνου τῆς ὀπακοῆς*». Авторъ говоритъ, что послѣдняя половина сего заглавія должна читаться собственно — «*καὶ περί ἐπιτιμίων καὶ διαφόρων*

τῶν ἐπιτιμίων Ἰωάννου τέκνου τῆς ὑπακοῆς, μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Βασιλείου τοῦ μεγάλου», такъ какъ ниже этой статьи имѣется надписаніе — «Ἄτι δὲ ἐπιτιμῆσαι... εἶσιν αὐταὶ Βασιλείου τέκνου..... τοῦ μεγάλου» (какъ выше)⁵⁸⁾, подъ каковымъ надписаніемъ заключается извлеченіе изъ второй половины Канонарія монаха Іоанна. — Насколько, дѣйствительно, въ столь сложномъ заглавіи сохранилось *собственное* заглавіе «Наставленія»?

Для основательнаго отвѣта на сей не малой важности вопросъ констатируемъ слѣдующіе несомнѣнные факты:

а) Въ лицѣ писца Мюнхенскаго памятника предъ нами типичный компиляторъ, который, не проявляя себя ни однимъ личнымъ разсужденіемъ, предпринялъ здѣсь группировку въ одно цѣлое бывшихъ у него подъ руками покаянно-исповѣдныхъ уставовъ.

б) Компиляторъ онъ былъ весьма рѣшительный, не задумывавшійся надъ самыми рѣзкими метаморфозами располагаемыхъ имъ произведеній, — но вмѣстѣ съ тѣмъ, компиляторъ — нѣсколько несообразительный или вѣрнѣе — очень неосмотрительный; поэтому въ его компиляціи получилось — и два различныхъ устава относительно пищи и питія епитимійца, поглощаемыхъ одинъ другимъ, и два исповѣдныхъ устава, напрасно повторяющихъ другъ друга, и нѣкія другія неподобающія вещи, — и все это въ сущности дѣла подъ однимъ заглавіемъ.

в) Составляя одно цѣлое, онъ въ той же самой «Διδασκαλία» ни мало не задумывается, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, отринуть довольно пространную заключительную часть, совершенно о томъ не упоминая.

г) Совмѣщая въ одно съ «Διδασκαλία» Канонарій монаха Іоанна (или по нему Василия), онъ, — въ чемъ едва-ли можно сомнѣваться, — точно также цѣликомъ опускаетъ бывшее при немъ пространное предисловіе, которое другіе компиляторы находили «прекраснымъ», — и разумѣется, вмѣстѣ съ этимъ игнорировалъ и подлинное надписаніе, бывшее надъ этимъ предисловіемъ.

⁵⁸⁾ См. эти надписанія у Н. С. Суворова, цитов. изданіе, стр. 42 и 46.

д) Затѣмъ, оставивъ въ томъ-же Канонарії на мѣстѣ маленькое приложеніе къ нему, обнимающее запрещенія женщинамъ, — хотя это шло буквально въ разрѣзъ съ его планами, — нашъ компиляторъ, ни мало-же сумняся, по мотивамъ, кои будутъ указаны ниже, разрываетъ самый Канонарій на двѣ части, и въ своей компиляціи, безъ всякихъ оговорокъ, поставяетъ одну на мѣсто другой, при чемъ нѣкую часть изъ перваго отдѣла (по его распланировкѣ) все-таки еще выпустить.

е) Такъ свободно и безъ всякихъ объясненій справляясь съ частями Канонарія, онъ, далѣе, надъ частью, поставленною имъ на второмъ мѣстѣ, смѣло ставитъ придуманное имъ заглавіе: «Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων»; послѣднее, хотя въ извѣстной мѣрѣ и отвѣчаетъ ея содержанію, однако очень мало гармонируетъ съ ея внѣшнею литературною обработкою, при коей (съ нач. «Ἄρξομαι...» и пр.) она явно предполагается произведеніемъ одного лица.

ж) Придѣлавъ такое заглавіе «proprio motu» и «sua ratione» надъ устроенною имъ второю половиною Канонарія, нашъ компиляторъ не задумывается устроить отъ себя-же надписаніе и надъ созданною имъ первою частью Канонарія, это — «Ἄτι δὲ ἐπιτιμῆσαι καὶ διαφοραὶ τῶν ἐπιτιμίων εἶσιν αὐταὶ Βασιλείου τέκνου τῆς ὑπακοῆς μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Βασιλείου τοῦ μεγάλου»; въ редакціи такого надписанія (поставленнаго, кстати сказать, не на своемъ мѣстѣ), несомнѣнно отсутствовавшаго въ оригиналѣ, онъ уже руководствуется общимъ надписаніемъ надъ цѣлымъ Канонаріемъ, бывшимъ подъ его руками.

з) Наконецъ, и начиная свою компиляцію вообще, онъ и здѣсь, подъ руководствомъ того-же общаго надписанія надъ Канонаріемъ, но уже предъ другимъ памятникомъ, приписываетъ къ заглавію слова — «καὶ περὶ Βασιλείου τοῦ τέκνου τῆς ὑπακοῆς...».

Можно-ли послѣ всего этого повѣрить, что — «Διδασκαλία πατέρων περὶ τῶν ὀφειλόντων ἐξαγγεῖλαι τὰ ἴδια ἀμαρτήματα» — есть оставленное компиляторомъ въ неприкосновенности собственное заглавіе имѣющагося подъ этимъ надписаніемъ памятника?... Никогда! Оно въ важнѣйшей его части есть такое же измышленіе Мюнхенскаго компилятора, какъ и его надписаніе — «Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων». Очень можетъ быть, что вначалѣ здѣсь и было надписаніе — «Περὶ τῶν ὀφειλόντων... ἀμαρτήματα», но суще-

ственные слова — «*Διδασκαλία πατέρων*» — всецѣло плодъ самоличнаго предпріятія отважнаго Мюнхенскаго писца. О томъ ясно говоритъ самое содержаніе «*Διδασκαλίας*», которое находится въ явномъ несоотвѣтствіи съ такимъ надписаніемъ, ибо и здѣсь оно излагается отъ опредѣленнаго лица. — Съ другой стороны, разъ компиляторъ хотѣлъ бы оставить здѣсь неприкосновеннымъ надписаніе, ему рѣшительно не было бы надобности придѣлывать къ нему слова — «*καὶ περὶ Βασιλείου τοῦ τέκνου τῆς ὑπακοῆς*»; они совершенно не нужны здѣсь, такъ какъ для подразумѣваемыхъ имъ «еситимій Василія», ниже, компиляторомъ-же сочиняется особое специальное и опредѣленное заглавіе — «*Αὐτὸ δὲ ἐπιτιμήσει...*» и пр.

Но сверхъ указаннаго сейчасъ, въ самомъ этомъ якобы «собственномъ заглавіи» *Διδασκαλία* есть одна черта, свидѣтельствующая съ ясностью объ его апокрифическомъ происхожденіи. Проф. Н. А. Заозерскій, утверждая «самобытность» сего заглавія, повидимому, былъ увлеченъ его внѣшнимъ слововыраженіемъ, коимъ оно какъ будто относится къ твореніямъ ветхимъ деньми, — ко времени болѣе раннему, чѣмъ упоминаемый здѣсь неизвѣстный Василій; это слововыраженіе, — именно — «*Διδασκαλία πατέρων*», — нѣчто параллельное извѣстнымъ древнимъ заглавіямъ «*Διδασκαλία τῶν δώδεκα ἀποστόλων*» или просто — *ἀποστόλων*, — откуда авторъ и усмотрѣлъ параллель поминавшемуся выше надписанію «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*». Такое увлеченіе, однако, напрасное. Проф. Н. А. Заозерскій не обратилъ вниманія на то, что здѣсь сказано — не какъ ниже, при «*Κανόνες — τῶν ἁγίων πατέρων*», а просто «*Διδασκαλία — πατέρων*». Это, повидимому незначительное, опущеніе слова «*ἁγίων*» весьма много значитъ. — При такомъ выпускѣ слова «*ἁγίων*» въ заглавіи, совершенно устраняется мысль объ отношеніи имѣющагося здѣсь произведенія къ сѣдой древности и къ авторитетному источнику; въ конструкціи «*Διδασκαλία πατέρων*» — это заглавіе просто даетъ понять, что подъ нимъ заключается не иное что, какъ только изложеніе того, что вообще издавна принято въ практикѣ Церкви. Высѣтъ-же съ тѣмъ, оно даетъ понять и о своей подложности, ибо употребленіе здѣсь «*πατέρων*» безъ «*ἁγίων*» собственно создаетъ изъ получающагося при семъ заглавія одну праздную фразу. А если мы припомнимъ при этомъ, что авторъ «*Διδασκαλίας*» выражается: «это я воспринялъ» (разумѣется на

исповѣди; = «*ὡς ὁ ταπεινὸς ἐγὼ... καὶ τοῦτο ἀναδεξάμην*»; въ замѣткѣ о женской исповѣди), или — «но и этого довольно» (*ἀλλὰ τέως τοῦτο*) и пр., то нечего и говорить, что трактуемое надписаніе поставлено компиляторомъ завѣдомо ложно, въ явное противорѣчіе съ происхожденіемъ творенія.

И это сдѣлано именно *Мюнхенскимъ* компиляторомъ. Почему? Наше объясненіе въ этомъ случаѣ таково. — Въ трактуемомъ надписаніи слова — «*περὶ τῶν ὀφειλόντων ἐξαγγεῖλαι τὰ ἴδια ἁμαρτήματα*» — служатъ заглавіемъ одного произведенія, а слова — «*καὶ περὶ Βασιλείου τοῦ τέκνου τῆς ὑπακοῆς*» — заглавіемъ другого (половины Канонарія), которыя далѣе неразрывно соединены въ одно цѣлое. Естественно, у компилятора явилось желаніе объединить эти произведенія и въ надписаніи. Тогда онъ и прибавилъ слова «*Διδασκαλία πατέρων*», причѣмъ особенно и не совершилъ тяжкаго грѣха, такъ какъ и анонимаго автора первой статьи и Василія — автора второй статьи — онъ дѣйствительно могъ понимать какъ вообще «*πατέρες*». Это — одно. Другое. Разъ для поставленной имъ второю части Канонарія онъ нашелъ нужнымъ придѣлать надписаніе общаго характера — «*Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων*», то логика требовала отъ него придѣлать такого-же характера надписаніе и для разсматриваемой нами половины. И нужно сказать, съ этой стороны компиляторъ выбралъ въ выраженіи «*Διδασκαλία πατέρων*» очень удачную параллель первому надписанію, которая въ глазахъ его могла имѣть и внутренній смыслъ. Придавая второй части Канонарія заглавіемъ — «*Κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων*» извѣстный авторитетъ, онъ, насколько то возможно было не нарушая истины, придавалъ такой-же авторитетъ заглавіемъ «*Διδασκαλία πατέρων*» и первой части. И у него было для того даже и внѣшнее оправданіе, если припомнить, что и въ самомъ Канонарії содержаніе первой его части (къ коей теперь въ извѣстной мѣрѣ относится заглавіе «*Διδασκαλία πατέρων*») проводится мысль о составленіи ея и путемъ изученія матеріала вообще у позднихъ «отцовъ». — Сверхъ же всего указываемаго, не надо забывать, что предпринимая такое самоизмышленное заглавіе, да еще въ области покаянно-исповѣдныхъ уставовъ, компиляторъ, такъ сказать, не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Его коллеги въ этой области — и современники, и преемники — поступали на этотъ разъ не менѣе свободно, не задумываясь по своему-же усмотрѣнію — или

всячески передѣлывать заглавія, или устранять ихъ. Красно-рѣчивые примѣры тому, — и грузинскій текстъ номоканона, и списокъ Канонарія въ Іоасафовской кормчей, и извѣстный намъ памятникъ «'Αχαλοῦθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογημένων», и без-конечный рядъ другихъ, заключающихъ въ сущности дѣла то-же, что и Мюнхенскій номоканонъ.

Въ заключеніе всей нашей рѣчи о томъ-же надписаніи еще два специальныхъ замѣчания:

1) Если-бы надписаніе «Διδασκαλία πατέρων» дѣйствительно было исконнымъ достояніемъ первой половины настоящей компиляціи, то быть не можетъ, чтобы слѣды его не остались въ послѣдующихъ компиляціяхъ номоканона Іоанна Постника, а въ особенности исповѣднаго устава. Относясь къ послѣднему — существеннѣйшему акту въ дѣлѣ исповѣди и придавая ему съ формальной стороны извѣстный авторитетъ, оно при своей исключительности не могло-бы не обращать на себя вниманіе позднихъ писателей исповѣдно-покаяннаго устава. Между тѣмъ этого совершенно не усматривается.

2) Очень можетъ быть, что Мюнхенскій компиляторъ хотѣлъ-бы ограничиться и одною только первою половиною трактуетаго надписанія, взятаго во всемъ его цѣломъ, — и только явственно поставленное имя Василія надъ Канонаріемъ нѣсколько смутило его и онъ «между прочимъ» рѣшился добавить и вторую его половину, упоминающую объ этомъ Василіи. Этимъ внутреннимъ нежеланіемъ быть можетъ и объясняется, почему изъ указываемой второй половины здѣсь получилось нѣчто неудобовразумительное. Компиляторъ, повидимому, понималъ, что эта вторая половина — излишня, такъ какъ она должна повториться еще разъ на своемъ мѣстѣ ниже. И только намѣреніе придать цѣлый видъ своей компиляціи, въ ея первой части, вѣроятно, еще укрѣпило его въ исполненіи такого рѣшенія.

При замѣчаніи о разсмотрѣнномъ надписаніи проф. Н. А. Заозерскій называетъ «Διδασκαλία» по Мюнхенскому списку древнѣйшею редакціею Наставленія о совершеніи исповѣди. — Однако, почему именно такъ ее должно понимать, авторъ, къ сожалѣнію, не выясняетъ того — ни здѣсь, ни ниже, когда говорить объ ея происхожденіи. Мы-же, какъ то разяснено далѣе, можемъ пока сказать, что если таковою она и можетъ пони-

маться, то только въ смыслѣ выдѣленія предписаній о совершеніи исповѣди въ болѣе или менѣе специальный уставъ.

Въ виду дѣйствительнаго присоединенія къ «Διδασκαλία» Канонарія (только съ именемъ Василія), авторъ къ указанному добавляетъ, что послѣдній внесенъ сюда «въ грубо передѣланномъ видѣ» (стр. 35). Намъ думается, что какой-либо въ тѣсномъ смыслѣ переработки или передѣлки Канонарія и тѣмъ болѣе «грубой», — здѣсь собственно говоря нѣтъ. Все активное дѣйствіе компилятора на этотъ разъ обнимается исключительно тѣмъ, что онъ раздѣляетъ Канонарій на двѣ части и вноситъ ихъ въ обратномъ порядкѣ, — и вноситъ, какъ увидимъ далѣе, не безъ смысла. Правда, при такой перестановкѣ здѣсь нѣсколько строкъ и утратилось изъ текста Канонарія; но это скорѣе результатъ недосмотра; вообще-же Мюнхенскій писецъ не коснулся переработки самого текста и оставилъ его въ полной неприкосновенности, исключая только указываемой перестановки главныхъ частей.

Въ подтвержденіе того помнутаго положенія, что въ Мюнхенскомъ кодексѣ «Διδασκαλία» «какъ самостоятельное цѣлое, сохранилась наиболѣе ясно», проф. Н. А. Заозерскій говоритъ: «Такъ, хотя въ заглавіи оно выдается за произведеніе коллективнаго автора («Наставленіе — *отцовъ*»), но оно несомнѣнно есть произведеніе одного лица, изложившаго дѣйствительно традиціонное и святоотеческое ученіе о данномъ предметѣ», что-де и явствуетъ изъ выраженій ея — «(все) это я высказалъ ради нѣкоторыхъ отягчающихъ епитиміями... безчеловѣчно и неразумно» и «это я смиренный узналъ на исповѣди» (стр. 35).

Вся эта тирада возбуждаетъ не одно возраженіе, и въ частности:

1) Теоретически говоря, понимать надписаніе — «Наставленіе отцовъ», какъ указаніе на коллективное творчество настоящей статьи, — нѣтъ особенныхъ оснований; такое надписаніе вполне возможно и въ томъ случаѣ, когда единоличный авторъ хочетъ указать или усвоить источники своихъ сообщеній цѣлою совокупности отцовъ, — когда вообще дается понятъ, что матеріаломъ для даннаго произведенія послужили различныя отеческія писанія. Это скорѣе всего нужно мыслить и здѣсь, разъ въ настоящемъ памятникѣ рѣчь излагается отъ одного лица и

притомъ лица, судя по примѣрамъ, отмѣченнымъ у Н. А. Заозерскаго, съ особеннымъ удареніемъ дающаго понятіе о своемъ авторствѣ.

2) Допуская, однако, такое же пониманіе этого заглавія, какъ и Н. А. Заозерскій, мы съ другой стороны не можемъ не отмѣтить (констатируемаго и авторомъ) явнаго несоотвѣтствія его съ формою изложенія въ семь «Наставленіи» отъ имени одного и опредѣленнаго лица.

3) При томъ или другомъ пониманіи того же надписанія, оно явно противорѣчитъ и существу содержанія всего «Наставленія». Въ послѣднемъ рѣшительно нѣтъ намека о чемъ-либо изложенномъ, какъ традиціонномъ «ученіи отцовъ»; упомянутыя выраженія — «(все) это я высказалъ ради нѣкоторыхъ, отягчающихъ епитиміями, или «я смиренный узналъ на исповѣди» — ясно говорятъ намъ объ изложеніи не традиціонныхъ фактовъ, а отчасти критики этихъ фактовъ, — вообще же — личныхъ воззрѣній и опыта самого составителя, который объ этомъ своемъ опытѣ упоминаетъ и далѣе, когда касается двухъ видовъ епитимій въ отношеніи пиши и питія. Тѣмъ болѣе подъ трактующимъ надписаніемъ нѣтъ рѣчи о какомъ либо святоотеческомъ ученіи. Предположеніе о семь устраняетъ даже само надписаніе, упоминая не про святыхъ отцовъ, а вообще про *отцовъ* (въ смыслѣ представителей духовнаго міра) и ни мало не оправдывается въ самомъ содержаніи творенія, если не считать трехъ ссылокъ (несомнѣнно откуда-то заимствованныхъ) на Іоанна Златоуста, Василия Великаго и Григорія Богослова по частному для главной задачи статьи вопросу. — Все это существенное противорѣчіе заглавія и содержанія «*Διδασκαλίας*», — добавимъ, — еще разъ подтверждаетъ намъ, что оно именно измышленіе компилятора Мюнхенскаго кодекса.

Отмѣчая, какъ выраженіе законченности статьи, имѣющееся въ концѣ ея замѣчаніе — «*καὶ ἄλλα μὲν ἀλλὰ τέως τοῦτο*» (= по автору — «и иное (хотѣлъ-бы я) сказать, но пока и сего довольно»), проф. Н. А. Заозерскій, къ своей же невыгодѣ, не упоминаетъ, что это выраженіе имѣетъ собственно частное значеніе и именно относится къ исчисленію женскихъ грѣховъ. Будь оно вообще заключительнымъ, въ немъ было-бы прямое свидѣтельство того, что авторъ Наставленія не закончилъ надлежаще своей задачи по составленію устава исповѣди.

Наконецъ, проф. Н. А. Заозерскій отмѣчаетъ здѣсь же, что всю трактующую теперь статью компиляторы обыкновенно отдѣляютъ въ концѣ отъ дальнѣйшихъ статей типичною фразою — «и это о точномъ испытаніи женщины и о томъ, какъ надлежитъ исповѣдывать» (стр. 35). Мы должны сказать, что эта заключительная фраза — не компиляторовъ. Она неизмѣнно повторяется во всѣхъ древнѣйшихъ изводахъ сего наставленія («*Ἀχολουθία καὶ τάξις*», «*Λβυρος*», славянск пер въ ркп. Румянц. муз. № 230) и несомнѣнно выраженіе, принадлежащее самому составителю «*Διδασκαλίας*», имѣющее для себя аналогію въ выше употребленномъ ими — «*καὶ ταῦτα μὲν περὶ ἀνδρῶν*». Употребленіе его и въ Мюнхенскомъ спискѣ; списокъ неповрежденномъ (исключая сокращеній), тѣмъ болѣе говоритъ о томъ же. Да Мюнхенскому компилятору, при характерѣ его компиляціи, не за чѣмъ было и ставить такое выраженіе, ибо въ присоединенной далѣе части Канонарія онъ видѣлъ еще другой уставъ исповѣди, и слѣдовательно не могъ понимать свою рѣчь о томъ же пока оконченною.

Но этого мало. Разсматриваемой фразы никакому компилятору и не было необходимости ставить. Правда, этимъ выраженіемъ здѣсь заканчивается отдѣлъ или рѣчь о совершеніи исповѣди. Но далѣе, вѣдь, здѣсь же слѣдуютъ не другія *постороннія* статьи, какъ думаетъ авторъ, а *другая половина* той же самой «*Διδασκαλίας*», ея окончаніе, которое трактуетъ о наложеніи епитимій, — иначе говоря, слѣдуетъ — относящійся сюда *покаянный* уставъ, какъ это убѣдительно установлено проф. Н. С. Суворовымъ⁵⁹⁾; наглядное подтвержденіе этому имѣется въ переводномъ спискѣ по ркп. Румянц. муз. № 230. — Да, наконецъ, и самый характеръ фразы — «*καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῆς ἀκραφνοῦς... καὶ πῶς ἐξομολογεῖσθαι*» — само собою указываетъ, что за нею слѣдуетъ что-то другое, которое служить уже равнѣе предположеннымъ дополненіемъ или продолженіемъ исполненной теперь части. — Начало слѣдующаго затѣмъ отдѣла словами — «*Ἄ: δὲ ἐπιτιμῆσεις καὶ διαφοραὶ τῶν ἐπιτιμῶν εἰσὶν αὐταί*» — вполне подтверждаетъ это.

⁵⁹⁾ См *ibid.*, стр. 22—23 и 30—41.

На стр. 35—37 проф. Н. А. Заозерскій даєть обстоятельный, но скорѣе библиографическій обзоръ всего изложеннаго въ «Дидаскаліи» устава исповѣди, начиная съ пролога. Мы можемъ сдѣлать здѣсь только одно общее замѣчаніе. Разъ сверхъ настоящаго устава исповѣди имѣется такой-же элементарный уставъ и въ Канонаріи и разъ авторъ даєть понять, что первый есть только болѣе подробное наставленіе по сему-же предмету (стр. 35), — намъ думается, по крайней мѣрѣ для нагляднаго установленія дѣйствительности такого взгляда, въ его задачѣ было болѣе или менѣе подробно сравнить эти два устава. Быть можетъ такое сравненіе сослужило-бы нѣкоторую службу и самому автору и избавило-бы его еще отъ одного ошибочнаго воззрѣнія весьма большой важности, рѣчь о которомъ имѣеть быть ниже.

Умѣстно сдѣлать здѣсь и два спеціальныхъ замѣчанія: 1) Авторъ говорить (стр. 36), что въ «Διδασκαλία» подробное испытаніе... именно плотскихъ грѣховъ [т. е. противъ заповѣдей VII, VI и VIII]. Мы должны сказать, что здѣсь затрогивается грѣхъ и противъ первой заповѣди; но въ отношеніи всѣхъ грѣховъ, не касающихся 7-й заповѣди, нѣтъ никакого подробнаго испытанія, а бѣгло сказано: «καὶ περὶ φόβου, καὶ κλεμμάτων καὶ ἀρνύσεως λογαρίου ἐρωτᾶν αὐτόν». 2) Указывая, что по составителю «Διδασκαλίας» епитимія должна налагаться, исходя изъ индивидуальнаго состоянія исповѣдника, авторъ приводитъ (въ подтвержденіе) въ переводѣ мѣсто подлинника: «возможно, что и малогрѣшному...» и пр. Но авторъ забываетъ, что эти разсужденія творца «Διδασκαλίας» не иное что, какъ нѣсколько варіированное извлеченіе изъ Канонаріи⁶⁰).

По отмѣченномъ обзорѣ содержанія «Διδασκαλίας» проф. Н. А. Заозерскій особенно указываетъ, что рядомъ съ внѣшними признаками единства и законченности «Наставленіе» выдерживаетъ и единство идеи, — той, что «исповѣдь есть таинство велиаго божественнаго милосердія». Этого мы коснемся нѣсколько ниже. Какъ выводъ отвода, авторъ говорить: 1) «должно полагать», что «Διδασκαλία...» «нѣкогда существовало въ отдѣльномъ видѣ»

⁶⁰) Ср. Н. С. Суворовъ, *ibid.*, стр. 44; рассматриваемая книга тексты, стр. 71.

и 2) что оно — произведеніе — несомнѣнно древнее: V—VI вѣка» (стр. 37).

Что «Διδασκαλία» существовала отдѣльно, — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но она существовала не въ томъ объемѣ, какъ обозрѣлъ ее содержаніе авторъ, а — совместно со второю половиною, которая отчасти сохранилась и въ Мюнхенскомъ спискѣ, но еще болѣе въ «Ἀπολόγητα καὶ τάξις», и въ полномъ объемѣ въ переводѣ по ркп. Румянц. муз. № 230, и которая уже чисто каноническаго характера, — словомъ существовала — не какъ только уставъ исповѣди, а какъ уставъ исповѣдно-покаянный, обнимающій покаяніе грѣшника со всѣхъ сторонъ. Если-бы авторъ хотя нѣсколько сравнилъ на этотъ разъ — Мюнхенскій списокъ, «Ἀπολόγητα» Морина и «Λόγος» и списокъ въ Румянцевской ркп., онъ самъ пришелъ-бы къ такому заключенію и не сдѣлалъ-бы столь важнаго упущенія, какъ избѣгъ того проф. Н. С. Суворовъ, труду котораго мы и всецѣло обязаны въ семъ случаѣ цѣнными указаніями. Такимъ образомъ, если «Διδασκαλία πατέρων» и существовала отдѣльно, то какъ исповѣдно-покаянный уставъ — параллельный по своему содержанію и значенію Канонарію.

При наличности такого факта, однако, должно-бы казаться страннымъ, почему-же тогда Мюнхенскій компиляторъ присоединяетъ къ «Дидаскаліи» Канонарію, разъ въ ней было свое руководство по наложенію епитимій? На это, во-первыхъ, можно сказать, что такая странность въ одинаковой мѣрѣ должна представляться при подобномъ соединеніи и съ точки зрѣнія содержанія въ несомнѣнной части «Διδασκαλίας», т. е. — какъ исповѣднаго устава, такъ какъ этотъ уставъ имѣется и въ Канонаріи. Другое же — для такого соединенія у Мюнхенскаго компилятора дѣйствительно было основаніе; при немъ составлялся компилятивный исповѣдно-покаянный уставъ болѣе логической конструкции, чѣмъ это есть въ Канонаріи (сначала уставъ объ исповѣди, а затѣмъ — уставъ по наложенію епитимій, какъ именно и должно быть). Тогда спрашивается, почему-же при томъ-же соединеніи Мюнхенскій компиляторъ отбрасываетъ отъ «Διδασκαλίας» почти всю ея вторую часть, обнимающую епитимійное руководство? Отвѣтъ, намъ думается, простой: въ Канонаріи, при тождествѣ въ немъ основнаго взгляда на епи-

ководство по наложенію ихъ разработано болѣе но.

т, «*Διδασκαλία*» полный исповѣдно-покаянный уставъ... льно-ли, затѣмъ, она настолько древнее произведение, что ее можно отнести къ V—VI в., какъ говорить проф. Н. А. Заозерскій?

Въ подтвержденіе такой, можно сказать, исключительной древности онъ указываетъ цѣлый рядъ оснований. И именно: 1) Номоканонъ въ Мюнхенскомъ кодексѣ «нельзя не признавать только копією, предполагающею *несравненно* болѣе древній оригиналъ», такъ какъ «рука писавшая ее довольно невѣжественна...». 2) Въ Мюнхенскомъ кодексѣ (X в.) «*Дидаскалія*» стоитъ уже въ связи съ Канонаріемъ монаха Іоанна. 3) «*Наставленіе*» имѣется въ древне болгарскомъ переводѣ (Устюжской и Іоасафовской кормчихъ) уже съ распространеннымъ прологомъ, такъ что «значить греческій оригиналъ былъ составленъ много ранѣе древне-болгарскаго перевода». и 4) Различіе монахинь великаго и малаго образа [(μικρὸν— и μεγάλον-σχῆμα), имѣющее приложеніе и къ «*Дидаскаліи*», быть можетъ позднѣйшая интерполяція (стр. 37—39).

На всѣ эти основанія мы имѣемъ сказать слѣдующее:

На первое. Заключать отъ невѣжественности писавшей руки къ тому, что былъ *несравненно* болѣе древній оригиналъ, вообще говоря, нѣтъ оснований, какъ уже разъ дано понять выше. Но что касается до признанія здѣсь вообще копіи, то объ этомъ, конечно, не можетъ быть ни малѣйшей рѣчи, однако, — не по доказательству невѣжественной руки. О томъ явно говорить сама собою эта несуразная композиція въ одно цѣлое двухъ пенитенціаловъ. Если-бы при такомъ условіи «*Дидаскалію*» признать здѣсь оригинальнымъ текстомъ, то заранѣе нужно предвидѣть, что ея авторъ никогда-бы не допустилъ столь безкритическаго присоединенія къ ней цѣлаго Канонарія, а составилъ бы изъ него осмысленную переработку, логически связанную съ самою «*Дидаскалією*».

На второе. Откровенно говоря, мы совершенно не можемъ понять такого основанія. Оно рѣшительно не можетъ говорить болѣе того, что къ X-му в. уже существовали рядомъ оба памятника — и «*Дидаскалія*» и Канонарій монаха Іоанна. Мы

понимали-бы на этотъ разъ, какъ доказательство, развѣ только то, если-бы въ спискѣ Канонарія X в., — спискѣ древнѣйшемъ, оказалось-бы вліяніе на него и «*Дидаскаліи*». Но такого вліянія какъ разъ и не наблюдается.

На третье. Во первыхъ — неизвѣстно въ точности, когда собственно былъ сдѣланъ болгарскій переводъ? А затѣмъ, при томъ хозяйничаньи компиляторовъ въ области пенитенціаловъ, какое наблюдается уже въ X в. и въ дѣятельности компилятора того-же самаго Мюнхенскаго кодекса, — весьма рискованно говорить объ особенно позднемъ происхожденіи усложненій къ первоначальнымъ ихъ текстамъ, особенно столь незначительныхъ, какъ предполагаемое теперь усложненіе предисловія (въ древне-болгарскомъ переводѣ); оно могло явиться также очень скоро и по происхожденію оригинала. Не говоримъ уже о томъ, что-же мѣшаетъ здѣсь и обратному представленію?

И на четвертое. Предположеніе проф. Н. А. Заозерскаго о возможности считать интерполяцію замѣтку, различающую монахинь великаго и малаго образа, — съ принципиальной точки зрѣнія — не обосновательно. Что дѣйствительно интерполяціи въ покаянномъ номоканонѣ были зауряднымъ явленіемъ, это, можно сказать, — фактъ, не нуждающійся ни въ какихъ подтвержденіяхъ. Но здѣсь такой интерполяціи признать нѣтъ рѣшительно никакихъ оснований. Правда, авторъ говоритъ, что словъ — «*ἡ καὶ μεγάλῃσχημῶν καὶ μικρῶσχημῶν, ὡς βλαυδροῖ*» (каковыя и составляютъ предположенную и желательную для автора прибавку) нѣтъ въ славянскомъ переводѣ (по Устюжской и Іоасафовской кормчимъ). И дѣйствительно, буквально въ такомъ изложеніи ихъ здѣсь нѣтъ; но самъ-же авторъ приводитъ оттуда выдержку, въ которой читается: «аще оубо бѣша отъ нихъ (согрѣшившихъ съ мужчинами женщинъ) еда меншицѣ (т. е. монахини малаго образа), еда великіа скимница и колико» (стр. 39). Такъ — какъ же это — нѣтъ? Очевидно, есть, но только въ сокращеніи, безъ указанія на епитимію для тѣхъ и другихъ. — Но собственно говоря, здѣсь и по другому условію не можетъ быть рѣчи объ интерполяціи именно всѣхъ этихъ словъ. Все это мѣсто, исчисляющее женщинъ, вступающихъ въ плотскую связь съ мужчинами, вмѣстѣ съ отмѣткою различія монахинь двухъ образцовъ, не что либо другое, какъ почти буквальное и

во всякомъ случаѣ несомнѣнное заимствованіе изъ Канонарія монаха Іоанна, гдѣ онѣ, конечно, уже не могутъ пониматься позднѣйшею интерполяціею.

Въ результатѣ всѣ приводимыя проф. Н. А. Заозерскимъ доказательства древности «*Διδασκαλίας*», — по нашему мнѣнію, — не имѣютъ никакой силы. Между тѣмъ, какъ сказано, авторъ относитъ ея происхожденіе къ столь далекой древности, какъ V—VI вв. Мало того, не отмѣчая въ содержаніи памятника ни одной внутренней черты, какъ несомнѣнно оправдывающей такое его предположеніе, — онѣ, въ дополненіе къ сему, говоритъ — «мы не находимъ невозможнымъ приписать его именно Іоанну Постнику — патриарху или кому либо изъ современниковъ его», «принимая во вниманіе идейную сторону и сходство его заглавія съ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*» (стр. 38). На сколько ссылка на «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*» можетъ имѣть здѣсь силу, — о томъ ясно даетъ понять все сказанное нами выше относительно ея происхожденія. Но допустимъ даже, что послѣдній памятникъ и принадлежитъ Іоанну Постнику и надписаніе его (въ цѣломъ) есть изначала подлинное... Неужели на столь эфемерномъ при знакъ, какъ тожество одного термина «*Διδασκαλία*» въ надписаніи и этого памятника и рассматриваемаго нами, можно утверждать тожество и автора для того и другого? Не говоримъ уже о томъ, что одинаково употребленный терминъ «*Διδασκαλία*» въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ совершенно различное значеніе: въ одномъ — онѣ связывается съ объектомъ (*μοναζουσῶν*) наставленія, въ другомъ — съ представленіемъ его автора («*πατέρων*»).

Что-же касается до идейной стороны, то она какъ разъ можетъ говорить только противъ автора. По внутренней идеѣ памятника «*Διδασκαλία πατέρων*» искренняя исповѣдь сама въ себѣ снимаетъ всю тяжесть грѣховъ, открываемыхъ грѣшникомъ, и очищаетъ его отъ всякой нечистоты. Эта мысль настойчиво проводится здѣсь — и въ враткомъ прологѣ къ Наставленію и въ самомъ исповѣдномъ уставѣ. Она по воззрѣнію «*Διδασκαλίας*», какъ справедливо обобщаетъ проф. Н. А. Заозерскій, — «великое таинство Божественнаго милосердія», примѣнительно къ чему, — чѣмъ сильнѣе и искреннѣе раскаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ на исповѣди, тѣмъ менѣе должна имѣть значеніе формальная сторона епитиміи. — Словомъ, въ «*Διδασκαλία πατέρων*»

сакраментальное значеніе исповѣди отмѣчается съ особеннымъ удареніемъ и ученіе о ней предполагается сформировавшимся во всѣхъ частностяхъ. Полагаемъ, однако, — согласится и авторъ, — что подобное воззрѣніе, какъ детально сформулированное и общесоциальное, — есть фактъ болѣе поздняго времени, нежели должно бы думать согласно его заключенію.

Въ прим. на стр. 38 проф. Н. А. Заозерскій хочетъ подтвердить рассматриваемое теперь его положеніе еще и тѣмъ, что обрядовыя черты исповѣди въ «*Διδασκαλία πατέρων*» («*сунаствдованы*, можно думать, отъ публичной исповѣди въ вѣгѣ Іоанна Постника»), для чего и приводитъ примѣръ такой исповѣди изъ Лѣтвицы Іоанна Синайскаго, современника Іоанна Постника. Примѣръ этотъ касается, однако, не исповѣди самой въ себѣ, а особаго, исключительнаго случая при поступленіи въ монашество. Съ другой стороны, отмѣчаемыя здѣсь черты, якобы заимствованныя отъ публичной исповѣди, суть именно не могущія быть признанными за таковыя. Такъ паденіе исповѣдника ницъ предъ алтаремъ (или гдѣ-либо еще) есть естественное символическое дѣйствіе при глубокомъ сознаніи своего тяжко и много-грѣховнаго паденія. А что касается до подробной и обстоятельной повѣсти во грѣхахъ, совершенныхъ отъ дней юности, то требованіе ея указываетъ только на такіе факты: а) въ древности не было принято являться на исповѣдь еще въ дни дѣтства и отрочества; б) подлежащими раскаянію и вмѣненію тогда считались только грѣхи, допущенные уже въ болѣе или менѣе сознательномъ возрастѣ (какъ о томъ отчасти даетъ понять особенное вниманіе къ 30-ти лѣтнему возрасту въ Канонарії монаха Іоанна); в) при необязательности (— формальной) исповѣди, въ древней практикѣ являлись къ ней въ первый разъ обыкновенно поздно (иногда даже при смерти), а женщинамъ, въ виду подозрѣнія ихъ въ постоянной подверженности спеціально-женскимъ тяжкимъ грѣхамъ за болѣе молодые годы, — и вовсе рекомендовалось приступать къ ней «заматорѣвшими»; и г) исполненіе исповѣди тогда многіе считали для себя дѣломъ тягостнымъ, почему даже предполагалось, что примѣненіе долгихъ и суровыхъ епитимій и вовсе охладитъ желаніе значительнаго числа лицъ быть съ раскрытіемъ недуговъ души своей у духовника.

По нашему мнѣнію, напротивъ, нѣкоторыя уставныя черты «*Διδασκαλίαις πατέρων*» именно свидѣтельствуютъ сами по себѣ о болѣе позднемъ ея происхожденіи. — Такъ, въ противоположность Канонарію, совершеніе исповѣди предполагается здѣсь (кромѣ возможныхъ по необходимости случаевъ) собственно въ храмѣ; слѣдовательно, исповѣдь понимается институтомъ уже болѣе формально-литургическаго характера, чѣмъ это мы видимъ въ Канонаріи. И затѣмъ, — какъ мужчины, такъ и женщины здѣсь понимаются одинаково ординарными исповѣдниками — въ большей мѣрѣ, чѣмъ это наблюдается по Канонарію. Этотъ послѣдній фактъ даетъ понять намъ, что въ данномъ случаѣ уставъ исповѣди по «*Διδασκαλίαις*» уже переноситъ ея совершеніе изъ стѣнъ монастыря (какъ это есть по Канонарію) въ храмы для мірянъ. Къ послѣднему, наконецъ, имѣетъ близкое соотношеніе и отсутствіе въ «*Наставленіи отцовъ*» особеннаго вниманія къ классу монашествующихъ лицъ, а также введеніе въ вопросную статью упоминанія и о другихъ грѣхахъ, сверхъ грѣховъ противъ 7-й заповѣди. — Все это, несомнѣнно, такіе факты, которые получили мѣсто, когда исповѣдь становится болѣе или менѣе формально-обязательнымъ для всѣхъ актовъ, — становится, такъ сказать, институтомъ, обычно обязательнымъ для каждаго вѣрующаго чрезъ извѣстные промежутки времени, — что не могло еще стать въ V—VI вѣкахъ.

Итакъ, никакихъ данныхъ нѣтъ за происхожденіе «*Διδασκαλίαις*» въ столь раннее время, какъ V—VI в., и тѣмъ болѣе нѣтъ никакихъ данныхъ усвоить ея авторство патріарху Іоанну Постнику. — Ихъ, однако, не только нѣтъ, но и совершенно не можетъ быть, ибо — занимающее насъ «*Διδασκαλίαις πατέρων*» есть не иное что, какъ сокращенная переработка, съ удержаніемъ не только мыслей, порою детальныя и характерныя особенностей, но даже и буквальныхъ выраженій, — того-же самого Канонарія монаха Іоанна, — переработка, неизвѣстно въ точности когда явившаяся, но несомнѣнно далеко равнѣ Мюнхенскаго компилятора, такъ какъ онъ понимаетъ ее уже особымъ уставомъ. Что это дѣйствительно такъ, достаточно хотя-бы бѣгло сравнить нижеслѣдующія буквальные выписки изъ Канонарія съ соотвѣтствующими мѣстами въ «*Διδασκαλίαις πατέρων*»;

(Къ предисловію:)

«...οὐ βλέποντες εἰς πλῆθος ἁμαρτημάτων... ἢ πάλιν εἰς ὄγκον ἁμαρτημάτων...» (стр. 73; ср. и слѣдующее тамъ-же съ изд. Н. С. Суворова, стр. 42).

(Къ предъ-исповѣдной части:)

«...ὄφειλε: ὁ ἐξομολόγησιν δεχόμενός τις: ἐν ἐκκλησίᾳ, ἢ ἄλλῃ τινὶ κρυπτῇ τόπῳ προσηγεῖ ὄμματι... ἐνώπιον ἐκείνου εἶναι λέγειν, εἴθ' οὕτω τὸν ξύψαλον λέγειν μετὰ τοῦ Τρισαγίου καὶ συνευχεσθαι αὐτῷ μικρὴν, ἀποσκεπάζειν δὲ αὐτοῦ τὴν κεφαλὴν, ἐὰν ἀνὴρ ἔσται...» (Н. А. Заозерскій, стр. 73—75; ср. Н. С. Суворовъ, стр. 42).

[«καὶ ποιεῖν αὐτὸν κείμενον... ἀνιστᾶν αὐτὸν» по «*Διδασκαλίαις*» = грузинскому перев. тексту; Н. А. Заозерскій, тексты, стр. 74; ср. Н. С. Суворовъ, стр. 43].

«Καὶ τότε ἀνιστᾶ αὐτὸν... καταφιλεῖ... εἰ ὄνατον δὲ καὶ τὴν χεῖρα αὐτοῦ τιθένα ἐπὶ τὸν ἑαυτοῦ τράχηλον... καὶ μάλιστα εἰ ὄρᾳ αὐτὸν ὑπὸ ἀφορήτον λόπης βαπτίζομενον»(?)... (стр. 75, послѣ исповѣди; ср. Н. С. Суворовъ, стр. 43).

(Къ самой исповѣди:)

«...ὁμολογῶν ὄφειλε εἰπεῖν καὶ εἰς πόσα πρόσωπα ἔπεσεν, τούτεστι γυναῖκας... καὶ ὅποια ἦσαν τὰ πρόσωπα... τούτεστι πόσαι πόρνοι, πόσαι χῆραι καὶ πόσαι δοῦλοι καὶ πόσαι μεγάληςχημοὶ μονάστριαι, καὶ πόσαι ἱερωμένοι... αἱ γὰρ μικρόσχημοὶ μονάζουσαι... ὡς πόρνοι κρίνονται.» (стр. 59—61, послѣ рѣчи о 10-ти видахъ исповѣдающихся; ср. Н. С. Суворовъ, стр. 43).

«Ἡ ἀρτενοκοιτία τρεῖς ἔχει τὰς διαφορὰς: ἄλλο γὰρ τὸ παθεῖν παρ' ἄλλου, τὸ καὶ κουφότερον... ἕτερον δὲ τὸ ποιῆσαι, ὃ καὶ βαρότερον τοῦ παθεῖν: παρ' ἄλλου παθεῖν καὶ ποιῆσαι εἰς ἕτερον πάσης ἀνείη ἀπολογίας ἀλλότριόν.» (стр. 25, въ описаніи видовъ грѣха, глава IV; ср. Н. С. Суворовъ, стр. 43).

«Τὸ δὲ τῆς κτηνοβατίας... εἶδος μίαν καὶ μόνην ἔχειν διαφορὰν...» (стр. 27, описаніе видовъ грѣха, глава VI; ср. *ibid.*).

«...διαφορὰς δύο [τῆς μαλακίας]: τὴν γὰρ μίαν... διὰ τῆς μιᾶς χειρὸς... τὴν δὲ δευτέραν... ὑπόυργουδντας δούλους ἢ ἐλευθέρους τὰς ἐκκρίσεις ποιοῦνται...» (стр. 21—23; описание видовъ грѣха, глава I; ср. Н. С. Суворовъ, *ibid.*).

(и предшествующее касается многовидности кровосмѣше, нія...) «...ἕτερον γὰρ τὸ εἰς δύο ἀδελφάς... ἐκ πατρὸς ἢ καὶ ἐκ μητρὸς, καὶ ἕτερον τὸ εἰς κατ' ἀμφοτέρα πεσεῖν τὸ γὰρ εἰς μητριαν ὅμοιον... ἄλλο τὸ εἰς νόμφην ἀδελφοῦ... τὸ δὲ ἐλεεινότερον καὶ εἰς ἰδίαν μητέρα...» (стр. 27, опис. видовъ грѣха, глава VII; ср. Н. С. Суворовъ, стр. 44).

«Ἔστι δὲ καὶ ἡ πνευματικὴ αἰμομιξία εἰς δύο διηρημένη, εἰς τὴν τις ἐδέξατο θυγατέρα, καὶ εἰς αὐτὴν ἐκείνην τὴν ἰδίαν συντέκνισσαν...» (стр. 31, опис. видовъ грѣха, та же глава; ср. *ibid.*).

«Ἔστι δὲ καὶ γυναικεία ἀρσενοκομία, εἰς τὴν οἱ ἄνδρες... ἐπὶ τὸν ἀφεδρῶνα... γυναικας πορνεύουσιν... πολλάκις δὲ τὰς ἰδίας...» (стр. 29, тамъ-же; ср. Н. С. Суворовъ, *ibid.*).

«...τότε ρίπτειν αὐτὸν ἐπὶ τὴν γῆν... καὶ ἐκείνου αὐτοῦ κατακαμιμένου ἄρχεται, λέγων οὕτως. *Εὐχή*». (стр. 75; ср. *ibid.*, стр. 44).

(По совершениі исповѣди:)

«Καὶ τότε ἀνιστᾷ αὐτὸν... καὶ μετὰ ταῦτα καθέζεται μετ' αὐτοῦ, καὶ ἐπερωτᾷ αὐτὸν... ποῖον... βούλοιο λαβεῖν ἐπιτίμιον» (стр. 75—77; ср. *ibid.*, стр. 44).

«...περὶ δὲ βρώσεως καὶ πόσεως, ὡς ἔχει ἐκάστου φύσις καὶ ἰσχὺς ὄρισται» (стр. 63; ср. *ibid.*).

«Ὅμως ὁ δεχόμενος..., ὀφείλει ὄραν καὶ νεήγτα καὶ γῆρας, καὶ δύναμιν καὶ ἀδυναμίαν, καὶ τόπου διαφορὰν... ὀφείλει ὁ ἀναδεχόμενος καὶ τὸν ἄνθρωπον δὲ καὶ τὴν ὥραν, καὶ τὸν τόπον, καὶ τὴν βίαν, καὶ τὴν ἄνεσιν καὶ οὕτως ἐπιτιμᾶν...» (стр. 47—49, въ разъясненіяхъ относительно смягченныхъ епитимій; ср. *ibid.*).

«Ἐνδέχεται γὰρ, ἵνα ὁ ὀλιγαμάρτητος καὶ πρόθυμος σφοδρότερον καὶ μακρότερον ἐπιτιμηθῇ: ὅπως οὐκ ἄρσιν μόνον ἁμαρτιῶν, ἀλλὰ καὶ μισθὸν λάβοι παρὰ τοῦ τὰς προθέσεις ἀποδεχομένου... Καὶ πάλιν ἐνδέχεται, ἵνα ὁ πολυαμάρτητος καὶ βράθυμος... ὀλιγότερον πολὺ κατὰ πάντα καὶ

συμπαθέστερον, ἵνα καὶ ὡς ποτε σωσθῇ, καὶ μὴ ἀπολεσθῇ» (стр. 71, послѣ «Ὅροι»; ср. Н. С. Суворовъ, *ibid.*).

«...ὁ μέγας Βασιλεὺς εἰπὼν... οὐ γὰρ πάντως τῷ χρόνῳ τῆς μετανοίας προσέχομεν ἐξουσίαν δὲ ἔχει ὁ ἐμπιστευθεὶς παρὰ τῆς τοῦ Θεοῦ φιλανθρωπίας λύειν τε καὶ δεσμεῖν ἢ φιλανθρωποτέρως μὲν ὅταν τὸ ὑπερβάλλον τῆς ἐξομολογήσεως ὀρών τοῦ ἡμαρτηκότος εἰς τὸ ἐλαττώσαι τὸν χρόνον τῶν ἐπιτιμιῶν οὐκ ἔσται καταγνώσεως ἄξιος...» (стр. 77—79, въ заключеніи; ср. *ibid.*, стр. 45).

«...αἱ δὲ γυναῖκες φαίνονται πῶς πλείονα ἐρευνᾶσθαι... φθάνουσι γὰρ καὶ ἐπὶ μαγεῖων καὶ φαρμακειῶν... καὶ φόνους δὲ μυρίοις τρόποις διὰ τῶν συλλήψεων κατατολμῶσι καὶ ἄλλη μὲν πρὸ τῆς συλλήψεως βοτάναις... τούτεστι κατὰ μῆνα φονεύουσαι» (стр. 63; ср. *ibid.*).

(Ср. еще относительно причащения и поста, стр. 63 и у Н. С. Суворова, тамъ-же).

Сравненіе всѣхъ этихъ вымѣтокъ изъ Канонарія съ «*Διδασκαλία πατέρων*», — при малѣйшемъ вниманіи, само по себѣ, безъ всякихъ комментаріевъ, съ нагляднѣйшею очевидностью убѣдитъ каждаго въ вѣрности нашего утвержденія по вопросу о происхожденіи послѣдней. Проф. Н. А. Заозерскій не предпринялъ такого сравненія и настолько слабо отнесся къ его необходимости, что приводя (въ переводѣ) тирады изъ Дидаскаліи, не усмотрѣлъ заимствованія ихъ изъ Канонарія. Только вслѣдствіе этого имъ и усвоенъ здѣсь ложный взглядъ на древность и происхожденіе «*Наставленія отцовъ*». Впрочемъ, такъ смотритъ не онъ одинъ; такое-же по нашему сужденію ошибочное воззрѣніе, хотя съ менѣе сильною окраскою, допущено и издавшимъ Дидаскалію проф. Н. С. Суворовымъ⁶¹⁾.

Помимо предлагаемаго теперь сравненія, однако, позволимъ указать и на нѣкоторыя наши соображенія и наблюденія, которыя тѣмъ болѣе устанавливають твердость и правильность нашего положенія:

1) Въ «*Διδασκαλία πατέρων*» уставу исповѣди предпосылается краткое предисловіе. При его чисто теоретическомъ содержаніи,

⁶¹⁾ См. *ibid.*, стр. 20—22 и 115.

въ виду формальнаго характера и практическаго назначенія Дидаскаліи, въ такомъ предисловіи на этотъ разъ рѣшительно не было никакой внутренней необходимости, тѣмъ болѣе что составляющія его два положенія съ большімъ удобствомъ могли быть изложены въ самомъ уставѣ. И оно могло явиться здѣсь только подъ вліяніемъ какого-либо чисто внѣшняго мотива. Такимъ мотивомъ, по нашему мнѣнію, только и могло быть наблюденіе особаго предисловія въ Канонаріи, предисловія того-же теоретическаго свойства. Другой мотивъ подыскать здѣсь весьма трудно. Этимъ между прочимъ и объясняется, почему въ послѣдствіи, при дальнѣйшихъ компиляціяхъ «Дидаскаліи», содержаніе сего предисловія перешло собственно въ содержаніе заглавія.

2) Въ Канонаріи рекомендуется духовнику при исповѣди класть руку исповѣдника на свою шею; то-же самое мы находимъ и въ «Дидаскаліи», причемъ символическій смыслъ этому дѣйствию въ томъ и другомъ памятникѣ усвоится одинъ и тотъ-же. Это опять-таки говоритъ о зависимости послѣдней отъ перваго. При этомъ только авторъ «Дидаскаліи» совершенно правильно предписываетъ осуществленіе указываемаго дѣйствія еще до начала исповѣди и продолженіе его во все время ея совершенія. При такомъ условіи, дѣйствительно, оно получаетъ болѣе шій смыслъ, а не имѣетъ характеръ формально-обрядоваго дѣйствія, какъ это есть по Канонарію.

3) Въ «Дидаскаліи», какъ и въ Канонаріи, центромъ тяжести въ отношеніи исповѣдуемыхъ грѣховъ въ одинаковой мѣрѣ понимаются грѣхи противъ 7-й заповѣди. И здѣсь исповѣдь — съ нихъ должна начинаться и почти исключительно имъ однимъ посвящаться. При этомъ въ «Дидаскаліи» испытаніе въ паденіи плотскими грѣхами рекомендуется производить при такомъ ихъ распорядкѣ: сначала относительно блуда (+ малавіи) и прелюбодѣянія (что отмѣчается глухо), и затѣмъ объ — «ἀρρενομανία», «κτηνοβατία» и, наконецъ, «αἰμοφιλία» — въ физическомъ, а потомъ и духовномъ значеніи (и въ послѣднемъ случаѣ только въ тѣхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ указывается то и Канонаріемъ) и сверхъ того въ противоестественномъ примѣненіи («ἀρρενομανία μετὰ τῶν ἰδίων ὀνομασίων»). Такой порядокъ буквально воспроизводитъ собою порядокъ исчисления плотскихъ грѣховъ,

принятый въ Канонаріи при описаніи ихъ видовъ, съ пропускомъ только «παῖδοφθορίας» (что могло быть дѣломъ случая), но съ отмѣткою (и порою въ буквально тождественныхъ словахъ) тѣхъ-же видовъ и съ такою-же степенью вниманія къ тому или другому грѣху (напр. съ указаніемъ на прелюбодѣяніе только — побочнымъ образомъ). Только одна важная особенность здѣсь, это — указаніе видовъ «μαλακίας» не на своемъ мѣстѣ (предъ «κτηνοβατία»); — но это могло быть результатомъ и случайной забывчивости писца, а можетъ быть объясняется его представленіемъ, что «μαλακία» также есть «παῖδοφθορία» въ извѣстномъ смыслѣ; на послѣднее наводитъ мысль нѣкоторымъ образомъ тотъ фактъ, что упоминаніе (специально о семъ грѣхѣ) стоитъ здѣсь почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должна-бы быть рѣчь о «παῖδοφθορία».

4) «Διδασκαλία πατέρων» какъ-бы вскользь упоминаетъ объ убійствѣ и затѣмъ прибавляетъ относительно не отмѣченныхъ въ самомъ Канонаріи грѣховъ: «περὶ κλεμμάτων καὶ ἀρνήσεως λογάρου». — Въ Канонаріи о первомъ и на томъ-же мѣстѣ говорится также бѣгло; а что касается до послѣднихъ двухъ грѣховъ, то рѣчь о нихъ имѣется въ дополнительной къ Канонарію епитиміиной статьѣ, предназначенной сначала для женскихъ епитимій (только уже въ пространной редакціи), откуда, очевидно, это упоминаніе и занесено въ нашъ памятникъ.

5) Въ Канонаріи при *общемъ* обзорѣ грѣховъ, подлежащихъ исповѣди, совершенно упускаются изъ вниманія грѣхи женскіе; буквально то-же самое мы находимъ и въ «Διδασκαλία».

6) Въ томъ-же Канонаріи относительно исповѣди женщинъ говорится отдѣльно въ особой замѣткѣ. «Διδασκαλία» и въ этомъ отношеніи представляетъ буквальную аналогію Канонарію, причемъ и здѣсь компиляторъ съ такою-же болѣею подозрительностью относится къ грѣховности женщинъ и отмѣчаетъ тѣ-же самые специальные виды ихъ грѣховъ въ древности.

7) Нечего и говорить, наконецъ, что во второй заключительной части «Διδασκαλίας» — различіе исповѣдниковъ по возрасту примѣнительно къ 30-ти годамъ, самыя епитиміи, два вида поста для епитимійцевъ — все составлено подъ прямымъ воздѣйствіемъ Канонарія. Говоря о послѣднемъ — т. е. двухъ

видахъ поста, — добавимъ, — составитель «*Διδασκαλία*» сообщаетъ собственно о своей личной духовнической практикѣ; отсутствие какого либо объясненія съ его стороны для оправданія такой практики само собою говоритъ, что въ этомъ случаѣ онъ пользовался уже готовыми положеніями, хотя быть можетъ пользовался уже въ редакціи, изложенной съ нѣкоторыми особенностями⁶²⁾.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, — «Дидаскалія» — это сокращенная передѣлка Канонарія, въ которой вторая (епитимійная) часть послѣдняго вообще значительно сокращена, а уставъ совершенія исповѣди именно переработанъ путемъ композиціи — разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Канонарія многихъ замѣтокъ о различныхъ сторонахъ испытанія духовникомъ кающихся, нѣкоторыхъ разсужденій въ описаніи видовъ грѣховности и, наконецъ, внесеннаго здѣсь въ элементарномъ видѣ исповѣднаго устава. Единственное существенное отличіе получившагося такимъ путемъ въ «*Διδασκαλία*» устава исповѣди отъ того-же самаго въ Канонарії заключается, однако, лишь въ томъ, что въ немъ, взамѣнъ краткой разрѣшительной формулы — «*Ὁ Θεός, ὁ δι' ἡμᾶς ἐνανθρωπήσας*», — принята древнѣйшая молитва — «*Ὁ Θεός, ὁ συγχωρήσας διὰ Νάθαν...*». И на этотъ разъ составитель «Дидаскалія» поступилъ вполне правильно. Онъ вѣдалъ, что разрѣшительная формула въ Канонарії — не принята въ практикѣ исповѣди и имѣетъ собственно другое назначеніе⁶³⁾, и потому, руководствуясь официальнымъ источникомъ — Евхологіемъ, и замѣняетъ ее общеизвестною въ то время давнею молитвою надъ исповѣдниками⁶⁴⁾.

Когда-же была составлена эта компиляція, именуемая «*Διδασκαλία πατέρων*»? Во всякомъ случаѣ это сталося задолго до нашего Мюнхенскаго компилятора и въ его время она уже была въ большой извѣстности, настолько, что послѣдній, хотя, конечно, и понималъ матеріальное сродство ея съ Канонаріемъ, однако не вводитъ ее въ содержаніе послѣдняго, а только соеди-

⁶²⁾ См. *ibid.*, стр. 38 и 63.

⁶³⁾ Наше изслѣд. «Тайная исповѣдь», т. II, стр. 192, 247—248; 252—253 и 256—257.

⁶⁴⁾ См. *ibid.*, т. II, стр. 174—177.

няетъ съ нимъ и соединяетъ, поставляя ее во главѣ всей своей сложной компиляціи. При всемъ томъ, мы не можемъ не сказать, какъ уже и говорено выше, — эта передѣлка вообще не изъ раннихъ. Кромѣ тѣхъ доказательствъ, какія представлены выше, — не можемъ не придать здѣсь значенія и еще одному. — Уже въ Канонарії духовникъ вмѣсто «*δεχόμενος τῆν ἐξομολόγησιν*» иногда называется «*ἀναδέχόμενος*» (См. тексты, стр. 13, 47). Въ «*Διδασκαλία*»-же (собственно въ самомъ уставѣ исповѣди) онъ обыкновенно называется послѣднимъ терминомъ, а разъ даже «*ἀνάδοχος*»⁶⁵⁾. Нельзя отрицать, что на такое наименованіе духовника не могло не повліять и самое понятіе о его роли при исповѣди и указанное выше символическое дѣйствіе (возложеніе руки исповѣдника на шею духовника). Но вмѣстѣ съ тѣмъ позволительно думать, что здѣсь не осталось безслѣднымъ и усилившееся со времени VI всел. собора значеніе воспріемниковъ и отсюда усвоеніе особаго значенія термину «*ἀνάδοχος*», въ виду чего онъ сталъ прилагаться и къ духовнику. — Кромѣ того, къ тѣмъ-же доказательствамъ можно добавить и то, что систематическая ссылка (по изложеніи устава исповѣди) на авторитетъ трехъ древнихъ отцовъ Церкви тоже не особенно гармонируетъ съ раннимъ происхожденіемъ «*Διδασκαλία*». — Примѣнительно же къ этимъ и другимъ указаннымъ выше основаніямъ не будетъ ошибкою сказать, что твореніе «*Διδασκαλία πατέρων*» явилось приблизительно въ IX вѣкѣ.

Проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, однако, — «памятникъ носить (исключая упоминанія о различіи монаховъ великой и малой схимы) черты глубокой древности, (и есть) именно такой, сочинять который въ IX в.... не было никакой надобности» (стр. 40). Нужно искренно сожалѣть, что ни одной такой реальной черты, свидѣтельствующей о глубокой древности «*Διδασκαλία*», авторъ не указываетъ, — искренно сожалѣть, потому что мы по крайней мѣрѣ ихъ не видимъ и скорѣе склонны находить ихъ въ исповѣдномъ уставѣ по Канонарію.

Но что касается до того, была-ли надобность составлять «*Διδασκαλίαν*» въ IX в. и даже составлять по подобію Канонарія, то, по нашему мнѣнію, она — была. И это вотъ почему. — Пола-

⁶⁵⁾ См. Н. С. Суворовъ, *ibid.*, стр. 44.

гаемъ, согласится и проф. Н. А. Заозерскій, — что Канонарій, съ точки зрѣнія практическаго его примѣненія, отличается значительною растянутостью и порою крайнимъ многословіемъ; нерѣдко мотивы и субъективныя разсужденія автора не имѣютъ никакого значенія при практическомъ ихъ пользованіи. — Съ другой стороны, — полагаемъ также, что и здѣсь согласится авторъ, — тотъ-же Канонарій, съ его пространнымъ предисловіемъ, особымъ вступленіемъ, принятою въ немъ общою конструкціею и заключеніемъ, хотя предназначенъ для практическаго руководства, однако ни мало не представляетъ формальный уставъ, а всецѣло напоминаетъ, такъ сказать, научно-практическое разсужденіе. Наконецъ, благодаря такому именно характеру настоящаго произведенія, а также благодаря тому, что цѣль составителя Канонарія дать руководство собственно по наложенію епитимій, а не по совершенію самой исповѣди, у него рѣчь о послѣднемъ предметѣ совершенно поглощается рѣчью о первомъ предметѣ, и вопреки требованію естественнаго порядка вещей, наставленіе о совершеніи исповѣди поставлено не во главѣ всего трактата, а лишь въ заключеніи.

Все указываемое теперь, составляя явныя внѣшнія и внутреннія несовершенства Канонарія, съ чисто практической точки зрѣнія, невольно давало поводъ смотрѣть на него не болѣе, какъ только на богатый и компетентный матеріалъ въ дѣлѣ совершенія исповѣди и наложенія епитиміи. Отсюда-же само собою пришли къ такимъ выводамъ, въ цѣляхъ болѣе удобнаго примѣненія Канонарія на дѣлѣ: а) такъ какъ въ общемъ процессѣ раскаянія грѣшника сначала имѣетъ мѣсто исповѣдь, а затѣмъ уже слѣдуетъ принятіе и исполненіе епитиміи, — выдѣлать изъ него и сгруппировать во главѣ и по возможности слитно весь матеріалъ по совершенію самой исповѣди, т. е. выработать сначала собственно исповѣдныя уставы, а затѣмъ уже изложить и руководство по наложенію епитимій; б) по возможности устранить изъ него всякія излишнія теоретическія разсужденія и обоснованія, сами собою понятныя всякому мало мальски разумному духовнику, и не примѣняемый (или по крайней мѣрѣ не рекомендуемый къ примѣненію) всякій историческій матеріалъ въ видѣ, напр., изложенія епитимій по древнимъ каноническимъ правиламъ; и в) въ дѣлѣ наложенія епитимій дать по возможности отчетливое и краткое руководство,

которое избавило-бы духовника отъ всякихъ долгихъ разысканій, а также и колебаній. — Все это дѣйствительно и сдѣлалъ анонимный авторъ «*Διδασκαλίας πατέρων*», исходя такимъ образомъ изъ вполне существенныхъ побужденій. И сдѣлалъ, нужно сказать, въ особенности въ отношеніи первой половины, заслуживая себѣ вполне справедливое слово одобренія. Переработанный имъ уставъ, съ формальной стороны, какъ дѣйствительно практическое руководство для духовниковъ по совершенію исповѣди, далеко оставляетъ за собою, — и по сжатости изложенія, и по логическому распорядку, — Канонарій монаха Іоанна.

Словомъ, предполагаемый теперь творецъ «*Διδασκαλίας*» оказался и очень толковымъ и осмысленнымъ компиляторомъ. Однако, и у него оказался здѣсь дефектъ, имѣвшій роковыя послѣдствія. Именно, въ отношеніи руководства по наложенію епитимій онъ пошелъ по пути сокращенія и сжатости нѣсколько далѣе, чѣмъ это слѣдовало-бы.. Это-то между прочимъ, какъ увидимъ далѣе, и послужило однимъ изъ поводовъ, почему послѣдующіе компиляторы соединяли «*Διδασκαλία πατέρων*» — или со всемъ, или по крайней мѣрѣ съ значительною частью того-же послужившаго ей источникомъ Канонарія.

Таково наше мнѣніе о происхожденіи «*Διδασκαλίας*». Но можетъ быть на этотъ разъ былъ совершенно обратный порядокъ вещей, т. е. «*Дидаскалія*» лежитъ въ основѣ Канонарія, какъ болѣе краткое и потому первоначальное руководство въ отношеніи къ Канонарію — руководству болѣе распространенному и обоснованному? — Этого не могло быть никоимъ образомъ. Слишкомъ ужъ явна и очевидна отрывочность въ «*Дидаскаліи*» того внесеннаго въ нее готоваго матеріала, который доставляетъ для нея Канонарій. При представляемомъ теперь обратномъ взаимоотношеніи обоихъ сравниваемыхъ памятниковъ, — фразы и реченія «*Дидаскаліи*», почти буквально читаемыя въ Канонарії, не могли-бы въ немъ остаться такими, при его несомнѣнно болѣе состоятельной и творческой обработкѣ; они здѣсь расплылись-бы и были-бы совершенно переизложены. Да сверхъ того, съ практической точки зрѣнія (особенно имѣющей здѣсь силу), въ такой именно передѣлкѣ или усложненной разработкѣ «*Дидаскаліи*», собственно говоря, не представлялось никакого вѣскаго мотива.

Вопросная формула о грѣхахъ духовника исповѣднику, составляя центръ исповѣднаго устава въ «Дидаскаліи», обращаетъ на себя вниманіе проф. Н. А. Заозерскаго тою ея характерною особенностью, что она по своему содержанію относится только къ плотскимъ грѣхамъ. Онъ призываетъ здѣсь «только отчасти вѣрнымъ» то наше объясненіе, что эта особенность обязана строгому монашескому аскетизму автора настоящей статьи и взаимнѣ того даетъ свое объясненіе, говоря: «Поднять супружескій союзъ — бракъ — на высоту евангельскаго идеала, въ образъ союза Христа и Церкви, поднять въ семьѣ значеніе жены — матери и женщины вообще возвеличеніемъ *дѣства*... было одною изъ существенныхъ задачъ Церкви»; поэтому, слѣдовательно, — «тяжкими епитиміями она преслѣдовала — блудъ, прелюбодѣяніе, скопчество и противоестественный содомскій грѣхъ», и слѣдовательно, вотъ почему вопросная статья Постникова номоканона ограничивается почти исключительно плотскими грѣхами: «Духовникъ выступаетъ здѣсь врачемъ зла, наиболѣе всего развѣдавашаго человѣчество въ ту эпоху, когда слагался (Постниковъ) номоканонъ» (стр. 41—42). Намъ думается, — это объясненіе очень далеко отъ существа дѣла, — и мы остаемся при нашемъ объясненіи, — остаемся — по цѣлому ряду небезосновательныхъ соображеній.

1) Такъ, при той глубокой идейной подкладкѣ, какою по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго объясняется здѣсь исключительное вниманіе къ плотскимъ грѣхамъ, невольно предполагается всесторонне критическое отношеніе автора вопросной статьи къ грѣхамъ и принятіе имъ во вниманіе не только индивидуальнаго спасенія грѣшника, но и общественныхъ интересовъ. Если-же это дѣйствительно такъ и было, то быть не можетъ, чтобы рядомъ съ указываемыми грѣхами авторъ номоканона не обратилъ вниманіе въ той-же мѣрѣ и на другіе грѣхи, столь-же преступные и вредные въ общественномъ отношеніи, какъ, напр., убійство, клятвopреступленіе, кража, грабежъ и пр., — грѣхи, не менѣе бывшіе зломъ и въ древніе времена. Мы, однако, видимъ, что о всѣхъ таковыхъ грѣхахъ, кромѣ двухъ-трехъ, упоминаемыхъ въ нашемъ документѣ буквально вскользь (и это, напр., даже объ убійствѣ), — совершенно умалчивается. Такой фактъ никакъ не можетъ мириться съ объясненіемъ проф. Н. А. Заозерскаго.

2) Затѣмъ, составитель вопросной статьи не только не поднимаетъ значенія женщины изъ положенія «самки, годной лишь для удовлетворенія животной похоти мужчинъ» (стр. 42), а напротивъ, — именно скорѣе устанавливаетъ ея такое значеніе. Женщина, по его воззрѣнію, какъ можно видѣть изъ Канонарія и изъ «Дидаскаліи», — грѣшитъ несравненно болѣе мужчинъ, — она грѣшна всяческими паденіями, связанными съ половымъ инстинктомъ, — она по преимуществу плотное существо, и всякіе грѣхи этой категоріи настолько еродны съ нею, настолько не отдѣлимы отъ нея, что въ концѣ концовъ нашъ неизвѣстный составитель «Дидаскаліи» считаетъ и бесполезнымъ появленіе ея на исповѣдь до извѣстнаго возраста.

3) И затѣмъ, если-бы составитель статьи стоялъ дѣйствительно на точкѣ зрѣнія автора, тогда и говорить нечего, что, трактуя о грѣхахъ противъ седьмой заповѣди, онъ центромъ своей рѣчи поставилъ-бы вопросъ о прелюбодѣяніи. Между тѣмъ мы видимъ какъ разъ обратное. О прелюбодѣяніи онъ опять-таки упоминаетъ собственно вскользь, какъ мы выразились, — глухо. Вмѣсто того, онъ вообще обращаетъ вниманіе отчасти на обыкновенное не-«благословное» примѣненіе полового инстинкта (внѣ брака, въ блудѣ), а главнымъ образомъ на примѣненіе его противоестественное, въ формахъ — малакіи, скотоложства, мужеложства, дѣторастлѣнія и при кровосмѣшеніи. Такимъ образомъ, наша вопросная статья имѣетъ въ виду паденіе противъ седьмой заповѣди, какъ именно тяжкое нарушеніе личной нравственности самой въ себѣ, безъ отношенія ея къ браку или общественной порядочности и благу. Примѣнительно къ этому, она и не отмѣчаетъ другихъ грѣховныхъ дѣяній, которыя, будучи таковыми и принося вредъ въ гражданско-общественномъ отношеніи, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ преступленія, караемыя уголовными законами, каковыми по византійскому праву если и были злохудожныя дѣянія противъ седьмой заповѣди, то благодаря ихъ сокровенности, были скорѣе въ теоріи, нежели въ дѣйствительности.

4) Потомъ, — въ ряду противоестественныхъ грѣховъ, связанныхъ съ половымъ инстинктомъ, Постниковъ пенитенціалъ, какъ мы знаемъ, обращаетъ великое вниманіе (и въ описаніи видовъ плотской грѣховности и въ рѣчи о наложеніи епитимій)

на «*μαλακίαν*». — Мы не думаемъ, чтобы такое вниманіе стояло въ особенной связи съ объясненіемъ, выставляемымъ проф. Н. А. Заозерскимъ. Но съ нашей точки зрѣнія, дѣйствительно, здѣсь иначе и быть не могло. Въ воззрѣніяхъ монаха-аскета, посвятившаго себя дѣвству и совершенному отчужденію отъ всѣхъ плотскихъ вождѣній, этотъ грѣхъ — самый опасный, легко могущій соблазнить «и великихъ».

5) Далѣе, разъ составителемъ нашего устава былъ несомнѣнно монахъ, то полагаемъ, согласится и самъ Н. А. Заозерскій, ему всего менѣе было дѣла до возвышенія значенія брака и до возвышенія значенія женщины. Последняя для него источникъ всякаго плотскаго вождѣнія, — всякое помышленіе о ней есть въ извѣстной мѣрѣ грѣхъ; а первый — бракъ — для него законъ природы, обязанный своимъ бытіемъ только слабости человѣческой плоти, — есть установленіе, спасающее отъ котораго аскетъ бѣжалъ въ крѣпкія стѣны монастыря... И понятно, не такому бѣглецу заботиться объ идеальныхъ совершенствахъ брака.

6) Наконецъ, краснорѣчивое подтвержденіе нашего мнѣнія и въ параллель тому — противорѣчіе воззрѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, — самый текстъ перваго вопроса — «*Πῶς σοῦ... τέχνου... ἐν πρώτοις ἐφ' ἑαυτῆν ἢ παρθενία, — διὰ πορνείας, διὰ νομίμου γυναικός...*». Не ясно-ли по такому вопросу, что для его составителя на первомъ планѣ — полнѣйшая неповрежденность дѣвства (которую, впрочемъ, онъ, повидимому, считаетъ неосуществимой), и что даже и самый бракъ, какъ нарушающій это дѣвство, хотя бы и по закону, косвенно осуждается имъ, ибо имъ растлѣвается дѣвство?... Послѣ такого краснорѣчиваго указанія едва-ли и самъ проф. Н. А. Заозерскій будетъ отстаивать свое положеніе.

Къ сказанному теперь можно добавить, что если въ трактующей вопросной статьѣ и есть что-либо поддерживающее мысль проф. Н. А. Заозерскаго, то развѣ вопросы о кровосмѣшеніи (сверхъ упоминанія о прелюбодѣяніи); но и они все-таки вызваны собственно представленіемъ противоестественности при такомъ условіи половыхъ сношеній и даже самаго брака.

Въ заключеніе своего очерка о самостоятельности «*Διδασκαλίας πατέρων*» авторъ въ краткихъ чертахъ касается тѣхъ

варіацій, которымъ оно подвергалось въ спискахъ послѣдующаго времени — въ отношеніи надписаній, пролога и, наконецъ, самаго устава исповѣди (стр. 43—45). — Обзоръ этотъ болѣе библиографическій.

Говоря здѣсь объ измѣненіяхъ въ надписаніи и отмѣчая, что въ послѣднемъ иногда ставилось имя Іоанна Постника, иногда-же имя монаха Іоанна, а самый предметъ порою обозначался кратко, иногда же пространно, — авторъ объясняетъ это исключительно сочетаніемъ Дидаскаліи съ Канонаріемъ — произведеніемъ монаха Іоанна. — Несомнѣнно, — это сочетаніе имѣло въ данномъ случаѣ значеніе и быть можетъ не малое. Позволительно, однако, думать, что такъ было собственно въ раннюю пору, когда еще болѣе или менѣе сознавалась раздѣльность предполагаемыхъ теперь двухъ памятниковъ. Однако, въ виду крайне безцеремоннаго обращенія компиляторовъ (какъ, напр., Мюнхенскаго писца) съ сочетаемыми памятниками, дробленія ихъ содержанія на отдѣльныя части, перестановки послѣднихъ, интерполированія изъ другихъ источниковъ и въ противоположность тому выпуски цѣлыхъ отдѣловъ изъ нихъ или сокращенія, — такое сознание скоро утратилось и можно думать, что къ концу XI в. его уже не было. Мы не ошибемся поэтому, если скажемъ, что въ указываемомъ разнообразіи надписанія, вообще говоря, игралъ роль тотъ-же самый, порою безосновательный и немотивированный, производъ переписчиковъ и компиляторовъ, какой безгранично царилъ и при передѣлкахъ ими текста и содержанія этихъ памятниковъ вообще. — Наглядное подтвержденіе тому, напр., «*Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογούμενων*». Въ немъ таковое надписаніе, хотя здѣсь присоединена большая половина Канонарія, — въ сущности дѣла отвѣчаетъ только первой части относящагося сюда памятника, взятаго въ его цѣломъ.

Съ другой стороны, вообще не отрицая мнѣнія проф. Н. А. Заозерскаго, мы, однако, по поводу его словъ — «устраивая сочетаніе [«Дидаскаліи» съ Канонаріемъ] компиляторъ или удерживалъ въ своей компиляціи имя Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго, или-же на мѣсто его ставилъ имя «Іоанна мниха чадо послушанія» (стр. 43), — не можемъ не сказать: а) пока нѣтъ особенныхъ данныхъ къ тому, что имя Іоанна Постника, какъ патріарха, первоначально явилось въ надписаніи

именно въ «Дидакаліи»; древнѣйшій греческій текстъ ея, какъ мы видимъ, не усвоится какому-либо автору; и судя по списку и ея и Канонарія въ Румянцевской кормчей, не усвоилось оно ей и въ другихъ спискахъ; б) при этомъ все таки остается необъясненнымъ, почему-же собственно здѣсь получило мѣсто имя все того-же патріарха, разъ ясно, что ни Канонарій, въ его древнихъ текстахъ, ни «*Διδασκαλία*» — повидимому, не давали къ тому никакого повода.

Замѣтивъ выше (на стр. 38), что онъ не находитъ невозможнымъ приписать «*Διδασκαλία πατέρων*» Иоанну Постнику — патріарху (или одному изъ его современниковъ), проф. Н. А. Заозерскій въ разсматриваемомъ мѣстѣ, между прочимъ, говоритъ — «что однимъ изъ редакторовъ «*Διδασκαλίας*» могъ быть св. Иоаннъ Постникъ — патріархъ, это — допустимо». По нашему разумѣнію, это уже другая точка зрѣнія. На этотъ разъ авторъ проводитъ уже другой взглядъ, аналогичный, напр., съ тѣмъ, какъ это есть въ отношеніи патр. Фотія по вопросу о составленіи имъ номоканона въ XIV титуловъ. Согласно такому воззрѣнію, однако, уже получается, что «*Διδασκαλία*» составлена даже ранѣе времени самого Иоанна Постника, — мнѣніе, послѣ всего сказаннаго нами тѣмъ болѣе никоемъ образомъ не могущее даже и возникнуть.

Остановливаясь здѣсь, наконецъ, на измѣненіяхъ въ самомъ уставѣ исповѣди, авторъ отмѣчаетъ, что при всѣхъ нихъ четыре первоначальныхъ обрядовыхъ момента исповѣди (принятіе на исповѣдь съ предъ-исповѣдной молитвой, испытаніе, разрѣшеніе и совѣщаніе относительно наложенія епитиміи) — «всюду строго выдерживаются даже въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ (при началѣ рѣчи о каждомъ моментѣ), какія приняты и въ «Дидакаліи». Это вѣрно. Но такая устойчивость едва-ли можетъ представляться чѣмъ-либо особеннымъ; наблюденіе этихъ четырехъ моментовъ, такъ сказать, неизбежный, природный порядокъ вещей. А съ другой стороны, однако, она наблюдались только формально; по существу-же — со стороны молитвеннаго элемента предъ исповѣдной части, со стороны предписаній и характера испытанія, со стороны словесныхъ формулъ разрѣшенія, и даже со стороны мѣръ относительно епитиміи, — всѣ эти моменты (главнымъ образомъ — первые три) разнообразились — безконечно.

Проф. Н. А. Заозерскій, сверхъ того, называетъ тѣ-же четыре момента «характерною чертою» «*чистаго типа исповѣди православной восточной церкви*». Намъ думается, эти слова, отмѣченные авторомъ курсивомъ, надо бы такъ или иначе обосновать для читателя. — Въ виду неизбежнаго присутствія этихъ моментовъ въ актѣ исповѣди, въ виду естественности такого ритуала (въ отношеніи первыхъ трехъ моментовъ) для священнодѣйствія, гдѣ активная роль въ одинаковой мѣрѣ принадлежитъ и совершителю обряда и принимающему его и, наконецъ, въ виду аналогичности теоретическихъ воззрѣній на исповѣдь и въ инославныхъ вѣроисповѣданіяхъ, признающихъ ея сакраментальное значеніе, — какъ очевидно, въ одинаковой мѣрѣ съ необходимостью они должны предполагаться и въ инославныхъ уставахъ исповѣди.

Въ дополненіе къ указываемымъ моментамъ, авторъ отмѣчаетъ еще, что (при измѣненіяхъ) «удерживается и заключительная фраза въ «*Διδασκαλία πατέρων*» — «*καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῆς ἀκριβοῦς (или ἀκριβείας) ἐρεῦνης... καὶ πῶς δεῖ ἐξομολογεῖσθαι*». Мы не можемъ не напомнить ему, однако, что выше (стр. 35) онъ признаетъ ее дѣломъ рукъ компиляторовъ и такимъ образомъ въ данномъ случаѣ нѣсколько противорѣчитъ себѣ. — Съ другой стороны, мы не можемъ согласиться здѣсь и съ тѣмъ его замѣчаніемъ, что эта заключительная фраза, будучи оставленною и въ «*Ἀκολουθία καὶ τάξις*» и въ «*Λόγος*»-ѣ, — «гдѣ цѣлью компиляторовъ было дать чинопослѣдованіе исповѣди, а не наставленіе или ученіе о немъ духовнику, какъ пастырю и врачу», — здѣсь «совсѣмъ излишня». Авторъ руководствуется въ такомъ сужденіи заглавіями того и другого памятника. Но эти заглавія, какъ сказано, не отвѣчаютъ здѣсь существу дѣла. Въ обоихъ этихъ памятникахъ, сверхъ устава самой исповѣди, въ одинаковой мѣрѣ предлагается и наставленіе относительно наложенія епитиміи — или заимствованное изъ Канонарія (при «*Ἀκολουθία καὶ τάξις*»), или оставленное въ томъ видѣ, какъ оно было въ древнемъ изводѣ «*Διδασκαλία πατέρων*» (въ «*Λόγος*»-ѣ).

VI.

нонъ Іоанна Постника, какъ сложное цѣлое, въ рѣшительномъ соединеніи — «*Διδασκαλίας πατέρων*», «*Κανονάριον*» - а и «*Κανονικόν*» - а, и его внутреннее достоинство.

Установивъ разсмотрѣнные выше составные элементы номоканона Іоанна Постника, проф. Н. А. Заозерскій третій и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній изъ намѣченныхъ имъ отдѣловъ своего предисловія посвящаетъ обзору формъ сочетанія этихъ элементовъ въ одно цѣлое въ томъ-же номоканонѣ.

Простѣйшею такою формою онъ признаетъ соединеніе въ одно цѣлое Канонарія монаха Іоанна и такъ называемаго имъ «Каноникона» Іоанна Постника, безъ какихъ-бы то ни было измѣненій. — Послѣ того, что выше съ достаточною основательностью установлено относительно послѣдняго памятника, по нашему мнѣнію, о такой формѣ не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь нѣтъ никакого объединенія и слиянія въ одно двухъ отдѣльныхъ произведеній, а есть только одно само по себѣ цѣлое въ составѣ двухъ своихъ изначальныхъ частей, развѣ лишь съ нѣкоторымъ усложненіемъ послѣдней изъ нихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, проф. Н. А. Заозерскій допускаетъ предположеніе и о еще болѣе простой формѣ, это — соединеніе «*Διδασκαλίας πατέρων*» и того-же самаго Каноникона, каковую форму онъ считаетъ даже болѣе древнею. Авторъ усматриваетъ ее въ изданномъ у насъ исповѣдномъ послѣдованіи («*Ἀκολουθία ἐπὶ τῶν ἑξομολογημένων*») по Ватиканской рип. X в. № 1554, греко-италійскаго происхожденія⁶⁶), обзорѣнію котораго съ настоящею цѣлью онъ и посвящаетъ 47—50 страницы.

Такое пониманіе указываемаго теперь послѣдованія, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться точнымъ. Что въ основѣ самаго исповѣднаго устава здѣсь лежитъ «*Διδασκαλία*», этому не можетъ быть никакого возраженія; однако при этомъ нужно признать, что такою основою она служила

⁶⁶) См. «Тайная исповѣдь», т. III, I, стр. 64—73.

здѣсь не непосредственно въ первоначальномъ своемъ текстѣ, а уже весьма значительно усложненная въ ея литургической части и можетъ быть даже во многомъ переработанная. Но что касается до части канонической, до епитимійника при семъ послѣдованіи, то, несомнѣнно, въ основѣ его лежитъ не только «Канониконъ», но и Канонарій, въ его части, излагающей епитиміи. Такія епитиміи, какъ за «*παιδοφθόριαν*», «*φόνον*», для священнослужителей и пр., — первоначально были только въ самомъ Канонарії. Однако и эти источники были у составителя «*Ἀκολουθία ἐπὶ ἑξομολογημένων*» уже въ переработанномъ видѣ. Самъ-же проф. Н. А. Заозерскій говоритъ, что въ настоящемъ епитимійникѣ — «довольно свободный перефразъ покаянныхъ правилъ св. Іоанна Постника, Василія Великаго иноческихъ (?) правилъ и другихъ восточныхъ отцовъ» (стр. 49). — Въ общемъ, поэтому, правильнѣе сказать, что сей уставъ не сочетаніе указанныхъ составныхъ элементовъ Постникова номоканона, а литургично-каноническое произведеніе, матеріаломъ для котораго послужили *между прочимъ* и уже въ значительныхъ передѣлкахъ *всѣ* предполагаемые теперь составные элементы и даже съ присоединеніемъ другихъ источниковъ.

Съ другой стороны, если-бы даже и признать эту форму сочетанія, то все-таки ее никогда нельзя трактовать болѣе древнею (чѣмъ другія), какъ думаетъ проф. Н. А. Заозерскій (стр. 47). Правда, въ исчисленіи соучастницъ плотскаго грѣха здѣсь нѣтъ дѣленія монахинь на *μεγάλη*- и *μικρὸ σῦγμα* (стр. 47). Но такое наблюденіе въ данномъ случаѣ не можетъ служить къ призванію указываемой особенной древности, ибо: 1) здѣсь совершенно не затрогивается вопросъ о паденіи самихъ монахинь (по какому поводу и внесено дѣленіе ихъ на два разряда въ Канонарії), и 2) весь этотъ исповѣдно-покаянный уставъ предназначенъ *исключительно для жірянъ* (и быть можетъ еще для бѣлыхъ священнослужителей).

Предполагать, какъ это дѣлаетъ проф. Н. А. Заозерскій, что компиляторъ составилъ настоящей замѣчательный исповѣдно-покаянный уставъ только «имѣя въ памяти болѣе совершенный греческій номоканонъ» (съ исповѣдною частью), — рѣшительно невозможно. Самая обстоятельность здѣсь литургическаго отдѣла, а равно и подробность пенитенціала — никоимъ образомъ не позволяютъ остаться при такомъ предположеніи. — Имѣются

здѣсь, сверхъ того, и нѣкоторыя частности, какія ясно говорятъ, что предполагаемые теперь составные элементы несомнѣнно были у компилятора предъ глазами. Напр., въ вопросной статьѣ— вопросъ «περὶ μαλακίας» и здѣсь — поставленъ въ томъ-же исключительномъ мѣстѣ (предъ «αἰμομζία»), какъ и въ «Διδασκαλία». Эта особенность иначе и не могла остаться, какъ при непосредственномъ впечатлѣннн отъ послѣдней, — повторяемъ, — въ оригиналѣ — передѣланномъ и уже усложненномъ — Вообще же говоря: можно предполагать всяческую свободу дѣйствій компиляторовъ покаянно-исповѣднаго устава, но чтобы они составляли его еще на память, — это, кажется, ужъ признавать за ними свободы болѣе чѣмъ нужно...

Впрочемъ, этой формѣ сочетанія авторъ и не придаетъ особеннаго значенія. Болѣе важною онъ считаетъ здѣсь ту форму, гдѣ соединяются и «Διδασκαλία πατέρων» и Канонарій — или чрезъ простое присоединеніе ихъ одинъ къ другому, или чрезъ нѣсколько искусственное, въ цѣляхъ объединенія ихъ въ одно органическое цѣлое, при чемъ обыкновенно измѣнялась внѣшняя форма второго произведенія (т. е. Канонарія).

Примѣръ перваго вида этой формы проф. Н. А. Заозерскій усматриваетъ въ Вѣнской ркп., по опис. *Lambetii* № 283, гдѣ, однако, полного соединенія собственно нѣтъ, а имѣется только Канонарій (съ усложненнымъ надписаніемъ), но съ прологомъ (сверхъ своего) и изъ «Διδασκαλία», хотя уже въ распространенномъ его видѣ. Здѣсь, слѣдовательно, наблюдается только попытка къ соединенію, которая, однако, не осуществлена, — вѣроятно потому, что, предпринявъ такое совмѣстное изложеніе «Διδασκαλία» и Канонарія, компиляторъ увидѣлъ, что содержаніе первой поглощается въ содержаніи второго, — почему и оставилъ свое намѣреніе безъ исполненія. Впрочемъ, руководствуясь краткими данными *Lambetii*, особенно настаивать на такомъ соображеніи было-бы дѣломъ, недостаточно обоснованнымъ. Точнымъ примѣромъ того-же вида сочетанія нужно считать другой указываемый авторомъ списокъ, — это въ ркп. Парижск. націон. библ № (du-funds) 364, гдѣ действительно оба указываемые пенитенціала помѣщены рядомъ подъ однимъ общимъ надписаніемъ и оба вполнѣ, — при чемъ только «Διδασκαλία» внесена сюда уже въ усложненномъ (съ литургической стороны) видѣ, именно какъ «Λόγος».

Остановливаясь на трактуемомъ видѣ сочетанія и указывая его примѣры, проф. Н. А. Заозерскій, однако, обходитъ здѣсь самый существенный вопросъ, — чѣмъ-же мотивировалось такое совмѣстное изложеніе, и притомъ безъ всякихъ сокращеній, предполагаемыхъ теперь памятниковъ, разъ со стороны содержанія не только въ основномъ, но порою и въ деталяхъ, они совпадаютъ другъ съ другомъ? Какъ болѣе вѣроятное намъ представляется только одно объясненіе. — Поздніе компиляторы, приступая къ трактуемому совмѣщенію двухъ произведеній, — съ одной стороны — признавали каждое изъ нихъ самобытнымъ произведеніемъ и главное — давняго времени, а съ другой — «Дидаскалію» отдавали предпочтеніе въ литургическомъ отношеніи, а Канонарію — въ отношеніи каноническомъ, какъ руководству по наложенію епитимій. Подъ вліяніемъ перваго воззрѣнія они и оставляли въ настоящемъ случаѣ тотъ и другой памятникъ въ неповрежденномъ видѣ, а принимая во вниманіе второе, они и ставили въ своей компиляціи «Дидаскалію» прежде Канонарія. Последнее отчасти подтверждается и тѣмъ, что «Дидаскалію» мы встрѣчаемъ здѣсь уже съ усложненіями въ литургическомъ отношеніи. Нельзя, впрочемъ, не добавить, что понимая указаннымъ образомъ настоящія два произведенія (какъ отдѣльныя), компиляторы все-таки не прочь были (вѣроятно — въ виду близости ихъ содержанія) считать ихъ произведеніями одного автора; вотъ почему, не нарушая ихъ цѣлости, они все-таки объединили ихъ общимъ надписаніемъ или заглавіемъ.

Какъ примѣръ другого типа той-же формы сочетанія «Дидаскалію» и Канонарія, когда у компилятора сквозитъ намѣреніе образовать изъ нихъ «одно органическое цѣлое», — проф. Н. А. Заозерскій прежде всего отмѣчаетъ Мюнхенскую компиляцію, на которой останавливается съ особенною подробностью (стр. 51—52). Авторъ указываетъ здѣсь, что въ Мюнхенскомъ списокѣ сначала помѣщена «Διδασκαλία πατέρων», обнимающая не только уставъ исповѣди, но и двѣ тирады изъ отдѣла ея по наложенію епитимій, и что далѣе слѣдуетъ механически приставленная вторая часть Канонарія, затѣмъ подъ заглавіемъ «Κανόνες τῶν ἀγίων πατέρων» его-же первая часть и, наконецъ, значительная масса правилъ подъ различными рубриками, начинаясь правилами св. Іоанна Постника подъ типическимъ заглавіемъ — «Вѣждъ же

запрещения, яже не мы, но Великий Василие изложи падающимъ женамъ» (стр. 56—58).

Намъ кажется, при такомъ обзорѣ кое-что и немаловажное оставлено безъ надлежащаго объясненія. Проф. Н. А. Заозерскій называетъ эту компиляцію «очень грубою». — Это едва-ли такъ. Въ дѣйствительности она не настолько груба какъ кажется съ перваго взгляда. Правда, изложивъ уставъ исповѣди по Дидакаліи, компиляторъ, пожалуй напрасно, оставилъ двѣ дальнѣйшія схоліи (какъ ихъ называетъ Н. А. Заозерскій) изъ ея епитимійнаго отдѣла. Но устраняя всѣ послѣдующія «схоліи», онъ поступилъ такъ не безъ основанія, ибо при соединеніи Канонарія давалъ болѣе подробное руководство по наложенію епитимій. Дѣйствительно, компиляторъ раздѣлилъ при этомъ Канонарій на двѣ части, каковыя внесъ въ обратномъ порядкѣ, что вѣроятно и послужило основаніемъ проф. Н. А. Заозерскому назвать ее «очень грубою». Авторъ, однако, не задавался вопросомъ, почему-же именно компиляторъ такъ поступилъ, замѣчая только, что онъ «зачѣмъ-то переставилъ его вторую часть на мѣсто первой». А между тѣмъ нѣкоторое внимательное отношеніе сюда можетъ показать, что такая перестановка сдѣлана «не безъ разума».

Проф. Н. С. Суворовъ, касаясь этого вопроса (и понимая вторую и первую внесенныя сюда части Канонарія — отдѣльными произведеніями) говоритъ, что «сопоставленіе этой статьи (первой — чисто канонической части Канонарія) съ двумя предыдущими («Дидакаліею» и второю половиною Канонарія), какъ надобно думать, выходитъ изъ мысли напоминать духовнику, чтобы онъ не доводилъ своего снисхожденія до крайности»⁶⁷⁾. По нашему мнѣнію здѣсь было какъ разъ наоборотъ. Придавая въ «Дидакаліи» значеніе только уставу исповѣди и перенося все значеніе епитимійнаго руководства на Канонарій, компиляторъ, въ виду того, что въ послѣднемъ на первомъ планѣ изложенъ сводъ епитимій по каноническимъ правиламъ, отъ каковыхъ практика его времени отступила, — и отстраняетъ таковыя, прямо предлагая вниманію духовника, какъ болѣе пригодныя, — епитиміи снисходительныя; при этомъ, однако, не считая себя въ правѣ совершенно устранить цѣлую половину Канонарія (тѣмъ

⁶⁷⁾ Проф. Н. С. Суворовъ, *ibid.*, стр. 40.

болѣе, что тамъ и дѣленіе грѣховъ на виды), онъ и помѣщаетъ ее въ качествѣ простого историческаго supplementum-а въ приложеніи къ образованному имъ цѣльному уставу изъ первыхъ двухъ статей. — Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, собственно грубой и бессознательной передѣлки Канонарія, а равно такого-же способа сочетанія его съ «Дидакаліа» — здѣсь мы не усматриваемъ, по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Кажется, напротивъ, компиляторъ, и имѣя нѣкоторый мотивъ допустить болѣе или менѣе значительную передѣлку, — воздержался отъ нея, оставивъ почти все содержаніе Канонарія въ неповрежденномъ видѣ.

Повторяя и здѣсь, что Мюнхенскій писецъ по ошибкѣ усваиваетъ Канонарій какому-то Василию, проф. Н. А. Заозерскій отголоски такой ошибки указываетъ еще въ одномъ уже переводномъ памятникѣ «наставленія» о совершеніи исповѣди, усвояемаго также неизвѣстному Василию. Мы уже сказали выше, что такой ошибки за Мюнхенскимъ писцомъ нѣтъ основаній признавать. Указываемый-же теперь авторомъ еще примѣръ такого-же надписанія тѣмъ болѣе убѣждаетъ насъ, что очевидно, и быть можетъ въ болѣе раннее время, статьи, надписываемыя позже именемъ Іоанна Постника, усвоились еще нѣкоему Василию.

Другую уже весьма грубою компиляціею въ томъ-же родѣ проф. Н. А. Заозерскій признаетъ извѣстный намъ памятникъ «Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογουμένων». И здѣсь мы должны сказать, что и эта компиляція далеко не настолько груба и безотчетна. Конечно, компиляторъ сдѣлалъ большой lapsus, оставивъ при «Ἀκολουθία» изъ «Дидакаліи» указаніе на два различія относительно пищи и питія — въ то время, какъ въ пространномъ извлеченіи изъ Канонарія здѣсь-же проводится мысль о трехъ такихъ различіяхъ. При всемъ томъ въ защиту компилятора нужно сказать: а) онъ разумно вычеркиваетъ всю первую часть Канонарія, какъ не могущую имѣть практическаго значенія; б) резонно-же устраняетъ, затѣмъ, и наставленіе Канонарія о смягченныхъ епитиміяхъ, ибо о нихъ хотя и краткая, но достаточная рѣчь имѣется и въ самой «Ἀκολουθία» (изъ «Дидакаліи»); г) начиная свое дополненіе изъ Канонарія съ разсужденій относительно грѣхопаденій священныя лицъ (или кандидатовъ на священство), онъ осмотрительно вычеркиваетъ изъ всей вносимой затѣмъ части ненужныя повторенія, а равно и

все относящееся къ уставу исповѣди, мужской и женской. Не надо забывать при этомъ, что трактуемый памятникъ есть «*Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξομολογημένων*» — и не болѣе, — и съ этой точки зрѣнія, какъ мы уже видѣли, въ немъ отношеніе къ Канонарію вполнѣ критическое. А сверхъ-же всего этого нужно сказать и то, что надписаніе настоящаго памятника «*Ἀκολουθία καὶ τάξις*», какъ не соответствующее въ точности содержанію помѣщеннаго подъ нимъ произведенія, съ большою вѣроятностью говоритъ о томъ, что въ разсматриваемой теперь компиляціи повиненъ не творецъ «*Ἀκολουθίας*» (которая въ чистомъ видѣ воплощала въ себѣ только «*Διδασκαλία πατέρων*»), а уже послѣдующій компиляторъ, вздумавшій устроить изъ нея и Канонарія одно цѣлое.

Какъ исправный образецъ все той-же компиляціи, проф. Н. А. Заозерскій указываетъ только — въ греческихъ памятникахъ — «*Λόγος*», въ его полномъ объемѣ, по указанію Питры — въ ркп. Парижск. Націон. библ. № 364, а въ славянскомъ переводѣ — въ Устюжской (Румянц. муз. № 230) и Иоасафовской (Моск. акад. библ. № 54) кормчихъ (стр. 54—59). — Имѣя въ первой ркп. собственно «Дидаскалію» въ полномъ ея объемѣ (только усложненную предисловіемъ и молитвами), авторъ, въ противоположность нашему мнѣнію, понимаетъ ее не самостоятельную переработкою всего Канонарія, а именно соединеніемъ «Дидаскаліи» какъ отдѣльнаго произведенія, съ передѣлкою уставовъ послѣдняго о пищѣ и питіи. Послѣ сказаннаго выше, намъ нѣтъ надобности вторично опровергать это невѣрное представленіе автора. — Можно только замѣтить, что съ нашей точки зрѣнія здѣсь нѣтъ никакого соединенія въ предполагаемомъ проф. Н. А. Заозерскимъ родѣ. — Въ отмѣчаемыхъ же авторомъ переводныхъ спискахъ, дѣйствительно соединены вмѣстѣ «Дидаскалія» и Канонарій. Обратимъ вниманіе автора, однако, на то, что въ этихъ спискахъ «*Διδασκαλία*» внесена въ полномъ объемѣ, т. е. по автору — съ указываемою *спеціальною* передѣлкою при нихъ устава Канонарія о пищѣ и питіи, — и при такомъ ея объемѣ за нею тотчасъ слѣдуетъ и самый Канонарій. Это-ли не простое, но убѣдительное доказательство того, что заключительная часть «Дидаскаліи» — не особая (отдѣльно и спеціально) передѣлка Канонарія. Если-бы это было такъ, какъ думаетъ теперь Н. А. Заозерскій, то спрашивается, — зачѣмъ же тогда здѣсь-же рядомъ,

передѣлавъ въ Дидаскаліи заключительную часть изъ Канонарія, компиляторъ тотчасъ-же присоединяетъ и Канонарій? Ясно, что передѣлка предполагаемой части «Дидаскаліи», если она есть, то вовсе не зависитъ отъ того условія, съ какимъ связываетъ теперь ее авторъ. Нельзя не упомянуть: авторъ и самъ-же освѣдомляетъ читателя, что въ указываемыхъ имъ славянскихъ примѣрахъ, рядомъ съ «Дидаскаліею» и съ отмѣчаемою при ней, по его мнѣнію, спеціальною передѣлкою рѣчи Канонарія о постахъ, помѣщенъ и послѣдній. Проф. Н. А. Заозерскій, повидимому, не задался здѣсь вопросомъ, — почему-же это компиляторъ, придѣлавъ къ «Дидаскаліи» переработку изъ Канонарія о постахъ, присоединяетъ еще и послѣдній въ цѣломъ видѣ? Нѣкоторое вниманіе могло-бы убѣдить его, что предполагаемое имъ усложненіе самой «Дидаскаліи» на счетъ Канонарія не дѣло рукъ, предпринимающихъ на этотъ разъ сочетаніе ее съ Канонаріемъ.

Характеризуя тѣ, незначительныя въ сущности дѣла, отличія, которыя наблюдаются въ уставахъ о постѣ по «*Διδασκαλία πατέρων*» и по подлинному тексту Канонарія, проф. Н. А. Заозерскій не входитъ въ обсужденіе того вопроса, чѣмъ же руководился въ этомъ случаѣ при сокращеніи видовъ поста компиляторъ «Дидаскаліи», а равно почему сдѣланы и другія сокращенія? А между тѣмъ отвѣтъ на такой вопросъ не лишенъ былъ бы нѣкотораго значенія. Собственно здѣсь можно сказать такимъ образомъ: а) устанавливая и третій видъ поста, составитель Канонарія предназначаетъ его только для немощныхъ и малодушныхъ, а потому и самъ предполагаетъ примѣненіе его не всегда, а лишь въ исключительныхъ случаяхъ; слѣдовательно, онъ устанавливаетъ этотъ минимальнѣйшій третій видъ поста — скорѣе только по тому формальному соображенію, что въ томъ или другомъ видѣ, но по исповѣди епитимія поста обязательно должна назначаться каждому грѣшнику; и б) очень можетъ быть, затѣмъ, что лишь по формальному побужденію (во имя значенія числа три) онъ назначаетъ и три постныхъ дня въ недѣлю, причѣмъ какъ болѣе необычный постный день — назначаетъ собственно понедѣльникъ. — Въ виду того и другого, составитель «Дидаскаліи» имѣлъ нѣкоторое основаніе смотрѣть на установленіе авторомъ Канонарія третьяго вида поста, а равно и третьяго постнаго дня въ недѣль, какъ на нѣчто слу-

чайное, какъ на исключеніе изъ общаго правила, и потому устраняя въ своей компиляціи то и другое, такъ сказать, оставляетъ только нормальное число — и видовъ поста, и постныхъ дней въ недѣлѣ. — Вмѣстѣ съ этимъ-же, судя по тому внутреннему мотиву, который побудилъ составителя Канонарія ввести и третій видъ поста, — отмѣна его въ «Дидаскаліи» свидѣтельствуесть о томъ, что ея авторъ уже не придаетъ значенія формальной обязательности епитиміи безусловно для каждаго исповѣдника. Подобное-же снисходительное воззрѣніе могло явиться только уже въ болѣе позднее время. Вотъ почему и можно думать, что составитель «Дидаскаліи» исполнилъ это дѣло уже не мало времени спустя послѣ автора Канонарія. То же самое даетъ понять и опущеніе имъ въ своей компиляціи того требованія Канонарія, чтобы епитимійцы, присутствуя при богослуженіи въ храмѣ, по окончаніи литургіи оглашенныхъ удалялись изъ него. — Не можемъ, впрочемъ, не добавить сюда, что и указываемыя сокращенія въ области поста и вытекающее отсюда ограничительное воззрѣніе на епитимію, а равно и сказывающееся во всемъ этомъ снисходительное отношеніе къ кающимся, быть можетъ, отчасти вызывалось и предназначеніемъ трактующаго теперь исповѣдно-покаяннаго устава исключительно для мірской сферы.

Не смотря на произведенныя имъ сокращенія, компиляторъ, однако, сдѣлалъ и одно дополненіе и немаловажное; онъ внесъ рекомендацію того, чтобы женщины принимались на исповѣдь только въ смертной опасности, или по крайней мѣрѣ лишь «заматорѣвшими». Проф. Н. А. Заозерскій называетъ это дополненіе страннымъ. На самомъ дѣлѣ оно далеко не таково. Понимая выше, въ самомъ исповѣдномъ уставѣ, женщинъ грѣшными болѣе мужчинъ, во все время ихъ способности къ дѣторожденію рѣшающимися каждаго мѣсячно на всякія тяжкія грѣхопаденія, и рекомендуя поэтому въ особенности тщательно испытывать ихъ на исповѣди⁶³⁾, составитель «Дидаскаліи», очевидно, настолько счи-

⁶³⁾ При этомъ у него вовсе нѣтъ указанія, какъ то предполагаетъ проф. Н. А. Заозерскій, что женщины являются на исповѣдь молодыми; напротивъ — какъ мужчинъ, такъ и въ особенности женщинъ онъ понимаетъ приходящими на исповѣдь уже въ очень зрѣломъ возрастѣ, по крайней мѣрѣ такомъ, когда плотскія страсти уже отступаютъ на задній планъ.

таетъ ихъ неизбежно попадающими тяжкимъ плотскимъ грѣхамъ въ возрастѣ viripotente, что прямо таки считаетъ безпольнымъ для ихъ спасенія появленіе на исповѣдь до предѣльнаго возраста, дѣлающаго бесплоднымъ близкое отношеніе ихъ къ лицамъ другого пола. Вотъ почему онъ и внесъ указываемое исключительное (но не странное) дополненіе, всецѣло отвѣчающее по своему значенію сказанному имъ выше о грѣховности женщинъ. Правда, и Никонъ Черногорецъ, повидимому, недоумѣвалъ по поводу того-же дополненія. Но онъ смотрѣлъ въ этомъ случаѣ не съ точки зрѣнія составителя «Дидаскаліи» на грѣховность женщины, а исходя изъ общихъ его воззрѣній на значеніе исповѣди.

Къ памятникамъ той-же совершенной формы сочетанія основныхъ элементовъ проф. Н. А. Заозерскій относитъ, наконецъ, и списки номоканона Іоанна Постника въ рипп. Саввино-Сторожевской № 6 (XVI в.) и библи. Московск. Дух. Акад. (XVII в.) № 191, гдѣ онъ надписывается: «Иже во святыхъ отца нашего Іоанна архіепископа Константина града постника о исповѣдѣхъ различіа... якоже мня смирный». — Однако сопричисленіе этихъ памятниковъ къ настоящей категоріи не имѣетъ основаній. Подъ такимъ надписаніемъ здѣсь помѣщена лишь «Дидаскалія» въ полномъ ея объемѣ и Канонарія рядомъ съ нею не имѣется. Его и не было у переписчика въ оригиналѣ, когда онъ вносилъ первую статью, какъ предполагается авторомъ. О томъ говоритъ самое надписаніе здѣсь «Дидаскаліи» именемъ Іоанна Постника патріарха, какое, по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, усвоилось собственно творцу только этого пенитенціала.

Разсмотрѣннымъ теперь обзоромъ формъ сочетанія составныхъ элементовъ номоканона І. Постника и заканчивается отвѣтъ проф. Н. А. Заозерскаго на поставленную имъ въ общемъ заглавіи своего предисловія задачу — выяснить «древнѣйшія редакціи этого номоканона и ихъ основные элементы». Мы въ правѣ-бы, затѣмъ, ждать отъ него какой-либо болѣе или менѣе специальной рѣчи и по вопросу, намѣченному вообще въ заглавіи настоящей книги — «Номоканонъ І. Постника въ его редакціяхъ грузинской, греческой и славянской». Допуская, однако, что рѣчь о грузинской редакціи приметъ на себя проф. А. С. Хахановъ,—

со стороны проф. Н. А. Заозерскаго нужно-бы ожидать специальныхъ сообщеній по крайней мѣрѣ о редакціи славянской. Этого, однако, нѣтъ. Не отрицаемъ, — въ только что оставленномъ нами отдѣлѣ, авторъ касается и того, въ какихъ формахъ сочетанія наблюдаются основные составные элементы номоканона Иоанна Постника и въ славянскихъ памятникахъ. Но не говоримъ уже о томъ, что это относится только къ четыремъ рукописямъ, — такое сообщеніе дѣлается здѣсь не само по себѣ, а попутно, какъ отвѣтъ на общій вопросъ о томъ-же сочетаніи составныхъ элементовъ. Поэтому мы не найдемъ здѣсь указанія на то, какія редакціи и въ какомъ видѣ по преимуществу имѣли мѣсто въ славянскомъ переводѣ, въ какой мѣрѣ онѣ практиковались, насколько имѣли значеніе и какія претерпѣвали измѣненія. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ, специально по адресу болѣе доступной редакціи, авторомъ не затронутъ, хотя въ эпилогѣ во всему предыдущему ожидать этого требовалъ естественный порядокъ вещей.

Взамѣнъ того, однако, тотчасъ по разсмотрѣнномъ теперь отдѣлѣ, мы находимъ у проф. Н. А. Заозерскаго, какъ эпилогъ къ его предисловію, безъ всякаго надписанія, а просто подъ цифрою «IV», довольно пространнѣйшій трактатъ (стр. 60—83), въ которомъ онъ занимается опѣнкою «идейной стороны, т. е. направленія и содержанія», отмѣченныхъ имъ редакцій Постникова пенитенціала, взятыхъ вообще сами въ себѣ, какъ исповѣдно-покаянные уставы.

Авторъ въ этомъ случаѣ отмѣчаетъ — единство, цѣлостность и послѣдовательность какъ обрядовой, такъ и дисциплинарной части извѣстныхъ ему редакцій. Устанавливая здѣсь единство идеи и формы въ обрядовомъ отношеніи, онъ проводитъ мысль, что представленіе только Бога прощающимъ грѣхи вызываетъ въ обрядѣ паденіе ницъ исповѣдника, а пониманіе духовника другомъ кающагося вызываетъ обрядъ возложенія рукъ послѣдняго на шею перваго. Вместе-же съ тѣмъ, въ виду представленія духовника, какъ духовнаго врача, ему дается здѣсь съ одной стороны — подробная инструкція діагноза или испытанія кающагося, какъ страждущаго духовными недугами, а съ другой — подробное же руководство по наложенію епитиміи — и какъ наказанія за грѣхъ, и какъ врачества духовному недугу.

Въ соотвѣтствіе первому понятію епитиміи — духовникъ по восточному номоканону долженъ отлучить грѣшника на извѣстное время отъ причащенія; въ соотвѣтствіе-же второму ея понятію онъ долженъ дать ея кающемуся, какъ укрѣпляющее противъ грѣховнаго недуга средство въ видѣ поста и молитвы, снисходительно примѣняясь въ томъ и другомъ случаѣ къ индивидуальному состоянію грѣшника въ физическомъ и духовномъ отношеніи. — Къ установленію предполагаемой при такомъ условіи снисходительной покаянной дисциплины пришли на основаніи смысла правилъ Василия В. (74, 84 и 85), почему составители номоканона и называютъ себя учениками Василия В., — и отъ него и нужно вести начало епитимійнаго номоканона Восточной церкви.

Столь высокое внутреннее достоинство трактуемаго номоканона устанавливается еще яснѣе, если сюда приложить сравнительный методъ. Въ виду сего проф. Н. А. Заозерскій, изложивъ только что сказанное, переходитъ къ сравненію (съ намѣченной стороны) восточнаго пенитенціала съ западными пенитенціалами, поскольку они имѣются въ извѣстныхъ трудахъ Шмитца и Вассершлебена. Авторъ предпринимаетъ въ этомъ случаѣ подробный обзоръ характерныхъ особенностей въ пенитенціалахъ — англо саксонскомъ, французскомъ и римскомъ. Онъ указываетъ здѣсь, что въ этихъ пенитенціалахъ (въ англосаксонскихъ) отсутствуетъ уставъ исповѣди, смѣшаны различные элементы (греческой дисциплины, народныхъ юридическихъ воззрѣній, римской дисциплины), усвоено большое значеніе личному усмотрѣнію епископа при опредѣленіи срока покаянія (въ французскихъ и римскихъ), устанавливается монашеская строгость жизни кающагося, практикуется замѣна долгихъ сроковъ покаянія суррогатами и выкупами, — и благодаря такимъ особенностямъ, въ западныхъ пенитенціалахъ епитиміи присушъ vindикативный, а не исправительный характеръ, исповѣдуемое дѣяніе понимается не какъ грѣхъ, а какъ «crime», и задача духовника установить собственно *преступность* грѣшника, а самые пенитенціалы отсюда носятъ характеръ уголовного кодекса... Согласно всему этому авторъ, конечно, приходитъ къ выводу о несравненномъ превосходствѣ предъ такимъ уголовнымъ кодексомъ восточнаго пенитенціала, гдѣ епитимія не кара, а собственно врачество, и гдѣ, посему, она дается сообразуясь

не съ тяжестью грѣха, а съ индивидуальнымъ психическимъ и физическимъ состояніемъ кающагося.

Признавъ такое превосходство, авторъ идетъ и далѣе въ разсмотрѣніи вопроса о взаимоотношеніи западнаго и восточнаго пенитенціаловъ. Въ виду давно возбужденнаго проф. Н. С. Суворовымъ (въ отмѣченныхъ выше его ученыхъ трудахъ) вопроса о вліяніи латинскихъ пенитенціаловъ на памятники древняго славяно русскаго права и между прочимъ и въ области епитимійниковъ, — проф. Н. А. Заозерскій, наконецъ, входитъ въ обсужденіе трактуемаго взаимоотношенія и съ этой стороны. Въ довольно пространной рѣчи онъ касается здѣсь не только вопроса о вліяніи латинскаго пенитенціала на славянскій, но даже и вліянія его на «Законъ судный людемъ» (стр. 77—83), и въ конечномъ выводѣ, соглашаясь съ этимъ вліяніемъ вообще, однако, относитъ его болѣе къ области памятниковъ уголовного права, нежели къ пенитенціалу. Правда, результатомъ такого вліянія является и извѣстная Гейтлеровская «Заповѣдь св. отецъ»; но примѣнительно къ ея значенію, то-же вліяніе «не велико и весьма не важно».

Не трудно видѣть, какъ вся эта пространная рѣчь весьма далека отъ задачъ, вообще поставленныхъ въ разсматриваемой книгѣ ея заглавіемъ и въ частности предисловіемъ автора, судя по его общему надписанію. Здѣсь нѣтъ ни слова о какихъ-либо редакціяхъ Постника пенитенціала — грузинской, славянской или греческой, — а имѣется въ виду вообще пенитенціалъ Восточной церкви, въ его окончательно и обще-выработанномъ складѣ, о которомъ дать представленіе — все вышесказанное въ настоящей книгѣ и не задавалось и не могло задаваться. Мы едва-ли, поэтому, сдѣлаемъ ошибку, если скажемъ, что весь этотъ трактатъ, совершенно не предполагавшійся вводными строками автора, обязанъ своимъ присутствіемъ въ разсматриваемой книгѣ какой-то необъяснимой для читателя случайности. Въ виду такого посторонняго его значенія, мы и считаемъ достаточнымъ ограничиться по поводу его только предлагаемыми далѣе краткими замѣчаніями.

1. Что покаянно-исповѣдному уставу съ именемъ Іоанна Постника дѣйствительно присущи — единство идеи и формы и внутренняя послѣдовательность, — это фактъ не подлежащій сомнѣ-

нію. Но относить всѣ эти превосходныя качества на счетъ его составителя, какъ повидимому должно-бы быть по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, — было-бы нѣкоторымъ преувеличеніемъ его заслуги. Исповѣдь есть актъ, основа котораго лежитъ глубоко въ психической природѣ человѣка. Она, поэтому, какъ съ точки зрѣнія исполняющаго ее, такъ и со стороны принимающаго, есть естественное психологическое явленіе. — Примѣнительно къ этому, извѣстныя формы и внѣшнія дѣйствія при ней суть явленія, сами собою осуществляемые при ея совершеніи, и суть такія, которыя по необходимости должны отвѣчать содержанію сего акта. — Заслуга составителя нашего пенитенціала заключается, не столько въ установленіи этихъ дѣйствій и формъ, сколько, такъ сказать, въ констатированіи ихъ, какъ естественно примѣнимыхъ при исповѣди и покаяніи.

2. Правила Василия В. имѣли огромное значеніе въ исторіи епитимійнаго номоканона Восточной церкви. Этотъ фактъ, съ особенною ясностью устанавливаемый теперь проф. Н. А. Заозерскимъ (стр. 63—65), подтверждается греческими пенитенціалами самыхъ разнообразныхъ изводовъ. — Но возводить это значеніе столь высоко, что съ именемъ Василия В. связывать и начало епитимійнаго номоканона — это опять таки будетъ преувеличеніемъ. Самъ составитель Канонарія — если и пользуется положительными предписаніями сего отца церкви, то только для исторической справки. Впрочемъ, не отрицаемъ, что первый пользуется въ извѣстной мѣрѣ воззрѣніями послѣдняго, какъ санкционирующими проводимую Канонаріемъ въ практику снисходительную дисциплину.

3. Устанавливая внутреннее взаимоотношеніе западныхъ пенитенціаловъ и восточнаго епитимійника, проф. Н. А. Заозерскій упускаетъ изъ вниманія, что въ этомъ случаѣ онъ выходитъ изъ сравненія неодинаковыхъ величинъ. Съ одной стороны онъ беретъ здѣсь во вниманіе: на Западѣ — пенитенціалъ въ тѣсномъ смыслѣ, а на Востокѣ — весь исповѣдно покаянный уставъ; съ другой — онъ имѣетъ въ виду: на Западѣ-же — пенитенціалъ въ самыхъ разнообразныхъ его типахъ уже установившихся, на Востокѣ-же — собственно въ одномъ типѣ и скорѣе только въ первообразѣ восточнаго епитимійника. Вотъ почему, не отрицая принципиальной вѣрности воззрѣнія проф. Н. А.

Заозерскаго о превосходствѣ (по идеѣ) восточнаго пенитенціала, мы по крайней мѣрѣ считаемъ правильнымъ думать, что столь всеконечно отрицать какія-либо хорошія стороны въ западныхъ пенитенціалахъ и наоборотъ видѣть полнѣйшее совершенство въ восточномъ пенитенціалѣ, по меньшей мѣрѣ, — нельзя считать съ должною обстоятельностью обоснованнымъ. Изученіе позднихъ греческихъ пенитенціаловъ всегда можетъ оправдать такую нашу осторожность.

4. Что «ordo» — чинъ исповѣди на Западѣ обыкновенно отдѣлялся отъ самаго пенитенціала, — это съ нѣкоторыхъ сторонъ не можетъ трактоваться, какъ несовершенство послѣдняго. — Ordo — не уставъ совершенія *самой исповѣди*, а только формальная совокупность молитвеннаго элемента при этомъ совершеніи, — послѣдованіе. Послѣднее же и въ восточныхъ покаянныхъ уставахъ ранняго времени, если и не отсутствовало совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ не было съ какою-либо точностью регламентировано. — Будучи всецѣло литургическимъ произведеніемъ, «ordo», по неизбѣжному порядку, вносился въ соответствующую богослужебную книгу; — этимъ и вызвано было отдѣленіе его отъ пенитенціала въ тѣсномъ смыслѣ. Такая неизбѣжность съ теченіемъ времени одинаково сказалась и на Востокѣ, почему и здѣсь, напр. въ настоящее время, послѣдованіе исповѣди (въ греческой церкви) и даже съ наставленіемъ ея производства (въ русскомъ Трѣбникѣ) отдѣлено отъ епитимійника — Не можемъ не добавить сюда, что фактъ такого отдѣленія на Западѣ въ болѣе раннее время, чѣмъ это наблюдается на Востокѣ, въ нѣкоторой мѣрѣ свидѣтельствуетъ о болѣе же раннемъ сформированіи тамъ во всѣхъ подробностяхъ ученія о покаяніи, какъ сакраментальномъ священнодѣйствіи.

5. Разнородность идейныхъ элементовъ, такъ присущая извѣстной части западныхъ пенитенціаловъ, хотя и въ очень незначительной мѣрѣ и не съ столь яркимъ отраженіемъ, находила для себя отголосокъ порою и въ восточныхъ пенитенціалахъ. Это наблюдается, напр., уже въ Канониконѣ, при рѣчи въ немъ объ убійствѣ. Въ позднихъ-же пенитенціалахъ внимательное ихъ штудированіе можетъ привести къ цѣлому ряду такихъ наблюдений.

6. Монашескую строгость жизни для кающагося, выраженіемъ коей въ западныхъ пенитенціалахъ служатъ предписанія

имъ поста на хлѣбъ и водѣ, также вовсе нельзя считать чуждою и восточнымъ пенитенціаламъ, по крайней мѣрѣ въ позднихъ ихъ изводахъ. Это въ одинаковой мѣрѣ приложимо и къ греческимъ⁶⁹⁾ и къ славяно-русскимъ⁷⁰⁾ епитимійникамъ.

7. Категорическій тонъ предписаній относительно наложенія епитиміи на извѣстный срокъ, такъ характеризующій собою западные пенитенціалы, въ меньшей мѣрѣ присущъ и всѣмъ восточнымъ пенитенціаламъ. Характеръ лишь руководственныхъ правилъ духовнику, какъ духовному врачу, такія предписанія носятъ только въ Канонаріи и «*Didachalia*», — и не далѣе. Уже въ Канониконѣ они всецѣло утрачиваютъ такой ихъ характеръ и превращаются именно въ категорическія предписанія.

8. По вопросу относительно вліянія западныхъ пенитенціаловъ въ области славянскаго епитимійника, по нашему мнѣнію, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вліяніе это дѣйствительно было и «Заповѣдь св. отецъ» въское тому подтвержденіе. Мы согласны съ проф. Н. А. Заозерскимъ, что это вліяніе повидимому, было незначительнымъ, хотя быть можетъ подробное изученіе древнихъ памятниковъ юго-славянскаго пенитенціала скажетъ на этотъ разъ и что-либо большее. Но что касается до того — какимъ путемъ шло это вліяніе, — твердое рѣшеніе такого вопроса еще впереди. — Если принять во вниманіе, что окончательное раздѣленіе церкви Восточной и Западной — фактъ болѣе поздній, сравнительно съ моментомъ водворенія христіанства у славянъ, и если припомнить близкія отношенія къ Риму апостоловъ славянъ Кирилла и Меѳодія, — то возможность въ этомъ случаѣ и непосредственнаго вліянія, чрезъ переводъ на славянскій языкъ именно латинскаго оригинала, — дѣло вполне мыслимое. Но съ другой стороны — и происхождение начальныхъ дѣятелей по просвѣщенію христіанствомъ славянъ, и ихъ образъ дѣйствій невольно заставляютъ относиться къ такому предположенію съ большою осторожностью и побуждаютъ задаваться вопросомъ — не было ли на этотъ разъ другого пути для того-же вліянія, менѣе замѣтнаго для славянъ? И думается, что онъ былъ, если не для дальнихъ западныхъ славянъ, то по

⁶⁹⁾ См. «Тайная исповѣдь», III, I, стр. 147, 162 и 283.

⁷⁰⁾ См. *ibid.*, стр. 38 и др.

крайней мѣрѣ для славянъ южныхъ, одинаково близкихъ и къ Восточной и къ Западной церкви. Западная церковь, еще въ очень раннее время, безусловно отразила сильное вліяніе на церковной жизни грековъ — или поселившихся въ ея областяхъ (на югѣ Италіи), или населявшихъ мѣстности, близкія къ ея предѣламъ. Ихъ церковные уставы и обряды съ самыхъ раннихъ поръ усвоили себѣ различныя черты римско-католической церковной практики. Не составилъ въ этомъ отношеніи исключенія и уставъ исповѣди. — И по нашему мнѣнію, въ этой то письменности по преимуществу и нужно искать путь предполагаемаго теперь вліянія Запада на славянскій пенитенціалъ. Тождество формальной конструкціи исповѣднаго устава, какъ онъ по преимуществу имѣется въ памятникахъ древней славяно-русской письменности и какъ онъ есть только въ Ватиканской греко-италійской ркп. X в. № 1554, но совершенно не встрѣчается въ восточныхъ канонико-лургическихъ рукописяхъ, — говорить многое въ пользу такого предположенія. — Къ сожалѣнію, эта рукописная церковная литература италійскихъ грековъ почти что не изучалась. Между тѣмъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что она дастъ немаловажные результаты по вопросу о трактуемомъ вліяніи.

Въ заключеніе, говоря вообще о настоящемъ отдѣлѣ, мы, по существенному его вопросу — о сравнительномъ достоинствѣ пенитенціала римско-католической церкви и церкви Восточной, не можемъ не сказать, что для рѣшенія его съ должною обстоятельностью, въ научной литературѣ пока нельзя назвать достаточнымъ количество опубликованныхъ памятниковъ восточнаго пенитенціала времени послѣ X вѣка.

VII.

Нѣсколько словъ относительно текстовъ, изданныхъ проф.

Н. А. Заозерскимъ. — Заключительные выводы.

Книга проф. Н. А. Заозерскаго и А. С. Хаханова посвящена собственно изслѣдованію образованія сложнаго каноническаго памятника, называемаго номоканономъ Іоанна Постника, первоначальная исторія котораго весьма темна и для освѣщенія

каковой исторіи не издано еще достаточное количество относящихся сюда памятниковъ. — Въ виду этого нечего и говорить, что изданіе при ней тѣхъ или другихъ текстовъ, въ особенности еще не опубликованныхъ, имѣетъ существеннѣйшее значеніе: безъ нихъ такая книга мертва. Разсматриваемая книга дѣйствительно и отвѣчаетъ такой насущной потребности, — отвѣчаетъ въ цѣлой ея половинѣ, какъ сказано выше. Это изданіе текстовъ, однако, не безъ основательныхъ поводовъ къ нѣкоторымъ вопросамъ и замѣчаніямъ.

Изданіе и именно не опубликованныхъ еще текстовъ при настоящей книгѣ, какъ мы знаемъ, признается необходимымъ еще во вводныхъ строкахъ къ предисловію проф. Н. А. Заозерскаго. Тамъ, какъ желательными и слѣдовательно предположенными къ напечатанію на этотъ разъ, указаны между прочимъ и греческій списокъ номоканона по Мюнхенской ркп. X в., № 498, и славянскій списокъ по Устюжской кормчей, иваче ркп. Румянцевскаго муз. XIII в., № 230. — Тотъ и другой — древнѣйшіе въ своей области. — Обращаемся къ изданнымъ теперь памятникамъ: въ ряду ихъ не только нѣтъ цѣлыхъ номоканоновъ изъ указываемыхъ ркп., но даже и слѣдовъ какихъ-либо извлеченій изъ нихъ, исключая, впрочемъ, двухъ незначительныхъ вариантовъ (стр. 9 и 17) изъ славянскаго списка. И это въ то время, когда греческій текстъ въ особомъ спискѣ былъ подъ руками проф. Н. А. Заозерскаго, согласно его заявленію, а славянскимъ текстомъ онъ тѣмъ болѣе могъ располагать. — Такимъ образомъ, самое изданіе текстовъ не отвѣчаетъ справедливымъ чаяніямъ читателя на основаніи введенія. Почему? — Въ отвѣтъ на это мы не находимъ рѣшительно ни одного объяснительнаго слова. А оно безусловно должно было-бы быть. И допустимъ даже, что при печатаніи настоящей книги проф. Н. А. Заозерскому и стало извѣстнымъ объ изданіи предполагаемыхъ теперь текстовъ проф. Н. С. Суворовымъ, — все-таки и тогда должно быть мѣсто хотя-бы указанію на это послѣднее изданіе. — Не говоримъ уже о томъ, что даже и въ такомъ случаѣ имъ нѣчто должно было опубликоваться изъ Мюнхенской ркп., какъ оставшееся еще не изданнымъ.

Указываемый теперь дефектъ въ ряду изданныхъ памятниковъ имѣетъ, однако, не формальное, но и весьма существенное значеніе, примѣнительно къ самому содержанію предисловія

проф. Н. А. Заозерского. — Въ предисловіи, какъ мы знаемъ, при рѣчи по главнѣйшему вопросу — о составѣ номоканона Іоанна Постника, въ ряду основныхъ составныхъ элементовъ указывается, кромѣ Канонарія и Каноникона, еще «*Διδασκαλία πατέρων*» — памятникъ, признаваемый авторомъ наидревнѣйшимъ, относящимся еще къ V—VI вв. Единственный, по мнѣнію автора, цѣлостный текстъ его и сохранился именно въ указанной Мюнхенской ркп., древнѣйшій же переводный текстъ въ отмѣченной ркп. Румянцевскаго музея № 230, а сверхъ того, болѣе или менѣе незатемненный текстъ сего «Наставленія отцовъ» еще и не издавался. И конечно, — отсюда само собою открывается насущнѣйшая потребность видѣть тотъ и другой текстъ въ разсматриваемой книгѣ. Его, однако, нѣтъ и признаковъ, за отложеніемъ въ сторону при изданіи памятниковъ — и Мюнхенской и Румянцевской ркп. — Благодаря этому, читатель настоящей книги лишень сколько-нибудь отчетливаго представленія объ одной изъ важнѣйшихъ составныхъ частей Постникова епитимійника, и именно такой, точное представленіе о которой не дается другими ранѣе исполненными изданіями, какъ это есть въ отношеніи Канонарія и Каноникона. Тѣмъ болѣе, значитъ, проф. Н. А. Заозерскому настояла надобность отмѣтить изданіе проф. Н. С. Суворова, — если только осуществленіе послѣдняго ему уже было извѣстно.

Отсутствіе въ ряду изданныхъ памятниковъ «*Διδασκαλίας πατέρων*», хотя-бы и по другой какой-либо ркп. и хотя-бы въ переводномъ только текстѣ, — вызываетъ собою, кромѣ указываемаго существеннаго неудобства, и еще одно ограничительное для значенія изданныхъ теперь памятниковъ послѣдствіе. Именно. При отмѣчаемомъ нами дефектѣ, общему совокупности изданныхъ теперь текстовъ обнято изданіе собственно не номоканона Іоанна Постника (при пониманіи его авторомъ въ видѣ сложнаго произведенія), а только Канонарій монаха Іоанна, — положимъ и съ Канониономъ, который, однако, не можетъ быть признаваемъ за отдѣльное отъ перваго произведеніе, и не былъ никогда нарочито составляемъ.

Это изданіе Канонарія, совмѣстно съ такъ называемымъ Канониономъ, осуществлено теперь въ трехъ текстахъ — греческомъ, славянскомъ и, наконецъ, грузинскомъ, съ русскимъ переводомъ послѣдняго. — Всѣ эти тексты, замѣтимъ, — въ сущности дѣла

представляютъ одну редакцію, только (въ особенности съ точки зрѣнія Каноникона) въ различныхъ изводахъ. Въ виду этого, слова заглавія книги — «въ редакціяхъ грузинской, греческой и славянской» — поскольку они относятся и къ изданнымъ текстамъ, нельзя назвать особенно точными. — Перейдемъ, однако, къ самымъ изданнымъ текстамъ.

Греческій текстъ какъ Канонарія, такъ и Каноникона не представляетъ ничего новаго и есть только перепечатка: для перваго — текста, изданнаго Мориномъ, для втораго — текста, изданнаго Пятроу въ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*». — И какъ для Канонарія, такъ и для Каноникона только такую перепечатку — и не болѣе, по нашему мнѣнію, въ настоящемъ случаѣ нельзя считать достаточною.

Какъ автору вѣдомо изъ находившагося у него подъ руками списка, — въ Мюнхенской ркп. имѣется и текстъ Канонарія — древнѣйшій, который теперь извѣстенъ. Нечего говорить, конечно, что этотъ Мюнхенскій текстъ и долженъ былъ найти себѣ мѣсто въ разсматриваемой книгѣ вмѣсто Мориновскаго текста, — хотя-бы онъ уже и былъ изданъ проф. Н. С. Суворовымъ, разъ авторъ располагалъ для такого изданія своимъ собственнымъ спискомъ. Изданный теперь Мориновскій текстъ имѣетъ значеніе только, какъ оригиналъ для напечатаннаго параллельно съ нимъ славянскаго текста; изданный же здѣсь Мюнхенскій текстъ имѣлъ-бы значеніе и самъ по себѣ, какъ текстъ древнѣйшій. Правда, при немъ нѣтъ предисловія, а изъ его середины утрачено до 20-ти строкъ. Но эти дефекты съ полнымъ удобствомъ могли быть устранены соответствующими вставками изъ Мориновскаго текста; а если-бы при этомъ были приведены и всѣ варианты послѣдняго къ Мюнхенскому тексту, мы имѣли-бы и совмѣстное изданіе двухъ текстовъ, и наглядный показатель тѣхъ измѣненій, какія претерпѣвалъ текстъ Канонарія въ его оригиналѣ, и вообще изданіе, имѣющее болѣе научную цѣнность.

Издавая греческій текстъ Каноникона изъ «*Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν*», проф. Н. А. Заозерскій, конечно, руководствовался и принадлежностью его здѣсь къ содержанію якобы древняго памятника, а главное, вѣроятно, тѣмъ, что въ этомъ случаѣ Канониконъ имѣется и въ болѣе полной редакціи, и болѣе соответствуетъ славянскому переводному тексту. Мы думаемъ, однако, разъ содержаніе Каноникона слагалось постепенно, — прямой

долгъ автора былъ, издавая указываемый теперь текстъ, хотя-бы въ примѣчаніи издать и прототипъ его, находящійся опять въ той-же Мюнхенской ркп., подъ заглавіемъ — «Αὐτὸ δὲ ἐπιτιμῶσις... τὰς ὑουαίς». И это надо сказать тѣмъ болѣе, что настоящая статья, вѣроятно бывшая въ спискѣ у проф. Н. А. Заозерскаго, — не издана проф. Н. С. Суворовымъ, и такимъ образомъ остается неизданною и теперь, хотя для историческаго изученія Каноникона она имѣетъ значеніе первой важности.

Въ отношеніи славянскаго текста проф. Н. А. Заозерскій пользуется для изданія Канонарія — Иоасафовской кормчей, а для изданія Каноникона — кормчею Саввино-Сторожевскаго монастыря (XVI в.). Что здѣсь должно было быть объяснено, почему именно текстъ Канонарія издается по Иоасафовской, а не по болѣе древней и болѣе исправной ркп. Румянцевскаго музея, — это ясно само собою. Но въ особенности это приходится отмѣтить, наблюдая, что указанные выше варианты по Румянцевской кормчей, какъ поправляющіе изданный славянскій текстъ, относятся именно къ Канонарію по переводу его въ Иоасафовской кормчей. — При наличности такого объясненія другимъ ученымъ, интересовавшимся изданнымъ теперь текстомъ, не было-бы надобности задаваться вопросомъ, почему именно на этотъ разъ отдано предпочтеніе тексту позднему предъ болѣе древнимъ⁷¹⁾. — Съ другой стороны — тогда читатель разсматриваемой книги зналъ-бы, что въ Румянцевской кормчей списокъ Канонарія страдаетъ неполнотою за выпаденіемъ, вѣроятно, двухъ листовъ изъ рукописи⁷²⁾. — По нашему мнѣнію, только въ послѣднемъ и можетъ состоять предполагаемое теперь объясненіе.

Что касается до самаго изданнаго текста Канонарія, то уже специалистами констатировано въ немъ «довольно много погрѣшностей». Нѣкоторыя изъ нихъ (собственно двѣ) уже исправлены проф. Н. А. Заозерскимъ путемъ отмѣтки вариантовъ по Устюжской кормчей. Нельзя, однако, не пожалѣть, что это не сдѣлано

⁷¹⁾ См. рецензію А. И. Соболевскаго на разсматриваемую книгу въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г., т. СССXXXVII, № 5, стр. 232—233.

⁷²⁾ Ср. А. Востоковъ, «Опис. ркпн. Румянцевскаго муз.», Спб. 1842, стр. 277; Н. С. Суворовъ, «Вѣроятный составъ.. покаяннаго и исповѣднаго устава...», стр. 102.

съ болѣею тщательностью. Тогда былъ-бы исправленъ и рядъ другихъ неточностей, какъ напр. — «исполняющую» (Устюжск. ркп. правильнѣе — «испълняюща»), «стебло» (также — «есть»), «ерѣи» (также — «вѣрѣ») и пр.⁷³⁾. — Нѣкоторыя неточности въ изданіи, впрочемъ, зависятъ и отъ самаго издателя, какъ напр. — «изгласия» (чит. «изгла сия»), «расудили» (чит. «расуди ли») и др. (См. стр. 61 и 75).

Относительно славянскаго текста Каноникона мы считаемъ нужнымъ сказать только — а) въ болѣе своей половинѣ (послѣ 23 правила по греческому оригиналу) онъ представляетъ особый памятникъ, сравнительно съ параллельно ему изданнымъ «Каювижѣ»-омъ изъ «Διδασκαλία τῶν μοναχοῦσῶν»; б) несомнѣнно, онъ изданъ безъ окончанія⁷⁴⁾, и в) напрасно издатель не обозначилъ при этомъ самомъ текстѣ, что онъ публикуется изъ другой ркп. (Саввино-Сторожевской кормчей)⁷⁵⁾.

Рѣчью о текстахъ, изданныхъ при книгѣ проф. Н. А. Заозерскаго, мы и закончимъ наше критическое обзорнѣе настоящаго его ученаго труда. — Подведемъ итоги этому обзорнѣю.

Разсмотрѣнная теперь книга носитъ заглавіе — «Номоканонъ Иоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями издателей». Такимъ заглавіемъ книга обязана исключительно издаваемымъ при ней текстамъ — грузинскому, греческому и славянскому. — Что-же касается до самаго изслѣдованія въ «предисловіяхъ», то оно не находится въ соответствіи съ этимъ заглавіемъ. Мы не находимъ здѣсь какого-либо специальнаго изслѣдованія объ отмѣченныхъ редак-

⁷³⁾ Ср. рец. А. И. Соболевскаго, *ibid.*, стр. 233; ср. Н. С. Суворовъ, *цит. изд.*, стрр. 66, 70 и 74 и у Н. А. Заозерскаго, стрр. 5, 23 и 61.

⁷⁴⁾ Текстъ кончается здѣсь словами — «☩ еже колико главизнъ изгонютъ иноки ѿ обители» (стр. 95), чѣмъ предполагается далѣе отвѣтъ на такой заголовокъ. Ср. Н. С. Суворовъ, *цитов. изд.*, стр. 9.

⁷⁵⁾ См. у А. И. Соболевскаго (тамъ-же), который считаетъ весь помѣщенный здѣсь славянскій текстъ взятымъ изъ одной Иоасафовской кормчей.

п'яхъ. Это надо сказать даже относительно грузинской редакціи, хотя ей посвящено особое предисловіе проф. А. С. Хаханова. Нѣкоторое исключеніе отчасти составляетъ только редакція греческая.

Оправдывая свое названіе только издаваемыми при ней текстами, настоящая книга, однако, со стороны этихъ самыхъ текстовъ далеко не отвѣчаетъ основательнымъ ожиданіямъ ея читателя. Напечатанными здѣсь текстами не обнимаются даже всѣ основные составные элементы номоканона І. Постника, установленные въ предисловіи проф. Н. А. Заозерскаго. — Собственно новыхъ, доселѣ еще не опубликованныхъ текстовъ здѣсь издано только два — славянскій (въ двухъ частяхъ изъ различныхъ рукописей), съ перепечаткою при немъ греческаго оригинала, и грузинскій съ русскимъ переводомъ. Тотъ и другой, однако, не представляютъ какихъ-либо новыхъ памятниковъ, неизвѣстныхъ доселѣ въ ихъ греческомъ оригиналѣ, и потому для исторіи номоканона съ именемъ Іоанна Постника имѣютъ значеніе скорѣе только формальное, — служатъ только показателями распространенности на Востокъ извѣстной редакціи этого епитимійника. Изданіе здѣсь того и другого текста, сверхъ того, нельзя назвать исполненнымъ съ должнымъ критическимъ отношеніемъ къ этому дѣлу. Особенное значеніе въ этомъ случаѣ долженъ-бы имѣть изданный текстъ грузинскаго перевода; — но, какъ показывается нами въ особой спеціальной замѣткѣ, это изданіе не можетъ быть названо совершеннымъ — ни въ оригинальномъ текстѣ, ни въ русскомъ его переводѣ.

Что касается до научныхъ изслѣдованій, обнимающихъ первую половину книги, то существенною задачею ихъ ставится весьма важный вопросъ — выяснитъ основные составные элементы номоканона Іоанна Постника и такимъ образомъ освѣтитъ его первоначальную историческую судьбу, насколько для того имѣются данныя въ древнѣйшихъ памятникахъ этого епитимійника — не только греческихъ, но и славянскихъ и даже на грузинскомъ языкѣ. — Такой намѣченный теперь авторомъ къ разрѣшенію вопросъ — одинъ изъ труднѣйшихъ въ исторіи источниковъ права Греческой церкви. Для болѣе или менѣе удовлетворительнаго своего рѣшенія онъ требовалъ отъ проф. Н. А. Заозерскаго бдительнѣйшаго вниманія ко всякимъ внѣшнимъ особенностямъ и внутреннимъ деталямъ изучаемыхъ имъ памятни-

ковъ, — памятниковъ, входившихъ въ самыя разнообразныя комбинаціи другъ съ другомъ, при ихъ совмѣстномъ изложеніи. — Къ сожалѣнію, у автора, при всей серьезности и добросовѣтности отношенія его къ предпринятой имъ задачѣ и при научности его приѣмовъ, не оказалось въ достаточной мѣрѣ столь терпѣливаго и глубокаго вниманія. Онъ не столько входитъ въ тщательный критическій анализъ внѣшняго характера и внутренней конструкціи, фактическаго содержанія и идейнаго значенія изучаемыхъ имъ памятниковъ, самихъ въ себѣ и въ сопоставленіи ихъ другъ съ другомъ, — сколько скользитъ своею мыслью, нерѣдко одухотворяемой возвышеннымъ чувствомъ, по ихъ матеріальному содержанію и идейной сторонѣ.

Велѣдствіе этого изъ «предисловія» проф. Н. А. Заозерскаго получилось — не столько всестороннее изслѣдованіе, сколько, такъ сказать, серьезный научный этюдъ. Это — съ одной стороны. Съ другой — велѣдствіе того же самаго, — по нашему глубокоу убѣжденію, авторъ не разрѣшилъ правильно поставленной имъ себѣ задачи, не установилъ искомыя имъ основные элементы такъ, какъ это было въ действительности, и по цѣлому ряду вопросовъ пришелъ къ заключеніямъ, въ которыхъ научныхъ ошибокъ, и притомъ ошибокъ большой важности — болѣе, чѣмъ исторической правды.

Въ точности и сжато говоря, въ конечныхъ выводахъ здѣсь получаются такіе результаты. —

Проф. Н. А. Заозерскій признаетъ основными элементами номоканона съ именемъ Іоанна Постника —

а) Такъ называемый «*Κανονικόν*», изъ коего епитиміи, съ именемъ І. Постника, заимствованы М. Властаремъ, и который авторъ не прочь признать произведеніемъ, принадлежащимъ патріарху Іоанну Постнику.

б) Наставленіе о совершеніи исповѣди съ надписаніемъ — «*Διδασχалиά πατέρων περί τῶν ὀφειλόντων ἐξαγγεῖλαι τα ἴδια ἀμαρτήματα*», находящееся въ Мюнхенской ркп. X в., которое авторъ также считаетъ возможнымъ усвоить патріарху Іоанну Постнику и относитъ по происхожденію даже къ V—VI в.

и в) Извѣстный, изданный Моринотъ, памятникъ съ надписаніемъ — «*Κανονάριον Ἰωάννου τοῦ μοναχοῦ...*», состави-

тель которого, по мнѣнію проф. Н. А. Заозерскаго, жилъ не позже IX вѣка.

Различныя формы сочетанія этихъ основныхъ элементовъ и создавали различныя изводы или типы пенитенціала, обыкновенно называемаго «номоканонъ Іоанна Постника». — Признававшійся доселѣ древнѣйшимъ такимъ номоканономъ памятникъ — «Ἀπολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογουμένων τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν τοῦ Ἰωάννου Ἡγαστευτοῦ» и есть одинъ изъ такихъ позднихъ типовъ.

Вопреки этимъ положеніямъ проф. Н. А. Заозерскаго, по нашему мнѣнію, — какъ не подлежащимъ сомнѣнію, однако, нужно признать слѣдующее:

а) «Κανονικόν», поскольку онъ можетъ пониматься по своему содержанію совпадающимъ съ понятіемъ пенитенціала въ точномъ смыслѣ, — никогда не можетъ усвоиться перу патріарха Іоанна Постника, никогда не былъ по своему происхожденію отдѣльнымъ произведеніемъ, никогда не былъ изначальной составною частью «Διδασκαλία τῶν μοναζουσῶν», а есть въ своей первичной основѣ не иное что, какъ необходимая составная часть Канонарія, въ видѣ дополненія къ нему, первоначально содержавшая въ себѣ епитиміи только за женскіе грѣхи, а затѣмъ, въ виду односторонности Канонарія, послѣдующими компиляторами усложненная внесеніемъ епитимій и за общіе тяжкіе грѣхи, не предусмотрѣнные Канонаріемъ. Окончательно онъ сформировался (въ различныхъ видахъ) развѣ только къ концу XI в. — Такимъ образомъ, «Κανονικόν» — это производный отъ Канонарія памятникъ каноническаго характера.

б) Въ параллель тому, «Διδασκαλία πατέρων» — никогда не можетъ считаться самобытнымъ произведеніемъ, относящимся къ столь сѣдой древности, какъ V—VI в., и быть можетъ принадлежати перу патріарха-же Іоанна Постника. — Это есть не болѣе, какъ сокращенная переработка Канонарія, предпринятая вѣроятно въ IX в. и въ цѣляхъ выдвинуть въ руководствѣ духовникамъ на первый планъ уставъ совершенія самой исповѣди, съ каковымъ собственно значеніемъ она и сохраняла далѣе свое мѣсто въ номоканонѣ съ именемъ Іоанна Постника. Такимъ образомъ, «Διδασκαλία πατέρων» — это другой производный отъ Канонарія памятникъ, но уже по преимуществу литургическаго направленія.

в) Что касается Канонарія, то онъ представляетъ собою дѣйствительно самостоятельное произведеніе, которое составлено неизвѣстнымъ монахомъ-духовникомъ быть можетъ еще въ концѣ VIII вѣка, — но не какъ формальный покаянно-исповѣдный уставъ, а просто, какъ научно-практическое разсужденіе, отличающееся, однако, въ своемъ возрѣніи на грѣхъ крайнею односторонностью. Эти его качества съ необходимостью и породили: первое — «Διδασκαλία πατέρων», второе — «Κανονικόν», какъ разносторонній епитимійникъ.

г) Примѣнительно ко всему этому, всѣ указанные проф. Н. А. Заозерскимъ памятники должны быть поставлены, по степени важности и древности происхожденія, совершенно въ противоположномъ порядкѣ, т. е. — сначала «Κανονάριον», затѣмъ «Διδασκαλία πατέρων» и, наконецъ, «Κανονικόν».

д) Далѣе, въ соотвѣтствіе тому же, такъ называемый номоканонъ Іоанна Постника, какъ епитимійникъ, въ его основномъ составѣ, не есть что-либо сложное, которое-бы обнимало извѣстную совокупность различныхъ отдѣльныхъ произведеній, направленныхъ къ одной цѣли. Онъ есть, по своему первооснованію — цѣльное произведеніе, каковое принято было называть «Κανονάριον Ἰωάννου τοῦ μοναχοῦ».

е) Служа въ послѣдствіи практическимъ руководствомъ по наложенію епитимій и совершенію исповѣди, въ значеніи номоканона съ именемъ І. Постника, этотъ Канонарій, наконецъ, употреблялся для таковой цѣли — или самъ въ себѣ (безъ Каноникона, или-же чаще съ нимъ), разъ онъ имѣлся въ виду, какъ руководитель собственно по наложенію епитимій, или же въ связи съ «Διδασκαλία πατέρων», по преимуществу только въ ея первой части, разъ имъ хотѣли пользоваться и какъ уставомъ исповѣди. Такимъ образомъ, о какомъ-либо разнообразіи формъ сочетанія въ номоканонѣ І. Постника различныхъ элементовъ, если и можетъ быть рѣчь, то только въ отношеніи одной послѣдней формы, но и то въ другомъ смыслѣ, чѣмъ это слѣдуетъ по возрѣніямъ проф. Н. А. Заозерскаго.

ж) «Ἀπολουθία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἑξομολογουμένων», въ изданномъ ея текстѣ у Морина, и есть именно памятникъ послѣдняго сочетанія; но въ неповрежденномъ своемъ видѣ онъ представляетъ «Διδασκαλία πατέρων», въ ея изначальномъ

текстъ, только усовершенствованную привнесениемъ сложнаго литургическаго элемента, и потому самъ въ себѣ есть первый (извѣстный доселѣ), всесторонне обработанный, спеціальный исповѣдный уставъ, составленный никакъ не позже X вѣка, — а въ своей основѣ онъ обнимаетъ въ ненарушенномъ текстѣ и порядкѣ древнѣйшій прототипъ того-же исповѣднаго устава:

и з) Относительно огромнаго значенія «Καυονάριον»-а въ исторіи образованія епитимійнаго номоканона Восточной церкви можно сказать только такъ: «Καυονάριον» несомнѣнно имѣлъ такое большое значеніе, но не по существу, не какъ установитель какой-либо новой покаянной практики, а только съ формальной стороны, какъ систематизировавшій уже вошедшія въ обычай правила смягченной покаянной дисциплины. При этомъ, однако, обнимая въ своемъ содержаніи правила такой дисциплины въ примѣненіи къ грѣхамъ только противъ 7 й заповѣди и оставляя совершенно въ сторонѣ почти все другія прегрѣшенія, «Καυονάριον» тѣмъ самымъ открывалъ просторъ ко всякимъ разностямъ въ опредѣленіи епитимій по отношенію къ этимъ послѣднимъ грѣхамъ. Слѣдовательно, рядомъ съ положительною стороною руководство имъ имѣло и отрицательные результаты.

Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ, по нашему сужденію, — авторомъ въ ряду установленныхъ имъ основныхъ элементовъ — въ концѣ (по происхожденію) поставляется тотъ, который долженъ быть поставленъ начальнымъ, — все эти основные элементы предполагаются, въ сущности дѣла, независимыми другъ отъ друга, между тѣмъ какъ они находятся въ тѣснѣйшей генетической связи, — основными элементами первостепенной древности считаются тѣ, которые на самомъ дѣлѣ суть производные, и пр.

При всемъ томъ, самое предпріятіе къ научному разрѣшенію столь трудной задачи, какъ намѣченная теперь проф. Н. А. Заозерскимъ (одновременно съ проф. Н. С. Суворовымъ), — есть уже подвигъ, заслуживающій полнаго вниманія; вокругъ номоканона Іоанна Постника столько мрака, что всякая серьезная и спеціальная попытка его разсвѣять должна приниматься съ благодарностью.

Авторъ, далѣе, самостоятельно вводитъ (одновременно съ проф. Н. С. Суворовымъ) въ вопросъ уясненія первоначальной темной судьбы номоканона, приписываемаго патриарху Іоанну

Постнику, цѣннѣйшій матеріалъ въ видѣ древнѣйшаго Мюнхенскаго номоканона X вѣка и славянскаго его перевода по рип. XIII в., — каковой составляетъ пособіе первой важности къ правильному разъясненію настоящаго вопроса.

Проф. Н. А. Заозерскій, затѣмъ (одновременно-же съ проф. Н. С. Суворовымъ), — если и не съ исчерпывающими доказательствами и не со всею точностью, но окончательно направляетъ вопросъ о древности извѣстнаго памятника — «'Αχολοβία καὶ τάξις ἐπὶ τῶν ἐξιμολογουμένων» къ безповоротному рѣшенію въ томъ смыслѣ, что этотъ исповѣдно-покаянный уставъ только производная редакція номоканона съ именемъ І. Постника.

Наконецъ, — чтò и главное, — проф. Н. А. Заозерскій первый у насъ привлекаетъ къ уясненію вопроса о номоканонѣ, усвояемомъ Іоанну Постнику, давно извѣстный, но доселѣ остававшійся въ тѣни, епитимійникъ съ надписавіемъ — «Καυονάριον Ἰωάννου τοῦ ποταχῶ...». Такимъ привлеченіемъ его къ уязвимой цѣли онъ даетъ толчекъ къ наиболее вѣроятному разрѣшенію вопроса о происхожденіи и образованіи покаяннаго номоканона съ именемъ патриарха Іоанна Постника.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

(По Номоканону, ркп. 1493 г., библиотеки Афонского монастыря Каракалла, № 227, — по каталогу Лампроза, № 1740).

ΔΙΑΦΟΡΟΙ ΔΙΑΦΟΡΑΙ ΚΑΙ ΔΙΑΘΕΣΕΙΣ ΕΙΣ ΤΟΥΣ ΕΞΟΜΟΛΟΓΟΥΜΕΝΟΥΣ ΚΡΥΦΙΑ ΑΜΑΡΤΗΜΑΤΑ, ΑΙ ΣΥΓΓΡΑΦΕΙΣΑΙ ΥΠΟ ΊΩΑΝΝΟΥ ΜΟΝΑΧΟΥ ΚΑΙ ΔΙΑΚΟΝΟΥ, ΜΑΘΗΤΟΥ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΚΑΙ ΜΕΓΑΛΟΥ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ, ΟΥ ΤΙΝΟΣ Η ΕΠΩΝΥΜΙΑ, ΤΕΚΝΟΝ ΥΠΑΚΟΗΣ.

᾽Οτι δεῖ τὸν ἐξομολογούμενον κρύφια πταίσματα ἀνθρώπων ἀνθρώπῳ μὴ ὡς ἀνθρώπῳ, ἀλλ' ὡς αὐτῷ ἐξομολογεῖσθαι τῷ Θεῷ.

᾽Οτι δεῖ τὸν τὰς ἐξομολογήσεις ἀνθρώπων δεξιόμενον μὴ ὡς ἑτέρῳ, ἀλλ' ὡς τὰς ἑαυτοῦ ἀναδέχεσθαι ἀμαρτίας, καὶ ὡς ἑαυτῷ αὐτῷ διατίθεσθαι.

᾽Οτι τὸ ταπεινὸν καὶ συντετριμμένον καὶ πιστὸν καὶ εὐμετάδοτον ἐξαγορεύοντος, καὶ ἀπειρώς καὶ ἀσυγκρίτως τοῦ ἀναδεχομένου τοῦ ἐξομολογουμένου εὐσύγνωστα, ἤγουν ταχυσυγχώρητα τὰ ἀμαρτήματα, καὶ κούφας τὰς ἐπιτιμήσεις, ἤτοι ἐλαφρὰς εἶωθεν ποιείσθαι.

᾽Οτι δεῖ τὸν δεχόμενον ἐξομολόγησιν μὴ εἰς ὄγκον, μηδὲ εἰς πλῆθος βλέπειν ἀμαρτημάτων, μηδὲ ὑπὲρ φύσιν βάρεα καὶ παρὰ φύσιν εἰς τὰ ἀμαρτήματα, ἀλλ' εἰς μόνην ἀγορᾶν τὴν τοῦ Θεοῦ εὐσπλαγχνίαν καὶ πᾶσαν ἡλαρότητα καὶ χριστολογίαν ἔχειν

τότε πρὸς τὸν ἐξομολογούμενον καὶ τὸν ἐξομολογούμενον δὲ πεπεισμένον εἶναι, ὅτι ὡσπερ ὁ νιπτήρ τὸν ρύπον ἀναδέχεται, οὕτως καὶ αὐτὸν σαφῶς εἰδέναι, ὅτι παρομοίως καὶ ὁ δεχόμενος τὴν ἐξομολόγησιν τὰ τοῦ ἐξαγορεύοντος βαστάζειν βάρη.

Πῶς δεῖ ἐξομολογεῖσθαι.

(β') Λαμβάνειν χρεωστὴ τὸν ἐξομολογούμενον ὁ τοῦτον καὶ τὰ αὐτοῦ ἀναδέχόμενος καὶ ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου καὶ ἱστᾶν αὐτὸν ἐκεῖ· εἰ δὲ μὴ ἔστιν ἐκκλησία, εἰς καθαρὸν που καὶ ἀναχωρημένον, ἤγουν εἰς ἥσυχον τόπον· καὶ συνεύχεσθαι μετ' αὐτοῦ τὸν πεντηκοστὸν ἢ τὸν ἑξήκοστὸν ἔννατον ψαλμὸν, τὸ Τρισάγιον καὶ τὸ Κύριε ἐλέησον μ' ἢ κἂν κδ', καὶ μετανοίας ὁμοίως καὶ μετὰ τὴν τῆς εὐχῆς ταύτην πλήρωσιν ἀποσκεπάζειν αὐτοῦ τὴν κεφαλὴν, ἂν ἔχη εἶναι ὡς ὁ τὸ διάδημα περικειμένος, πλὴν ἂν ἔστιν ἀνήρ· ἢ δὲ γυνή, οὐ· εἰ δὲ ἀββάς, ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ βαλεῖν τὸ ἐχυτοῦ κουκούλιον· καὶ ρίπτειν αὐτὸν ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου καὶ ποιεῖν αὐτὸν κείμενον κάτω καὶ λέγειν τὸν λόγον τοῦτον· «Ἐξομολογοῦμαι σοι, Κύριε, ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πάντα τὰ ἐν τῷ κρυπτῷ τῆς καρδίας μου». Καὶ μετὰ τὸ εἰπεῖν τὸν λόγον τοῦτον, ἀνίσταν αὐτὸν ἐν τῷ ἐνὶ μέρει τοῦ θυσιαστηρίου, καὶ αὐτὸς ἐγγύς ἵστασθαι εἰς τὸ ἕτερον, καὶ ἐπερωτᾶν αὐτὸν ἐν πάσῃ ἡλαρότητι, καὶ τὰς χεῖρας αὐτοῦ τοῦ ἐξομολογουμένου ἐπὶ τὸν ἴδιον ἐπιτιθέσθαι αὐχένα, μάλιστα κἂν ὄρᾳ αὐτὸν κάτω που ὑπὸ τῆς ἀφορήτου λύπης καὶ ἀσχύνης κατακυριεύμενον.

Καὶ ἐπερωτᾶν αὐτὸν πράξια τῆ φωνῆ οὕτως.

Πῶς σου, κύριε ἢ ἀδελφέ, ἢ τέκνον, ἢ κυρά, ἢ ἀδελφή, ἐν πρώτοις ἐφθάρη σου ἢ παρθενία· διὰ πορνείας ἢ διὰ νομίμης γυναικῆς, ἢ διὰ μαλακίας, ἢ τινὸς τῶν παρὰ φύσιν; Καὶ ἔταν εἶπη οὕτως ἢ οὕτως, ὡς ἂν εἶπη, ἐρωτᾶν αὐτόν·

Εἰς πόσας ἔπεσας γυναῖκας πρὸ τοῦ λαβεῖν σε γυναῖκα καὶ εἰς πόσας ἔχων τὴν γυναῖκα, καὶ εἰς πόσας, εἰ ἄρα ἐχθήρευσας, μετὰ τὸ χηρεῦσαι· καὶ εἰ ἄρα ἦσαν ἐξ αὐτῶν δοῦλαι καὶ πόσαι

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

εἰ καὶ μὴ προαιρουμένοις ὁμοίως δὲ καὶ εἰς μετανοίας, τὸ εἶναι
«Ὁ Θεὸς ἰλάσθητί μοι τῶν ἁμαρτιῶν» τὸ ἦμισυ τῶν μετανοιῶν,
καὶ τὸ «Ἡμέροτόν σοι, συγχώρησόν μοι» ὁμοίως. Τὰ δὲ σαββατοκύ-
ριακα καὶ τὰς ἐρητὰς γονυκλισίας κάτω μὴ ποιεῖν, ἀλλὰ προσκυ-
νήσεις μόνον ὁμοίως καὶ τὸ δωδεκάημερον καὶ ἀπὸ τοῦ Πάσχα
ἕως τῶν ἁγίων πάντων, καὶ ὅταν ἀσθενῶσι καὶ αἱ γυναῖκες δὲ
ὅταν κακωλυμένοι τῆς Ἐκκλησίας εἰσὶ, μόνον προσκυνήσεις
ποιεῖτωσαν.

Γυναῖκας δὲ μὴ ὡς ἔτυχε θέξασθαι εἰς ἐξαγορεύσεις, εἰ
μήτε ἂν πρός θάνατον εἰσὶ καὶ προβεβηκυῖαι ἐν ἡμέραις πολλαῖς.

Примѣчаніе. Издаваемый теперь памятникъ представляетъ
довольно точный подлинникъ перевода въ Румянцевской
кормчей № 230. Существенная различія заключаются только
въ слѣдующемъ: 1) мѣстѣ, означенныхъ въ [], нѣтъ въ пере-
водномъ текстѣ, и 2) въ переводѣ вставлено (въ мѣстахъ отмѣ-
ченныхъ выше litt.—) *) «Сего же сказанія помощь дасть намъ
великий василни... съ таковыми погыбноути не въсхочемъ» (см.
Н. С. Суворовъ, стр. 76); *) «си яко дара слова... оумолимъ
къ владыцѣ» (см. ibid., стр. 63); *) «а въ винѣ... изволенно
когождо» (см. ibid., стр. 65) и *) «два дни оубо... двою д-нюю
ч-тою съблюдающе» (см. ibid., стр. 65).

Въ рукописи тогдашъ за настоящимъ текстомъ слѣдуетъ
статья «Περὶ εὐνοῦχων» и затѣмъ безъ всякаго обособленія — Кано-
нарій, съ надписаніемъ безъ имени Іоанна Постника, а просто:
«Κανονάριον, διαγορευθὸν περὶ πάντων τῶν παθῶν λεπ-
τόμερῶς καὶ τῶν τοῦτοις προσφόρων ἐπιτιμιῶν περὶ τῆς
ἀγίας κοινωνίας βρωμάτων καὶ πομάτων καὶ εὐχῶν λίαν-
συμπαθέστατον». Последній вмѣстѣ съ первымъ раздѣлены
по одному общему счегу на отдѣльныя правила, при чемъ соб-
ственно первый, какъ можно видѣть изъ псмѣтокъ въ (), раз-
дѣленъ на 8 правилъ или главъ.

εἰς πάντο
ἀσθενεῖς
μοναχοὺς
καὶ ἀρχ
οὐ χρῆ
σασιν
τι ἔχει
παῦον,
δοτα
σύνολο
ἔξω ν
μόνη
ἡγου
νεκρ
πέστ
ροτι
καὶ
λέγ
δισ
λο
νε
εἰ
β

